

ISSN 2073-8838

**Труды
Оренбургского
института
(филиала) МГЮА**

№ 4 (62) / 2024

Оренбург 2024

Оренбургский институт МГЮА

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

**Труды
Оренбургского института
(филиала) МГЮА
№ 4 (62) / 2024**

ОРЕНБУРГ – 2024

УДК 34

ББК 67

Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Редакционный совет:

КОЛОТОВ А.Ф. советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)

ШНИТЕНКОВ А.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)

АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор

БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор

БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор

ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент

ВОСКОБИТОВА Л.А. д.ю.н., профессор

БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор

ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор

ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, д.ю.н., доцент

ЖОЛОБОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой истории государства и права, д.ю.н., доцент

ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор

КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор

КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор

МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент

ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент

САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор

СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, д.ф.н., профессор

СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор

ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор

ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор

ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент

ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.

ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 4 (62). – Оренбург, 2024. – 134 с.

ISSN 2073-8838

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

ББК 67

ISSN 2073-8838

Подписной индекс 41232 в Объединенном каталоге «Пресса России».

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

<http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal>

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Оглавление

Раздел первый ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

БОРИСОВ Я.Е., АФАНАСОВА М.А.

Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при использовании электронных технологий 5

БУЯНОВА Е.В.

Как разграничить буллинг и диффамацию в отношении несовершеннолетних? (в контексте судебной практики по гражданским делам) 11

БЫЧКОВА Е.И., ГЛЕБОВА Ю.И.

Правовые аспекты сохранения объектов культурного наследия Российской Федерации 18

МИХАЙЛОВА Е.С.

Прекращение службы в органах следственного комитета Российской Федерации в связи с нарушением присяги и совершением проступков, порочащих честь сотрудника 23

СРЕТЕНЦЕВ А.Н.

О некоторых аспектах использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью 27

СТРЕЛЕЦ Ю.Ш., ГУЛЕНИНА С.В.

Этико-правовая экспертиза инновационных социальных технологий 31

Раздел второй ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БЕРДЕГУЛОВА Л.А.

Институт аффилированности в отечественном корпоративном праве: проблемы правоприменения 35

ПОЗДНЯКОВА А.С.

Совершенствование понимания компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности в российском праве 40

Раздел третий УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГУН Э.А.

Дискуссионные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка 47

БИМБИНОВА А.А.

Антиконкурентные преступления: научное и практико-ориентированное понимание 52

ГРЕБЕНКИН Ф.Б.

Ссылочные элементы уголовно-правовой нормы: понятие и классификация 60

ГРИШИН А.Ю.

Использование адвокатом цифровой информации в целях устранения пробелов предварительного расследования 66

ЖЕРЕБЯТЬЕВ И.В., АХМЕРОВ Р.В.

Усовершенствование уголовного судопроизводства Российской Федерации посредством внедрения искусственного интеллекта 70

ЖОЛОбОВА Г.А., НИКИТИНА Е.А.

Роль А.Ф. Кони в реализации принципов судебной реформы 1864 года 73

ЗОРИН С.Л.

Современные возможности и проблемы использования результатов ДНК-исследований в расследовании преступлений 82

ПЕСТЕРЕВА Ю.С., ШАГЛАНОВА А.Н.

Проблемные вопросы квалификации составов преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ, и вопросы совершенствования их конструкции 86

ПЛОТНИКОВА И.

Квалификация преступлений и усмотрение в правоприменении: антиподы, сотрудники или «близнецы» 90

РУБЦОВА А.С.

Вопросы применения нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего 94

ТАТЬЯНИНА Л.Г.

Оценка доказательств по ходатайству подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве 99

ХУНАРА Х.

Организация борьбы с экономическими и финансовыми преступлениями в республике Ирак 103

ШМЕЛЕВА Е.С.

Основания отмены (изменения) судебного решения в надзорной инстанции по УПК РФ 107

Раздел четвёртый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АЛИТУРЛИЕВА А.С.

Некоторые аспекты правового положения транснациональных корпораций как субъектов внешнеэкономической деятельности 113

ЛАПОЧКИНА Е.П.

Международно-правовые и внутригосударственные аспекты допуска иностранной рабочей силы 117

ХАБИБУЛЛИНА А.С.

Влияние решений Конституционного Суда РФ на правовое регулирование трудовой деятельности педагогического работника 122

Раздел пятый

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

ПИБАЕВА Е.А.

Правовое регулирование цифровизации образования в России: основные этапы 125

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

БОРИСОВ ЯН ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

АФАНАСОВА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

главный специалист по правовым вопросам (юрист) Регионального исполнительного комитета Оренбургского регионального отделения Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», 460000, г. Оренбург, ул. Цвиллинга, д. 1, afanasova_er@mai.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

BORISOV YAN EVGENIEVICH

PHD in Law, associate professor of the Department of constitutional and international law Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya street, 50, post@oimlsa.edu.ru

AFANASOVA MARIA ALEKSEEVNA

Chief Legal Specialist (lawyer) Regional Executive Committee of the Orenburg regional branch of the UNITED RUSSIA Party, 460000, Orenburg, Zwilling str., 1, afanasova_er@mai.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE ELECTORAL RIGHTS OF RUSSIAN CITIZENS WHEN USING ELECTRONIC TECHNOLOGIES

Аннотация: В статье анализируются конституционно правовые основы механизма защиты избирательных прав граждан Российской Федерации в условиях цифровизации избирательного процесса. Определена ключевая роль Конституционного Суда России в указанном механизме, проанализированы правовые позиции Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, избирательный процесс, дистанционное электронное голосование, блокчейн, защита избирательных прав, итоги голосования.

Review: The article analyzes the constitutional and legal foundations of the mechanism for protecting the electoral rights of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization of the electoral process. The key role of the Constitutional Court of Russia in this mechanism is determined, and the legal positions of the Supreme Court are analyzed

Keywords: elections, electoral process, remote electronic voting, blockchain, protection of electoral rights, voting results.

Защита избирательных прав граждан Российской Федерации как категория является ключевой в российском избирательном праве. Поэтапное реформирование избирательного законодательства, ориентированное на цифровизацию избирательного процесса, неизбежно оказывает влияние на устоявшийся механизм и нормативно определенный порядок организации и проведения выборов разного уровня, а также создает ориентир развития конституционно-правовой защиты избирательных прав граждан Российской Федерации.

Расширение информационно-цифрового пространства, внедрение в выборный процесс новых избирательных технологий имеют как позитивные, так и негативные итоги. Это обуславливает актуализацию вопросов и проблем, которые тесно связаны с защитой избирательных прав граждан России.

Защиту избирательных прав как категорию необходимо рассматривать как сложное конституционно-правовое явление. В доктрине не выработано единого подхода в понимании данного термина. К примеру, по мнению О.А. Снежко, категория «защита» как основа деятельности вполне выражается в системе соответствующих принципов, основополагающих обязанностей государственных органов и должностных лиц, в указании на правовое предназначение соответствующих механизмов¹. В понимании А.Р. Акчурина защита избирательных прав есть механизм восстановления нарушенных или устранения препятствий реализации субъективных избирательных прав, который осуществляется с применением соответствующих форм, процедур, способов и средств².

М.С. Матейкович раскрывает категорию «защита избирательных прав» через механизм реализации права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях, что обеспечивается межгосударственными организациями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, иными организациями, гражданами путем предотвращения нарушений избирательных прав, устранения препятствий их осуществления или восстановление нарушенного права и иными способами³.

Обобщая представленные позиции, следует отметить, что наличие различий в раскрытии авторами категории «защита избирательных прав» не влияет на выработку единства мнений в определении защиты избирательных прав как механизма, который включает в себя гарантии реализации прав и способы, средства восстановления нарушенных прав.

Ни Конституция Российской Федерации, ни федеральное законодательство не содержат трактовку понятия «защита избирательных прав». В Основном законе страны термин «защита» применяется к разным категориям. Например, говоря о защите, ст. 92 касается самой Конституции Российской Федерации, ст. 55, 56 – основ конституционного строя, ст. 59 – страны, Отечества, п. «б», «м» ст. 72 – национальных меньшинств и малочисленных этнических общностей, ст. 75 – денежной единицы, ч. 2 ст. 8 – форм собственности, ст.ст. 2, 23, 30, 37, 45 – прав и свобод человека и гражданина, его чести, доброго имени, нравственности, здоровья, законных интересов. Одновременно с этим в Конституции Российской Федерации содержатся такие категории, как государственная защита (ч. 1 ст. 45), правовая защита (ч. 3 ст. 46), судебная защита (ч. 1 ст. 46), социальная защита (ч. 2 ст. 7)⁴.

Проанализировав положения Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, мы поддерживаем позицию О.А. Снежко и приходим к выводу о том, что понятие «защита» наиболее часто используется для обозначения следующих аспектов:

- 1) правовые основы деятельности;
- 2) обязанности, цели и задачи, которые стоят перед государством и его органами;
- 3) соответствующие действия компетентных органов, должностных лиц и самих граждан⁵.

Действительно, ведущее место в защите прав гражданина занимает Конституция Российской Федерации, устанавливающая в Главе 2 основополагающие права и свободы человека и гражданина. Положения Основного закона государства закрепляют также ключевые элементы защиты избирательных прав. Например, положения ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации закрепляют право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Это гарантия реализации активного и пассивного избирательного права в Российском государстве. С другой стороны, ч. 1 ст. 81 Основного закона страны предусматривает основополагающие принципы избирательного права, указывая, что выборы в Российской Федерации проходят на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Как следует из анализа положений федерального законодательства, принципы избирательного права составляют основу правового регулирования избирательных прав, являясь согласованной системой гарантий, процедур, обеспечивающих императивное

¹ Снежко О.А. Конституционно-правовая природа защиты прав граждан // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 105.

² Акчурин А.Р. Порядок защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 18.

³ Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 14.

⁴ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237); Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144).

⁵ Снежко О.А. Конституционно-правовая природа защиты прав граждан // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 105.

проведение выборов различного уровня, реализацию и защиту избирательных прав граждан⁶. Например, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает принципы свободного и добровольного участия в выборах, открытости и гласности, состязательности и периодичности проведения выборов в Российской Федерации⁷.

Согласно Главе 2 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, закрепляется право граждан России на участие в управлении делами государства. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит такие права и гарантии избирательных прав, как: права граждан при регистрации (учете) избирателей, составлении списков избирателей, образовании избирательных округов и участков; гарантии прав при выдвижении и регистрации кандидатов, равенства кандидатов, гарантии деятельности зарегистрированных кандидатов, гарантии прав граждан в сфере информационного обеспечения выборов, гарантии прав при организации голосования, определении результатов выборов.

Категория «защита» как основа деятельности выражается в системе соответствующих принципов, основополагающих обязанностей органов государственной власти и должностных лиц, в указании на правовое предназначение конкретных механизмов. К примеру, согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ основное назначение уголовного судопроизводства сводится к защите прав и законных интересов лиц и организаций, которые пострадали от преступлений; к защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Согласно нормам ст. 2 Конституции Российской Федерации защита прав граждан есть основная конституционная обязанность государства. В действующем законодательстве, как правило, категория «защита» применяется для того, чтобы сформулировать цели и задачи правового регулирования общественных отношений. К примеру, ст. 4 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ

«О военных судах Российской Федерации» основным назначением военных судов называет обеспечение и защиту нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений⁹. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» закон имеет целью обеспечение государственной и общественной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц¹⁰.

Указанные выше примеры свидетельствуют о намерениях федерального законодателя разносторонне обеспечить защищенность граждан Российской Федерации. Одновременно с этим, представляется, что защита должна, в первую очередь, пониматься как совокупность соответствующих действий компетентных органов, должностных лиц и самих граждан. При этом действия следует рассматривать как факты, зависящие и происходящие по воле людей. Они всегда связаны с каким-либо движением, процессом, деятельностью¹¹. Особую значимость такие аспекты приобретают в ходе реализации избирательных прав граждан.

Ключевая роль в защите избирательных прав и принципов избирательного права принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Анализ судебной практики органа конституционного контроля позволяет заключить о том, что значительная часть решений и выраженных в них правовых позиций связаны с защитой избирательных прав в части выдвижения кандидатов, заверения списка кандидатов, регистрации кандидатов, проведения агитационных мероприятий, подведения итогов голосования¹². Например, таковым является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2022 г. № 50-П, где констатировалось, что избирательная комиссия, которая зарегистрировала кандидата, список кандидатов, принимая решение об утверждении формы и текста избирательного бюллетеня и информационных материалов о кандидатах, не должна отказывать кандидату в учете представленных им и не вызывающих сомнений в достоверности сведений об изменении после регистрации кандидата его должности по основному месту работы или службы, его основного места работы или

⁶ Князев С.Д. Принципы российского избирательного права // Правоведение. 1998. № 2. С. 20 – 31; Эбзеев Б.С., Прудников А.С. Конституционное право России: Учебник. М., 2012. С. 455.

⁷ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 29 мая 2024 г. № 110-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁹ Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (с изм. и доп. от 10 июля 2023 г. № 5-ФКЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁰ Федеральный закон от 05 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (с изм. и доп. от 03 июля 2016 г. № 292-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹¹ Шундилов К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 16.

¹² Обзор практики Конституционного Суда РФ за первый квартал 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024); Обзор практики Конституционного Суда РФ за второй и третий кварталы 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024); Обзор практики Конституционного Суда РФ за четвертый квартал 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024); Обзор практики Конституционного Суда РФ за второй и третий кварталы 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

службы, если это – с учетом времени представления названных сведений, способа их подтверждения, наличия необходимости проверить их достоверность – не нарушает установленных сроков принятия избирательной комиссией данного решения¹³.

В связи с внедрением в Российской Федерации электронного голосования возникла необходимость толкования отдельных положений обновленного законодательства. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде случаев вынес отказные решения по данному направлению избирательного процесса. Ярким примером служит Определение от 29 сентября 2022 г. № 2568-О, в котором орган конституционного контроля не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению. Как указал в своем Определении Конституционный Суд Российской Федерации, субсидиарные способы реализации активного избирательного права (голосование по доверенности, голосование по почте и по сети Интернет) широко распространились в избирательном законодательстве современных государств. Такой опыт показывает, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует и росту числа граждан, принимающих участие в голосовании, повышению гражданской активности.

Тем не менее, с целью обеспечения подлинности и справедливости избирательного процесса и его результатов, как ранее отмечалось в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 11-П, необходимы гарантии надежности и эффективности субсидиарных механизмов, которые применяются для организации голосования, соблюдение принципов свободных выборов и адекватное отображение волеизъявления избирателей, реализующих в ходе выборов свое право на участие в управлении делами государства¹⁴. Поэтому Суд считает, что для обеспечения избирателям дополнительной возможности отдать свои голоса на выборах согласно своим предпочтениям оспариваемое заявителем законодательное регулирование, которое закрепляет как субсидиарный способ осуществления активного избирательного права возможность проведения дистанционного электронного голосования,

предусматривает требования к обеспечению гласности при проведении дистанционного электронного голосования и к установлению порядка его проведения в части процедуры идентификации избирателя и обеспечения тайны голосования, а также определяет полномочия избирательных комиссий при проведении дистанционного электронного голосования.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, анализируемые положения Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Федерального закона от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»¹⁵, а также Закона города Москвы от 10 июня 2020 г. № 10 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования»¹⁶ не могут расцениваться как нарушающие конституционные права граждан Российской Федерации. Совершенствование в дальнейшем нормативного регулирования порядка дистанционного электронного голосования не дает оснований полагать, что ранее он не соответствовал конституционным требованиям всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании¹⁷.

В части оспариваемых положений о нарушении активного избирательного права из-за проведения дистанционного электронного голосования Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что такая ситуация не нашла подтверждения в указанных выше судебных актах. Кроме того, сами по себе они не могут свидетельствовать о принципиальной недопустимости данного способа голосования при условии надлежащей его организации, которая обеспечивает надежность, эффективность и прозрачность соответствующих процедур.

Что касается нарушения механизма дистанционного электронного голосования, то Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях при-

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2022 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38, пунктов 5 и 17 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 4 части 5 статьи 35 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданки Г.М. Вирасовой». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁵ Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁶ Закон города Москвы от 10 июня 2020 г. № 10 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобанова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», а также положениями Закона города Москвы «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования» и Порядка дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

ходит к следующему выводу: если лицо было привлечено к административной ответственности на основании его идентификации как виновного при помощи специальных средств, необходимо выплатить максимальный штраф¹⁸. Такая мера наказания вправе быть применена также за нарушение избирательных прав граждан в связи с применением электронных и цифровых технологий в ходе избирательного процесса.

Отдельного внимания заслуживает позиция судей Конституционного Суда Российской Федерации в части обеспечения принципа равенства при проведении выборов, в том числе с использованием электронного голосования. По мнению С.Н. Бондаря, развитие информационных и цифровых технологий негативно сказывается на социальном и правовом неравенстве. В частности, доступ к цифровому порталу «Государственные услуги» вполне может быть ограничен для отдельных категорий граждан. Причинами этого являются финансовая несостоятельность и невозможность приобрести необходимые технические устройства для осуществления входа на сайт. Следовательно, часть граждан ограничена в возможности выбрать те услуги, которые государство обязано им предоставить¹⁹.

Полагаем, что спектр рассматриваемых в Конституционном Суде Российской Федерации вопросов, касающихся избирательных прав, свидетельствует о потребности найти баланс и привести в соответствие с Конституцией Российской Федерации все избирательное законодательство. Особую значимость это приобретает в ситуации активного внедрения в избирательный процесс электронных, цифровых, информационных и иных средств и выработки механизма защиты избирательных прав при применении таких технологий.

Другой судебной инстанцией, в ведении которой находится контроль за осуществлением защиты избирательных прав граждан Российской Федерации, является Верховный Суд Российской Федерации. Суд не раз рассматривал дела в части организации и проведения электронного голосования. Например, изучив в открытом судебном заседании административное дело по апелляционной жалобе И.В. Ульянченко на решение Московского городского суда от 26 июля 2019 г. об отказе ему в удовлетворении административного искового заявления о признании недействующим решения Московской городской избирательной комиссии от 18 июля 2019 г. «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Москов-

ской городской Думы седьмого созыва», Верховный Суд Российской Федерации пришел к заключению, что оспариваемое решение не отменяет и не изменяет объективные критерии, с которыми законодатель связывает «дистанционное электронное голосование». Кроме того, решение не предусматривает и норм, которыми вводятся какие-либо ограничения на голосование в общем порядке, что допускает федеральный законодатель в качестве гарантии для избирателя. В этой связи решение Московского городского суда от 26 июля 2019 г. было оставлено без изменения, а апелляционная жалоба гражданина И.В. Ульянченко – без удовлетворения²⁰.

Нормы о применении электронных технологий при проведении выборов в России, несмотря на относительно недавний срок их принятия, уже активно реализуются. Одним из первых субъектов Российской Федерации, где состоялось дистанционное электронное голосование, стал город федерального значения Москва. Эксперимент по организации выборов депутатов Московской городской Думы седьмого созыва показал, с одной стороны, несомненные плюсы данного способа, а с другой – выявил моменты, требующие дальнейшего исправления. Все это, безусловно, оказало влияние на соблюдение принципов избирательного права и легитимность итогов голосования. В частности, предметом судебного разбирательства, которое анализировалось выше, стало заявление кандидата в депутаты Московской городской Думы И.В. Ульянченко, который настаивал на том, что применение дистанционного электронного голосования нарушает принципы тайного голосования и равенства избирательного права. В понимании заявителя, использование специального программного обеспечения, которое не входит в государственную автоматизированную систему «Выборы», есть противоречие Федеральному закону от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»»²¹. Как было указано ранее, истцу в удовлетворении требований отказали.

По окончании выборов в Московскую городскую Думу кандидат в депутаты Р.А. Юнеман настаивал на том, что 8 сентября 2019 г. в системе электронного голосования состоялось три сбоя, что означало нарушение избирательных прав граждан и не давало оснований установить реальные итоги выборов. Требование истца также осталось без удовлетворения. Суд пришел к заключению, что возникшие технические неполадки не оказали существенного влияния на итоги голосования, кроме того, члены участковой изби-

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2019 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁹ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 36.

²⁰ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06 августа 2019 г. № 5-АПА19-93. [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

²¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»» (с изм. и доп. от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

рательной комиссии предпринимали действия по устранению технических неполадок, что способствовало восстановлению избирательных прав граждан²².

Подводя итог анализу конституционно-правовой защиты избирательных прав граждан Российской Федерации при использовании электронных технологий, необходимо отметить, что наиболее эффективный механизм такой защиты в настоящее время требует обновления действующего законодательства. В частности, предлагаем ввести п. 17.1 в ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которым закрепить понятие «защита избирательных прав» и дать ему определение: защита избирательных прав – это механизм осуществления субъективных избирательных прав граждан, среди которых – право избирать, избираться и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, деятельностью избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, в других избирательных действиях, а также совокупность конституционно-правовых и иных способов и средств, гарантирующих и обеспечивающих восстановление нарушенных избирательных прав.

Полноценная реализация принципов всеобщего,

равного, прямого избирательного права, принципа тайного голосования при использовании актуальных электронных технологий в избирательном процессе требует решения вопросов в части идентификации личности при дистанционном голосовании. Полагаем, что для этого необходимо задействовать технологию распознавания лица при помощи биометрических данных, поскольку уникальные биометрические характеристики избирателя практически полностью исключают возможность фальсификации данных при регистрации, в отличие от электронной цифровой подписи или кода.

С целью обеспечения комплексного общественного контроля в ходе голосования, в том числе с применением дистанционного электронного голосования, следует предусмотреть расширение прав наблюдателей в части предоставления им возможности включения в избирательную кампанию с момента официального опубликования решения о назначении выборов. Это позволит наблюдателям знакомиться с документацией, касающейся дистанционного электронного голосования, посещать агитационные встречи кандидатов и избирательных объединений.

Принципы доступности и безопасности голосования невозможно соблюсти без создания единой цифровой платформы, действующей в масштабах всего государства. В этой связи считаем необходимым организовать цифровую платформу «Электронные выборы» по образцу единого окна, на которой будут реализованы все стадии избирательного процесса.

Библиографический список

1. Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Принципы избирательного права // Право и жизнь. – 2000. – № 28. – С. 84-99.
2. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал Российского права. – 2019. – № 11. – С. 25-42.
3. Князев С.Д. Принципы российского избирательного права // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 20-31.
4. Снежко О.А. Конституционно-правовая природа защиты прав граждан // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 1. – С. 104-113.
5. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран [учебник] / В.Е. Чиркин. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2019. – 527 с.
6. Эбзеев Б.С. Конституционное право России [учебник] / Б.С. Эбзеев, А.С. Прудников. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 615 с.

Рецензент: Архирейская Т.Ю., заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

²² Решение Чергановского районного суда города Москвы от 30 октября 2019 г. по делу № 02а-029/2019 по административному иску Р.А. Юнемана к УИК ДЭГ № 5003 об отмене решения. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

БУЯНОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8(3532) 72-22-77, e-mail: ekbuyanova@yandex.ru

КАК РАЗГРАНИЧИТЬ БУЛЛИНГ И ДИФФАМАЦИЮ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ? (В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ)

BUYANOVA EKATERINA VLADIMIROVNA

Candidate of Law, Associate Professor of civil Law and Process Orenburg Institute (branch) of Moscow State University of Law named after O.E. Kutafin (MSLA), Orenburg, Str. Komsomolskaya, 50, тел. 8(3532) 72-22-77, e-mail: ekbuyanova@yandex.ru

HOW TO DISTINGUISH BETWEEN BULLYING AND DEFAMATION IN RELATION TO MINORS? (IN THE CONTEXT OF JUDICIAL PRACTICE IN CIVIL CASES)

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования понятия буллинга и ответственности за него в Российской Федерации. Стремительно развивающиеся информационные технологии актуализируют необходимость поиска эффективных правовых инструментов защиты чести и достоинства несовершеннолетних вследствие распространения в мессенджерах и социальных сетях информации, порочащей их честь и достоинство. В связи с чем возникает необходимость выявления соотношения понятий «буллинг» и «диффамация» в контексте гражданско-правовой ответственности. На основе анализа судебной практики автором выявляются основные трудности, которые возникают в процессе привлечения «буллеров» к гражданско-правовой ответственности, а также правильного определения субъекта такого вида ответственности. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в этой части.

Ключевые слова: буллинг, диффамация, несовершеннолетние, гражданско-правовая ответственность, штраф.

Annotation: The article deals with topical issues of legal regulation of the concept of bullying and responsibility for it in the Russian Federation. Rapidly developing information technologies actualize the need to find effective legal instruments to protect the honor and dignity of minors due to the dissemination of information in messengers and social networks that discredit their honor and dignity. In this connection, there is a need to identify the relationship between the concepts of «bullying» and «defamation» in the context of civil liability. Based on the analysis of judicial practice, the author identifies the main difficulties that arise in the process of bringing «bullers» to civil liability, as well as the correct definition of the subject of this type of liability. Proposals have been formulated to improve legislation and law enforcement practice in this area.

Keywords: bullying, defamation, minors, civil liability, fine.

Межличностные конфликты – это неотъемлемая часть жизни человека. Конфликты между детьми и подростками и вовсе не являются чем-то удивительным, так как свидетельствуют о становлении личности малолетнего ребенка и подростка, формируют навыки отстаивания собственного мнения. Но до тех самых пор, пока эти конфликты не переходят рамки разумного и границы дозволенного. Однако, как определить ту грань, которую нельзя переступать? Как понять, где заканчивается обычная размолвка школьников, а где уже начинается правовая ответственность?

Основываясь на эмпирических данных, можно сказать, что школьный конфликт, в отличие от травли, во-первых, чаще возникает спонтанно; во-вторых, в нем обе стороны ответственны за произошедшее; в-третьих, длится недолго; в-четвертых, его можно разрешить.

Но, пожалуй, самая главная отличительная особенность травли – это заведомо неравные силы участников конфликта¹.

На сегодняшний день вопросы, связанные с разработкой наиболее эффективных способов борьбы с

¹ Пять серьезных отличий обычного школьного конфликта от травли. Типичные ситуации буллинга, которые нельзя спутать. [Электронный ресурс]. URL: https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/3195872-bulling_or_conflict (дата обращения: 27.11.2024).

насилием в школе, являются крайне актуальными. Можно с уверенностью сказать, что это вопрос государственной важности.

Было бы лукавством указывать на то, что межличностных конфликтов и травли не было в советское время. Вспомним повесть Владимира Железникова «Чучело». Очевидно, это литературное произведение, которое демонстрирует важные социальные проблемы школы советского времени. В «перестроечные» времена ситуация складывалась еще более стихийным образом. Думается, сегодня все подростки знают о такой «жемчужине современного кинематографа» как «Слово пацана». Вот только неясно, какова цель такой кинокартины: показать, как делать не должно, или, напротив, сформировать новые идеалы у подрастающего поколения.

Современная молодежь сейчас и так недостаточно эмоционально стабильна. Мало того, что это объясняется возрастными особенностями детской психики, так ситуация усугубляется еще и тлетворным влиянием западного формата поведения, который навязывается современным российским детям: в одежде, музыкальных пристрастиях, отношении к институту семьи, поведенческих реакциях. Не остается в стороне, и всемирная паутина как средство воздействия на сознание подростков. Указанные факторы разрушают систему духовно-нравственных ценностей и ориентиров современной молодежи, не оставляя, таким образом, шансов для формирования здорового поколения российских граждан. Возможно, это является преувеличением. Но, к сожалению, происходящие в законотворческой и правоприменительной деятельности процессы свидетельствуют об обратном.

В декабре 2023 года председатель Государственной Думы Российской Федерации Вячеслав Викторович Володин инициировал разработку закона по борьбе со школьной травлей². Новый закон призван определить травлю в школе как самостоятельное правонарушение, закрепить ответственность за буллинг и меры профилактики в школах.

Возникает вопрос: свидетельствует ли возникшая необходимость закрепления на законодательном уровне отдельного понятия, охватывающего собой физическое и психологическое насилие в школе, о неэффективности действующего законодательства в этой сфере? Какие виды юридической ответственности за травлю в школе существуют на сегодняшний день? Другими словами, насколько защищенной может себя чувствовать жертва школьного насилия в современных реалиях?

Следует отметить, что легального определения понятия «буллинг» действующее законодательство

не содержит. Вместе с тем, действия, составляющие объективную сторону буллинга (травли), вполне можно квалифицировать по нескольким статьям Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)³ (ст. 5.61 «Оскорбление», ст. 5.61.1 «Клевета», ст. 20.1 «Мелкое хулиганство») и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁴ (ст. 213 «Хулиганство», ст. 128.1 «Клевета», ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ст. 117 «Истязания»)⁵. Однако установленный законом возраст привлечения к административной и уголовной ответственности составляет 16 лет (ст. 2.3. КоАП РФ и ст. 20 УК РФ). Возможность привлечения к ответственности до 16 лет, представляется маловероятной, исходя из содержания соответствующих норм УК РФ и КоАП РФ. В то же время, очевидно, что проблемой профилактики буллинга нужно активно заниматься в отношении учащихся 4-8 классов (от 10 до 15 лет), потому что у подростков более старшего возраста (16 лет) уже определяется базовый набор ценностей, появляются планы на будущее, профессиональная ориентированность, чувство собственной значимости, что автоматически исключает необходимость самоутверждения за счет подавления личности более слабого в психологическом или даже физическом плане сверстника и стихийного желания «выделиться из толпы». С одноклассниками формируются партнерские отношения, они становятся коллегами, которые идут в одном направлении и объединяют усилия для решения общих задач, понимая, что в такой форме коммуникаций гораздо больше положительных моментов. Кроме того, следует обратить внимание и на то, что, исходя из санкции указанных статей, к несовершеннолетним чаще всего применяются только два вида административных наказаний – это предупреждение и административный штраф, а в УК РФ – штраф и исправительные работы. В Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» нет категории «буллер», поэтому сложно поставить агрессора на учет⁶. Изложенные факты свидетельствуют о необходимости закрепления буллинга или травли в качестве самостоятельного правонарушения, совершение которого будет влечь за собой ответственность до достижения буллером 16 лет и свидетельствовать о неотвратимости наказания за совершенное им противоправное деяние. В связи с чем детального анализа требуют положения проекта закона о буллинге.

Так, в законопроекте под буллингом предлагается

² Нет школьной травле: кого и как будут наказывать по новому законопроекту. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Za4bx0SLuy-TBc7B> (дата обращения: 12.12.2024).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Предусмотрена ли ответственность за травлю в школе (буллинг) в общеобразовательной организации? [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo163.ru/predusmotrena-li-otvetstvennost-za-travlyu-rebenka-bulling-v-obshheobrazovatelnoj-organizacii/> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

понимать систематическое психологическое и/или физическое агрессивное поведение группы лиц или одного лица, в отношении другого лица или лиц, осуществляемого в том числе с использованием электронных средств коммуникации.

Сформулированное определение порождает ряд вопросов:

во-первых, «агрессивное поведение»: как, с учетом разной степени ранимости и обидчивости каждого подростка, определить единый стандарт «агрессивного» поведения;

во-вторых, «систематическое»: два и более эпизода обычно считаются системой, однако это следует четко закрепить законодательно;

в-третьих, «психологическое агрессивное поведение»: скорее всего, для его выявления будет необходимо проводить психолого-психиатрическую экспертизу⁷;

в-четвертых, каким образом должны фиксироваться все указанные признаки, свидетельствующие о наличии именно буллинга: устно или письменно? Если письменно, то в какой форме: акта, протокола или заключения. И в этой связи возникает еще один нюанс: предполагается ли привлечение к указанному процессу административных органов, к примеру, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав или эта обязанность будет возложена исключительно на педагогов школы?

Представляет интерес и отраженная в законопроекте схема «борьбы» с буллингом: сначала профилактика, а потом – наказание. Так, по замыслу авторов законопроекта, Министерство просвещения Российской Федерации разработает единый стандарт профилактики травли, то есть некие правила профилактики буллинга в школах, которые будут обязательны для исполнения всеми участниками образовательных отношений. Целью такого нововведения является стремление государства научить педагогов, школьных психологов и родителей выявлять первые признаки физической и психологической травли и грамотно действовать в таких ситуациях. Однако вряд ли такая профилактика будет действенной в отношении иерархически выстроенных подростковых мини-группировок внутри школы.

В целях противодействия школьной травле, в законопроекте предлагаются следующие виды ответственности:

- замечание,
- выговор,
- исключение из учебного заведения (отчисление),
- штраф.

Замечание и выговор, как меры ответственности, на наш взгляд, представляются малоэффективными, тем более для подростков, систематически занимающихся травлей в стенах школы ввиду отсутствия у них каких-либо авторитетов среди педагогов и нали-

чия собственной сформированной системы жизненных ценностей, в число которых вряд ли входит стремление к примерному поведению или чувства вины и раскаяния за проявленную агрессию. Думается, напротив, с позиции буллера, чем больше подобных выговоров и замечаний, тем он выглядит более значимым в глазах школьной общественности.

На первый взгляд, наиболее эффективным средством борьбы с травлей, видится исключение буллера из школы (отчисление), так как оно сопряжено с устранением причины проблемы. Однако при ближайшем рассмотрении реализация указанной меры ответственности сталкивается с рядом трудноразрешимых вопросов: во-первых, весьма неточные формулировки оснований ответственности за буллинг, о которых говорилось ранее, и, главное, во-вторых, противоречие указанного положения норме ст. 4 ст. 43 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)⁸ о праве каждого на основное общее образование, то есть окончание девяти классов. Кроме того, отчисление буллера из одной школы вовсе не означает искоренение проблемы буллинга вовсе. Учитывая положения ч. 4 ст. 43 Конституции РФ, такого ребенка должны принять в другую школу для окончания им обучения, и где гарантии того, что он и в этой школе не будет осуществлять насилие и травлю. Опять же: а вдруг из школы будет исключен вовсе не инициатор и зачинщик школьного буллинга, а исполнитель, который возьмет ответственность за содеянное на себя, а травля в школе будет продолжаться? В этом случае проблема остается нерешенной, а у отчисленного ребенка на всю жизнь сформируется чувство социальной несправедливости и неверие в неотвратимость закона. А это, в свою очередь, ведет к повышению уровня преступности как среди детского, так и, в последующем, взрослого населения.

Думается, из всех предлагаемых в законопроекте мер ответственности за буллинг в школах самым перспективным является штраф для родителей и школы за игнорирование сигналов о травле. Но вновь возникают вопросы: каковы порядок и основания для его назначения? Должно ли предшествовать его назначению какое-либо разбирательство и где – в школе, или это будет делать административный орган; суд? Каким должен быть размер штрафа, чтобы, с одной стороны, он выполнял воспитательную функцию, а с другой – не нарушал требования разумности? Как быть в случаях, когда ребенок-буллер воспитывается в малообеспеченной семье и у родителей (или одного из родителей, законных представителей) отсутствуют достаточные средства для уплаты штрафа и они находятся в трудной жизненной ситуации?

Одним словом, содержание законопроекта о буллинге свидетельствует о большом количестве нерешенных вопросов. Но сам факт его разработки сви-

⁷ Школьный буллинг: ответственность по новому закону. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Za0a_WWVr2TlWf4T (дата обращения: 27.11.2024).

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 4 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237).

детельствует о попытках юридической общественности предложить конкретные способы преодоления весьма значимой социальной проблемы. Однако, как же обеспечить интересы жертвы школьной травли в ситуации, когда действующее уголовное и административное законодательство не способно воздействовать на агрессора, а буллинг как вид правонарушения еще не закреплен в законодательстве? Как показывает практика, ситуацию спасают меры гражданско-правовой ответственности, применяемые к зачинщикам школьной травли. В качестве примера приведем один из таких случаев. Так, у ученика 4-го класса в начале учебного года обострилась экзема на фоне хронического атопического дерматита. Несмотря на заболевание, мальчик продолжал ходить в школу. Он надевал стерильные перчатки, чтобы в раны на его ладонях не попала инфекция. Учитель на глазах одноклассников заставила снять мальчика перчатки и показать пораженные болезнью руки, комментируя увиденное, в своем тоне и выражениях учитель проявила высокомерие и брезгливость, тем самым спровоцировав травлю, которая закончилась избиением мальчика его одноклассниками. Учреждение здравоохранения, в котором мальчику была оказана первая медицинская помощь, направило информацию о факте избиения в полицию и МВД. Мама мальчика обратилась к Уполномоченному по правам ребенка в регионе, который перенаправил обращение в прокуратуру. Прокуратура, в свою очередь, вынесла представление об устранении нарушений в адрес начальника управления образования. После этого мама обратилась в суд с иском о взыскании компенсации морального вреда общей суммой в 200 тыс. рублей. Со школы взыскали 100 тыс. рублей компенсации морального вреда, а также расходы на проведение психологического обследования в размере 2000 рублей⁹. Из данного примера следует, что единственной примененной в данном случае мерой административной воздействия выступило представление об устранении нарушений в адрес начальника управления образования, в остальном же были применены меры гражданско-правовой защиты.

Итак, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹⁰ существует ряд статей, предполагающих возмещение вреда, причиненного оскорблениями, клеветой, распространением ложных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию человека.

Системный анализ ст. 151 и ст. 152 ГК РФ позволяет выделить два способа защиты неимущественных прав несовершеннолетнего, подвергшегося травле в школе:

во-первых, опровержение сведений, порочащих честь и достоинство несовершеннолетнего («диффамация»);

во-вторых, компенсация морального вреда.

Следует сказать еще и о третьем способе - возмещение имущественного вреда - если в ходе травли ребенку причинен имущественный вред: например, разбит телефон, испорчен рюкзак, одежда, обувь, школьные принадлежности. В данном случае необходимо обосновать как сумму ущерба, так и причинно-следственную связь между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями в виде порчи имущества жертвы школьного насилия. В этом случае в качестве относимых и допустимых доказательств могут использоваться видеозаписи и показания свидетелей.

Рассмотрим каждый из случаев в отдельности.

1. Прежде всего, не согласны с экспертами, указывающими на то, что «на практике доказать ущерб чести, достоинству и деловой репутации ребенка сложно, особенно в денежном выражении. Да и почти нет пока деловой репутации у школьника», и предлагающими по этой причине ограничиться только возмещением морального вреда¹¹. Дело в том, что цели, преследуемые лицом, в нашем случае несовершеннолетним, подвергшимся буллингу, путем обращения за судебной защитой различные: в первом случае – восстановить доброе имя, а во втором – компенсировать физические и нравственные страдания, возникшие вследствие травли. Во втором случае – это только денежная компенсация (ст. 151 ГК РФ).

Сказанному есть подтверждение в судебной практике. Так, в Королевский районный суд Московской области в лице законных представителей обратился несовершеннолетний с иском к ответчику (предполагаемому отцу) о защите чести и достоинства, обязанности опровергнуть сведения, ссылаясь на то, что на протяжении длительного времени ответчик распространяет порочащие сведения о нем среди государственных и муниципальных органов, о том, что он не является сыном своего отца, а является его сыном, что истец считает грубой ложью. Все документы, подтверждающие отцовство, имеются. Воспитанием и исполнением всего комплекса родительских прав в отношении него всегда занимались его настоящие родители. Суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, среди прочего, сослался на пункт 9 утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, в котором указано, что требования истца о защите чести и достоинства не подлежат удовлетворению, если им оспариваются сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, а само обращение не содержит оскорбительных выражений и обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право на обращение в

⁹ Кто несет ответственность за буллинг? Обзор судебной практики. [Электронный ресурс]. URL: <https://медиатор-рф.turbopages.org/xn-80ahcngqoo.xn-p1ai/s/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bulling-obzor-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹¹ Школьный буллинг: ответственность по новому закону. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Za0a_WWVr2T1Wf4T (дата обращения: 27.11.2024).

государственные органы и органы местного самоуправления.

Рассмотрев, все обстоятельства по делу, суд, исходя из представленных в материалы дела письменных документов, с достоверностью установил, что между сторонами имеется судебный спор по установлению отцовства, который подлежит судебной проверке и разрешению, в связи с чем, предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ являться не может. Поскольку суд отказывает истцу в удовлетворении данной части требований, требования об обязанности ответчика опровергнуть спорные сведения также удовлетворению не подлежат как производные от основных¹².

Указанный пример из судебной практики явно демонстрирует, что при распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних иски о защите их чести и достоинства в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹³ могут предъявить их законные представители. По требованию заинтересованных лиц (например, родственников, наследников) защита чести и достоинства гражданина допускается и после его смерти (пункт 1 статьи 152 ГК РФ). При этом, следует учитывать, что при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий (абз. 3 и 4 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина») (абз. 3 и 4 п. 32)¹⁴.

Исковое заявление о защите чести и достоинства несовершеннолетнего может быть подано в районный суд по месту жительства (для физических лиц) или месту нахождения (для юридических лиц) ответчика, в исковом заявлении следует отразить, что ответчиком совершены действия порочащие честь и достоинство несовершеннолетнего, а именно публичное распространение ложной информации, носящей порочащий характер, а также должны быть приложены доказательства, подтверждающие распространение указанных сведений (например, показания очевидцев, текст статьи, заметки размещенной в СМИ либо

в Интернете, отзывы, комментарии в отношении истца, опубликованные ответчиком на странице ответчика в социальной сети), а при наличии переписки в мессенджерах, социальных сетях - скриншоты сообщений. В качестве допустимых доказательств могут использоваться удостоверенные в нотариальном порядке интернет-страницы¹⁵.

Если с иском о защите чести и достоинства несовершеннолетнего обращается его законный представитель (ст. ст. 37, 52 ГПК РФ), то в предмет доказывания включается факт того, что заявитель является родителем либо лицом, его заменяющим. В этом случае имеет значение и возраст несовершеннолетнего ребенка, в частности, для решения вопроса о привлечении его к участию в деле (ч. ч. 3, 5 ст. 37 ГПК РФ)¹⁶.

Право на самостоятельное обращение в суд за защитой своих законных прав и интересов ребенок приобретает по достижении 14 лет (ч. 3 ст. 37 ГПК РФ), однако его интересы в процессе должны защищать законные представители.

2. Потерпевший (жертва буллинга) под воздействием агрессора также получает травмы психологического характера - неуверенность в себе, стыд, то есть последствия буллинга выражаются в нанесении морального вреда, который также подлежит компенсировать.

В исковом заявлении о возмещении морального вреда следует обосновать свои требования, которые могут подтверждаться такими средствами доказывания, как видеозаписи на смартфон, скриншоты переписки в мессенджерах и социальных сетях, свидетельские показания и т.д. Однако судебная практика свидетельствует о весьма незначительном размере возмещения по делам указанной категории – от 50 до 100 тыс. рублей¹⁷.

Представляется логичным привлекать к возмещению морального вреда за подобные действия, совершаемые детьми, не достигшими возраста 14 лет или от 14 до 18 лет, не имеющими дохода, родителей и других лиц, осуществляющих воспитательную деятельность на законных основаниях, компенсируя моральный вред, причиненный их детьми¹⁸. Однако судебная практика не всегда идет по указанному пути. Так, в Михайловский районный суд Волгоградской области обратилась М., в интересах своей несовершеннолетней дочери, с иском к средней школе о взыскании компенсации морального вреда. Истица указала, что её дочь обучалась в начальных классах дан-

¹² Решение № 2-2873/2023 от 13 сентября 2023 г. по делу № 2-2873/2023. Королёвский городской суд (Московская область). [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CkWhCT90WjHq/> (дата обращения: 28.11.2024).

¹³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁵ Защита чести и достоинства несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. URL: <https://72.мвд.рф/document/17062396> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁶ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/3519585-r12.html> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁷ Кто несёт ответственность за буллинг? Обзор судебной практики. [Электронный ресурс]. URL: <https://медиатор-рф.turbopages.org/xn-80ahcnr9oo.xn-p1ai/s/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bulling-obzor-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения: 28.11.2024)

¹⁸ Афанасьевская А.В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 3. С. 250-251.

ной школы и подверглась буллингу со стороны одноклассников. По мнению суда «данная ситуация осталась без должного внимания со стороны учителя. Кроме того, о происходящем не были поставлены в известность школьный психолог, социальный педагог, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, а также директор», в результате чего решением Михайловского районного суда Волгоградской области в пользу несовершеннолетней в лице её законного представителя взыскана компенсация морального вреда в размере 50 тысяч рублей со средней школы. Ответчик (школа) обжаловал решение, однако Волгоградский областной суд оставил его без изменения, а апелляционную жалобу – без удовлетворения¹⁹. Позиция суда, изложенная в данном примере, представляется спорной, так как, на наш взгляд, следовало бы привлечь в качестве соответчиков по данному делу и несовершеннолетних буллеров в лице их законных представителей.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что меры гражданско-правовой защиты в вопросах борьбы с буллингом являются не менее эффективными чем карательно-воспитательное воздействие административной ответственности. Если за травлю предусмотрены штрафные санкции и исключение из школы, то за причинение нравственных и физических страданий – денежная компенсация, а за распространение сведений, не соответствующих действительности – принятие публичных извинений и опубликование опровержения в этом же средстве массовой информации. Следовательно, штраф обращен именно к буллеру (агрессору), он направлен на его «перевоспитание», а компенсация морального вреда и диффамация – к жертве травли. Но в отличие от компенсации морального вреда, которая осуществляется в денежной форме, диффамация предполагает «реанимирование» доброго имени и репутации подростка, что зачастую является для жертвы буллинга более важным обстоятельством чем деньги.

Как правило, проблема разграничения буллинга и диффамации возникает именно в том случае, когда травля переходит в интернет-пространство, то есть информация, порочащая доброе имя жертвы буллинга, становится доступной неограниченному кругу лиц. Если в действиях подростка будут установлены признаки буллинга, клеветы, оскорбления, в порядке гражданского судопроизводства возможно возмещение морального вреда, или опровержение порочащих честь и достоинство сведений. Вот интересный пример: сообщение в мессенджере: «Лена такая-то – позор такой-то школы». Автор сообщения – аноним. Чем автор сообщения может это подтвердить? А с другой стороны, как жертва может опровергнуть то, что она не позор школы? А ответ кроется в перераспределении обязанности по доказыванию, что является специфичным для дел указанной категории: бре-

мя доказывания возлагается на ответчика. Пусть он докажет: по каким именно причинам Лена является позором школы. Но кого она должна указать в качестве ответчика? Провайдера, администратора группы? Кроме того, следует учитывать, что буллинг – это деятельность, характеризующаяся признаком систематичности ее осуществления, одним из эпизодов которой может быть распространение порочащих сведений в отношении жертвы буллинга. А может наличествовать, напротив, только диффамация, в отсутствие буллинга, заключающаяся в публикации единичного сообщения, порочащего честь и достоинство.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

Во-первых, предлагаемые законопроектом меры ответственности за буллинг не включают в себя меры гражданско-правовой ответственности, реализуемые посредством судебной формы защиты права, в то время как, в случае недостижения несовершеннолетним возраста уголовной или административной ответственности, на несовершеннолетнего нарушителя можно воздействовать только гражданско-правовыми способами;

во-вторых, закрепление на законодательном уровне понятия «буллинг» не влечет за собой появление новой категории гражданских дел с присущими ей процессуальными особенностями, а охватывается уже существующими категориями дел о компенсации морального вреда и защите чести и достоинства несовершеннолетнего;

в-третьих, несмотря на частно-правовой характер защищаемого интереса по делам о защите чести и достоинства подростка, целесообразно предусмотреть в действующем гражданском процессуальном законодательстве обязательность участия прокурора в форме дачи заключения по делу в случае, если необходимость опровержения порочащих сведений возникла в результате буллинга. Кроме того, привлечение родителей (законных представителей) и школы в качестве ответчиков по делам указанной категории, следует отнести к случаям обязательного (необходимого) соучастия;

в-четвертых, школа, на сегодняшний день, объективно не может быть субъектом профилактики правонарушений несовершеннолетних. Образовательные учреждения не располагают реальными возможностями по поддержанию дисциплины, не могут отчислить правонарушителя, не определен порядок их взаимодействия с органами внутренних дел. Лишь после решения этих проблем можно будет поставить вопрос об ответственности работников образования за факты буллинга в школе и возникновение хулиганских группировок. В настоящее время такая ответственность является не чем иным, как объективным вменением²⁰.

¹⁹ Суд взыскал 50 000 рублей со школы, допустившей травлю ученицы. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZgBsl0V01R2YMBe3> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁰ Школьный буллинг: ответственность по новому закону. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Za0a_WWVr2T1Wf4T (дата обращения: 27.11.2024).

Именно поэтому комплексный межведомственный подход к решению социально значимой проблемы буллинга является вопросом жизненной необходимости. Недостаточно закрепить в законе понятие буллинга и меры ответственности. Нужно обеспечить реализацию на практике уже существующих способов ответственности за травлю в школах, в том числе гражданско-правовой, так как она позволяет учитывать частные интересы жертвы буллинга посредством институтов диффамации и компенсации морального вреда. Нужно менять коренным образом психолого-поведенческие реакции учителей, социальных педагогов, администрации школы – в этом направле-

нии может быть весьма эффективной медиативная помощь, которую нужно развивать. В том случае, если конфликт не удалось разрешить на досудебном этапе, и его рассмотрение перешло в судебную плоскость, следует задуматься о корректировке судебной практики путем увеличения денежной компенсации причиненных физических и нравственных страданий жертве травли. Только общее стремление всех заинтересованных в решении проблемы буллинга субъектов, поможет искоренить ее или хотя бы ослабить ярко выраженные «клинические признаки». Нужно помнить, что от успешного решения этой проблемы сегодня, зависит будущее наших детей.

Библиографический список

1. Афанасьевская А.В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – № 3. – С. 245-251.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н., доцент.

БЫЧКОВА ЕКАТЕРИНА ИГОРЕВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, подполковник юстиции, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

ГЛЕБОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, glebova77756@gmail.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

BYCHKOVA EKATERINA IGOREVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev, Lieutenant Colonel of Justice, 125080, Moscow, Vrubel str., 12

GLEBOVA YULIA IVANOVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, glebova77756@gmail.com

LEGAL ASPECTS OF THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE SITES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Культурное наследие России не только рассказывает о нашем культурно-историческом прошлом, но и формируют наше национальное самосознание, несет в себе образовательную, воспитательную и патриотическую функции. Наследие наших предков дает нам возможность осознать себя частью единого народа и его культуры. В статье рассматриваются некоторые аспекты сохранения объектов культурного наследия и вносятся предложения по налаживанию организационно-правового механизма, направленного на сохранение и охрану объектов культурного наследия Российской Федерации.

Abstract: The cultural heritage of Russia not only tells about our cultural and historical past, but also forms our national identity, carries educational, educational and patriotic functions. The heritage of our ancestors gives us the opportunity to realize ourselves as a part of a single nation and its culture. The article discusses some aspects of the preservation of cultural heritage sites and makes proposals for the establishment of an organizational and legal mechanism aimed at the preservation and protection of cultural heritage sites of the Russian Federation.

Ключевые слова: культурное наследие, органы публичной власти, местное самоуправление, административная ответственность, уголовная ответственность, судебная практика.

Keywords: cultural heritage, public authorities, local self-government, administrative responsibility, criminal liability, judicial practice.

Культурное наследие России – источник формирования исторической памяти народов нашей страны, своего рода библиотека, в которой можно хранить, получать, укреплять знания о своей Родине. И часто, утрата подобных источников оборачивается невосполнимой потерей памяти о многочисленных исторических событиях и наших предках. Сегодня памятники культурного наследия не только рассказывают о нашем культурно-историческом прошлом, но и формируют наше национальное самосознание, несут в себе образовательную, воспитательную и

патриотическую функции. Наследие наших предков дает нам возможность осознать себя частью единого народа и его культуры.

Ст. 44 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. И кроме того, каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Таким образом, сохранение объектов культурного наследия находится не просто в компетенции ор-

ганов публичной власти, но и является конституционной обязанностью каждого человека, находящегося на территории Российской Федерации. Отметим, что формулировка «каждый» в указанной норме Конституции РФ подразумевает не только граждан Российской Федерации, а именно каждого человека, не зависимо от гражданской принадлежности.

Примечательно, что вопросы, касающиеся защиты культурного наследия в дальнейшем раскрываются в непривычном для молодых юристов документе, не в федеральном законе, а в Основах законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 10.07.2023), где дается определение категории «культурное наследие народов России» – это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (далее – ФЗ № 73) закрепляется понятие «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации» - это уникальная ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и неотъемлемая часть всемирного культурного наследия.

Согласно ФЗ № 73 к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Как отмечается в данном определении объектами культурного наследия могут выступать и ценности.

Следует обратить внимание еще на один нормативно-правовой акт – Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

В нем определяется объем полномочий федеральных, региональных и местных органов власти в сфере нематериального этнокультурного достояния России. Кроме того, закон определяет, что нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации – это нематериальное культурное наследие народов

Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения.

Полагаем, что принятие данного закона и реализация его положений поспособствует созданию правовых и организационных основ для обеспечения культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации и сохранения этнокультурного и языкового многообразия.

В вопросах сохранения объектов культурного наследия важнейшую и, собственно, непосредственную роль в реализации нормативных актов в этой сфере осуществляют органы местного самоуправления.

Так, согласно Федеральному закону от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы местного значения ряда муниципальных образований включают следующие:

- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности поселения, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории поселения;

- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в муниципальном, городском округе.

Кроме того, органы местного самоуправления непосредственно задействованы в процессе выявления объектов культурного наследия, сведения о которых подаются в региональные органы власти, которые, в свою очередь, и принимают решение о присвоении объекту статуса «выявленного объекта культурного наследия».

Для реализации своих полномочий в рассматриваемой сфере муниципальные органы власти разрабатывают и реализуют соответствующие муниципальные программы. Однако, чаще всего данные программы отсутствуют, и работа эта не ведется, несмотря на то, что государство усиливает контроль за реализацией функций в рассматриваемой сфере отношений. С чем это может быть связано? Полагаем, с целым комплексом причин.

Многие ученые отмечают низкий уровень состояния законности в сфере охраны объектов культурного наследия, что снижает эффективность в этой сфере государственного и муниципального управления¹.

¹ Лавров В.В. Актуальные проблемы охраны и использования объектов природного и культурного наследия: учебное пособие для магистратуры / В.В. Лавров. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. С.62-64.

Так, согласно ФЗ № 73 «объекты культурного наследия местного (муниципального) значения – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры муниципального образования».

Обязанность по регистрации и постановке их на учет лежит на органе местного самоуправления.²

Однако в законодательстве до настоящего времени отсутствует четкое разграничение полномочий в отношении объектов культурного наследия между субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием.

Дискуссионной является формулировка п. 2 ст. 9.3 ФЗ № 73, где устанавливается, что к полномочиям органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относится государственная охрана объектов культурного наследия местного (муниципального) значения. Реализация данного полномочия затруднено, так как известно, что органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят.

Также финансирование объектов культурного наследия муниципальных образований осуществляется за счет средств местного бюджета, который не всегда имеет необходимый финансовый ресурс для осуществления деятельности по сохранению объектов культурного наследия.

Зачастую муниципальные образования не оформляют надлежащим образом объекты культурного наследия в собственность, что приводит к разрушению и утрате такого объекта. Связано это либо с низкой квалификацией муниципальных служащих, в чьих полномочиях находится решение данного вопроса, либо происходит умышленное «оттягивание» процесса в целях непринятия в объекты собственности полуразрушенных или вовсе находящихся на грани утраты объектов культуры, которые за счет средств местного бюджета предстоит восстанавливать.

Немаловажной проблемой является то обстоятельство, что земельная и градостроительная деятельность в муниципальных образованиях осуществляется часто без учета требований закона о сохранении объектов культурного наследия и приводит к их частичному или полному разрушению. Встречаются случаи несанкционированных хозяйственных и строительных работ в зоне расположения объектов культурного наследия³.

Анализ судебной практики показывает, что объекты культурного наследия, находящиеся в частной собственности, не обслуживаются должным образом. Собственники нарушают охраняющие обязательства (ст. 48 Закона об объектах культурного наследия), объект

в судебном порядке признается бесхозным и в итоге также в запущенном состоянии попадает в собственность муниципального образования.

Например, решением Таганского районного суда г. Москвы от 17 сентября 2020 года, по итогам рассмотрения гражданского дела № 2-1312/2020 по исковому заявлению Департамента культурного наследия г. Москвы к Телеш Г.А. об изъятии объекта культурного наследия, «Городская усадьба Кулаковых (женская гимназия) – Главный дом (гимназия), нач. XIX в., 1830-е г.г., 1869 г.» объект культурного наследия был изъят для последующей продажи Правительством Москвы с публичных торгов в соответствии с требованиями ст. 54 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Принадлежащий данной гражданке объект культурного наследия на праве частной собственности по результатам осмотра находился в неудовлетворительном состоянии и возникла угроза его разрушения⁴.

Таким образом, для разрешения указанных проблем, в первую очередь, требуется четкое законодательное разграничение полномочий в отношении объектов культурного наследия между субъектом РФ и муниципальным образованием.

Конечно, в целях сохранения объектов культурного наследия законодатель установил административную, уголовную и иную юридическую ответственность.

За нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия, нарушение режима использования земель в границах территории таких объектов, несоблюдение ограничений, установленных в зонах охраны объектов культурного наследия, предусмотрена административная ответственность по ст. 7.13 кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ).

Как свидетельствует судебная практика к числу имеющих правовое значение обстоятельств по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.13 КоАП РФ, относится:

наличие нарушений требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия⁵.

Одним из условий применения административной ответственности по ст. 7.13 КоАП РФ является нарушение требования сохранения и использования

² Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 01.06.2017 № 33а-2900/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sovpravo.press>. (дата обращения: 12.11.2024).

³ Озеров В.В. Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 213.

⁴ Решение Таганского районного суда г. Москвы от 17 сентября 2020 года по гражданскому делу № 2-1312/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Постановление Волгоградского областного суда от 09.11.2015 по делу N 4а-993/2015 // СПС «Гарант».

объектов культурного наследия. Например, в Постановлении ФАС Московского округа от 27.05.2010 N КА-А40/4794-10 по делу N А40-151305/09-154-1005 указано: «Вывод судов о том, что в действиях заявителя отсутствует состав административного правонарушения по ч. 1 ст. 7.13 КоАП РФ, так как спорный объект не включен в Государственный реестр, сделан без учета указанного Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года N 1327, на который, в частности, имеется ссылка в оспариваемом постановлении Москомнаследия».

Субъектами данного административного правонарушения являются граждане, юридические лица, а также должностные лица, виновные в невыполнении или нарушении правил охраны и использования объектов культурного наследия.

Таким образом, по смыслу закона лицом, ответственным за сохранение объектов культурного наследия, находящихся в собственности муниципальных образований, является также соответствующий орган местного самоуправления.

В случае организации или проведения земляных, строительных и иных работ в отношении объектов культурного наследия без разрешения уполномоченного органа, виновные лица несут административную ответственность по ст. 7.14 КоАП РФ.

Важно, что в данной статье противоправным деянием признается не только проведение земляных, строительных или иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия, но и организация таких работ.

Ст. 7.14.1 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения. Данная норма направлена на создание необходимых правовых механизмов, позволяющих пресечь незаконные действия в отношении охраняемых объектов культурного наследия, в том числе их разрушение и уничтожение.

Ст. 7.14.2 КоАП РФ установлена административная ответственность за неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность.

Статьями 243 и 243.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия, а также за нарушение требований сохранения и использования таких объектов, если эти действия повлекли уничтожение или повреждение объектов культурного наследия в крупном размере (когда стоимость работ по восстановлению превышает пятьсот тысяч рублей).

Таким образом, законодательство, направленное на защиту объектов культурного наследия довольно

развито. И практика привлечения к ответственности по данным категориям дел имеется⁶ и свидетельствует о налаженном контроле полномочных органов. Например, за 2023 год по ст. 7.14 КоАП РФ рассмотрено в судах 486 дел, наказанию подвергнуто 295 субъектов. По ст. ст. 7.14.1 и 7.14.2 КоАП РФ рассмотрено 153 дела, подвергнуто наказанию 76 субъектов. За 2022 год по ст. ст. 7.13 и 7.14 КоАП РФ рассмотрено в судах 1 946 дел, наказанию подвергнуто 1209 субъектов. По ст. ст. 7.14.1 и 7.14.2 КоАП РФ рассмотрено 257 дел, подвергнуто наказанию 117 субъектов. За 2021 год по ст. ст. 7.13 и 7.14 КоАП РФ рассмотрено в судах 3420 дел, наказанию подвергнуто 2053 субъектов. По ст. ст. 7.14.1 и 7.14.2 КоАП РФ рассмотрено 249 дел, подвергнуто наказанию 121 субъект.

Помимо этого, у собственника, который бесхозяйно содержит объект культурного наследия, не выполняет требований к его сохранению, совершает действия, угрожающие сохранности объекта, по решению суда такой объект культурного наследия может быть изъят. Но проблема в том, что, как мы отмечали ранее, объект культурного наследия в запущенном состоянии попадает в собственность муниципального образования, которое в силу правовых, организационных, финансовых сложностей не заинтересовано в его оформлении.

Интересно, что Федеральным законом от 14.04.2023 № 129-ФЗ, вступившим в силу с 25.04.2023, предусмотрено, что федеральные органы государственной власти вправе участвовать в организации сохранения и популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъектов РФ или муниципальной собственности, в том числе в финансировании соответствующих мероприятий.

Аналогичные полномочия установлены для органов государственной власти субъектов РФ – в отношении объектов культурного наследия, расположенных на территории соответствующего субъекта РФ, находящихся в федеральной или муниципальной собственности, а также для органов местного самоуправления – в отношении объектов культурного наследия, расположенных на территории соответствующего муниципального образования, находящихся в федеральной собственности или собственности субъекта РФ.

Однако, по нашему мнению, необходим комплекс правовых и организационных мероприятий, направленных на сохранение и охрану объектов культурного наследия Российской Федерации, в том числе, в части сокращения административных барьеров и оптимизации требований к сохранению объектов культурного наследия, предъявляемых к их собственникам, пользователям и арендаторам, а также устранения избыточности требований разрешительных документов при проведении работ по сохранению объектов культурного наследия, включенного в Реестр, а также выявленного объекта культурного на-

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-преец.рф/stats/adm/t/31/s/67>. (дата обращения: 25.11.2024).

следования; в части предоставления мер финансовой поддержки собственникам или иным законным владельцам объектов культурного наследия (предоставление субсидий, грантов и пр.) на проведение работ по их сохранению; а также в части упрощения процедуры снятия с охраны объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения, утративших историко-культурную ценность.

Мы согласны с мнением В.В. Озерова о том, что должна быть «единая стратегия»⁷ по решению проблем сохранения объектов культурного наследия Российской Федерации, которая состояла бы в принятии долгосрочных государственных программ, направленных на реализацию конкретных проектов, с учетом современных реалий социально-экономического развития того или иного региона.

Библиографический список

1. Башарин А.В. О некоторых аспектах влияния законодательства об охране объектов культурного наследия на осуществление градостроительной деятельности // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 4. – С.99-104.
2. Берлизов М.П. К вопросу о сущности и содержании термина «Государственная охрана объектов культурного наследия народов Российской Федерации» // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 16 (1). – С. 31 – 38.
3. Берлизов М.П. К вопросу о принципах государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации: приглашение к научной дискуссии // Административное право и процесс. – 2024. – № 10 – С. 11-12.
4. Лавров В.В. Актуальные проблемы охраны и использования объектов природного и культурного наследия: учебное пособие для магистратуры / В.В. Лавров. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. – С. 62-64.
5. Озеров В.В. Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия // Археология евразийских степей. – 2022. – № 1. – С. 213.

Рецензент: Коновалов В.А., заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

⁷ Озеров В. В. Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 213.

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, emixailova9@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ПРИСЯГИ И СОВЕРШЕНИЕМ ПРОСТУПКОВ, ПОРОЧАЩИХ ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА

MIKHAYLOVA ELENA SERGEYEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of administrative and financial law of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, emixailova9@mail.ru

TERMINATION OF SERVICE IN THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION DUE TO VIOLATION OF OATH AND COMMISSION OF ACTS DISCREDITING AN EMPLOYEE

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам прекращения службы в органах Следственного комитета Российской Федерации по такому основанию, как нарушение Присяги и совершение проступков, порочащих честь сотрудника. Анализируются правовые аспекты данных явлений, рассматриваются примеры из судебной практики и предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства. Особое внимание уделяется необходимости уточнения определений ключевых понятий, таких как «проступок, порочащий честь сотрудника» и «честь сотрудника», для обеспечения справедливости и прозрачности в процессе принятия решений о прекращении службы.*

***Ключевые слова:** Следственный комитет Российской Федерации, прекращение службы, нарушение Присяги, проступок, порочащий честь, честь сотрудника, правовое регулирование, дисциплинарная ответственность, профессиональная этика.*

***Abstract.** The article is devoted to the issues of termination of service in the Investigative Committee of the Russian Federation on the grounds of violation of the Oath and commission of acts discrediting an employee. The legal aspects of these phenomena are analyzed, examples from judicial practice are considered, and recommendations for improving current legislation are proposed. Particular attention is paid to the need to clarify the definitions of key concepts such as «act discrediting an employee» and «honor of an employee,» to ensure fairness and transparency in the decision-making process regarding termination of service.*

***Keywords:** Investigative Committee of the Russian Federation, termination of service, violation of oath, act discrediting honor, honor of an employee, legal regulation, disciplinary responsibility, professional ethics.*

Современная правовая система Российской Федерации требует четкого регулирования всех аспектов деятельности государственных органов, включая вопросы прекращения службы сотрудников различных ведомств. Одним из таких важных вопросов является прекращение службы в органах Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ). В последние годы эта тема приобретает особую актуальность в связи с реформами, направленными на повышение эффективности работы правоохранительных органов и укрепление правопорядка в стране. Профессиональная деятельность сотрудников СК РФ сопряжена с высокими требованиями к соблюдению норм законодательства и морально-этических стандартов. Одним из важнейших аспектов службы в СК РФ является верность Присяге, которая обязывает

сотрудников неукоснительно соблюдать закон и действовать в защиту интересов личности, общества и государства. Случаи нарушения Присяги или совершения поступков, порочащих честь сотрудника, могут иметь серьезные последствия, вплоть до прекращения службы.

П. 1 ст. 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»¹ гласит: «Служба в Следственном комитете прекращается при увольнении сотрудника». Все основания увольнения можно разделить на группы в зависимости от наличия или отсутствия вины самого сотрудника. Так, к основаниям увольнения по вине сотрудника относятся:

1. нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации и (или) соверше-

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 №403-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

ние проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета;

2. несоблюдение ограничений, нарушение запретов и неисполнение обязанностей, связанных с прохождением службы в Следственном комитете, а также возникновение обстоятельств, указанных в ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

3. разглашение сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну;

4. отказ от представления сведений или представления заведомо ложных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, за исключением случаев, установленных федеральными законами;

5. прекращение гражданства Российской Федерации или наличие гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства;

Ко второй группе относятся:

1. достижение предельного возраста пребывания на службе в Следственном комитете;

2. наличия заболевания, препятствующего прохождению службы;

3. отсутствие на службе более четырех месяцев в общей сложности в течение двенадцати месяцев в связи с временной нетрудоспособностью, если законодательством Российской Федерации не установлен более длительный срок сохранения места работы (должности) при определенном заболевании или если для определенной категории граждан законодательством Российской Федерации не предусмотрены гарантии по сохранению места работы (должности). Следует отметить, что за сотрудником Следственного комитета сохраняется место работы (должность) в период его временной нетрудоспособности в связи с увечьем, профессиональным заболеванием или иным повреждением здоровья, связанным с исполнением им служебных обязанностей, независимо от продолжительности этого периода.

Нарушение присяги – это неисполнение сотрудниками СК РФ официально и торжественно принятых на себя обязательств. Буквальное толкование нормативной формулировки (нарушение присяги и (или) совершение проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета) позволяет констатировать возможность применения указанных оснований как независимо друг от друга, так и в соче-

тании. При этом увольнения сотрудников по данным основаниям являются наиболее часто обжалуемыми в судебном порядке.

Законодательство не содержит определения понятия «проступок, порочащий честь сотрудника Следственного комитета», «честь сотрудника Следственного комитета» и виды таких проступков, а также отсутствует разграничение двух указанных оснований, что осложняет обжалование увольнения по данной статье. Теоретические исследования в данной области касаются в основном проступков сотрудников органов внутренних дел. Так, Равнюшкин А.В. пишет: «Проступком, порочащим честь сотрудника признается попытка сотрудника, совершившего преступление, избежать ответственности.»² По мнению Махаевой Л.Г., «проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел – это совершение действий, нарушающих этические правила поведения сотрудника органов внутренних дел вне службы, подрывающих авторитет органов внутренних дел, действий аморального характера»³.

Вместе с тем анализ судебной практики свидетельствует, что проступком, порочащим честь сотрудника СК России, признается любое виновное деяние, препятствующее эффективному функционированию данного ведомства, нарушающее профессионально-этические принципы и правила поведения сотрудника СК России как при исполнении им служебных обязанностей, так и во внеслужебное время.

В словаре С.И. Ожегова представлены несколько определений понятия «честь». Рассмотрим два из них, которые точнее передают признаки исследуемого понятия. Так, честь это: 1) достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы; 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя⁴. По мнению С. Кузина честь отражает достоинство индивида в сознании других людей, общественную его оценку с учетом существующей морали и правовых устоев в этом обществе⁵. Также необходимо сказать, что честь тесно связано с достоинством, но данные понятия не тождественны. Гулина Н.М. пишет, что честь это общественная оценка личности, а достоинство, в свою очередь, – самооценка⁶, то есть непосредственно данная оценка лица самому себе.

Таким образом, в целях устранения существующего пробела в законодательном определении таких дефиниций, как «проступок, порочащий честь сотрудника Следственного комитета», «честь сотрудника Следственного комитета» следовало бы внести дополнения в ст. 4 Федерального закона № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации» следующего содержания:

² Равнюшкин А.В. Судебная практика по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 156-162.

³ Махаева Л.Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 155-160.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000.

⁵ Кузин С. Споры вокруг репутации // ЭЖ-Юрист. 2007. № 26 // Доступ из СПС «Гарант».

⁶ Гулина Н.М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации // ЭЖ-Вестник Магистратуры. 2018. № 1-2 (76).

«б) проступок, порочащий честь сотрудника Следственного комитета - нарушение сотрудником Следственного комитета профессионально-этических принципов и правил поведения сотрудников при исполнении ими своих служебных обязанностей, а также во внеслужебное время, подрывающее его деловую репутацию и препятствующее благоприятному и эффективному функционированию Следственного комитета и (или) его подразделения, при этом оказывающее попытки избежать ответственность за совершенное противоправное деяние.

7) честь сотрудника Следственного комитета – положительная оценка его качеств, поступков самим собой, обществом, выражающаяся в личном авторитете, примерной деловой репутации, верности службе, принятым нравственным нормам, гражданскому долгу как в служебное время, так и во вне его.»

Следует привести пример отдельных случаев нарушения Присяги и совершения проступков, порочащих честь сотрудника СК России, среди которых чаще всего выделяют: нарушение общественного порядка, выражение явного неуважения к обществу, нецензурная брань в общественных местах, оскорбление других сотрудников, провоцирование конфликтных ситуаций в коллективе, вступление в неформальные отношения с участниками уголовного судопроизводства и др. Например, по делу № 2-1590/2020 истцом выступал бывший сотрудник СУ СК России по Ростовской области, который просил признать его увольнение по п. 3 ч. 2 ст. 30 ФЗ «О Следственном комитете РФ» незаконным и восстановить на службе. Из материалов дела известно, что сотрудниками ГИБДД был остановлен для проверки автомобиль, водителем которого являлся истец⁷. Сотрудники среди личных вещей в автомобиле обнаружили полиэтиленовый пакетик с порошком белого цвета, который был направлен на экспертизу и было определено, что в составе порошка производное наркотического средство. Также сотрудники пояснили, что по внешним признакам истец находился в состоянии алкогольного опьянения, что в дальнейшем подтвердилось результатами медицинского освидетельствования. Истец ссылался на то, что заключение служебной проверки на момент его увольнения составлено и подписано не было и отсутствовали сами материалы служебной проверки. С результатами служебной проверки он был ознакомлен спустя две недели после увольнения, что также может свидетельствовать об отсутствии утвержденного заключения и материалов на момент увольнения. Кроме того, в данный период времени ему был открыт временный лист нетрудоспособности, и он находится на больничном, в том числе, находился на больничном в момент составления и подписания приказа, в соответствии с

которым истец освобожден от занимаемой должности и уволен из органов Следственного комитета Российской Федерации. Суд признал, что факт совершения проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета, подтвержден материалами дела, порядок и процедура увольнения по данному основанию ответчиком не нарушены, сроки наложения взыскания соблюдены, оснований для признания увольнения незаконным, восстановлении на службе в органах Следственного комитета Российской Федерации нет. Таким образом, суд оставил иски требования истца без удовлетворения.

Для решения вопроса о законности увольнения сотрудника СК России по указанному основанию юридически значимыми обстоятельствами являются установление факта и условий совершения действий, нарушающих принципы профессиональной этики и основные правила служебного поведения, снижающих профессиональную репутацию сотрудника и авторитет СК России, а также соблюдение установленной процедуры привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности с учетом характера совершенного проступка, личности сотрудника, степени его вины и других юридически значимых обстоятельств⁸.

Различие между дисциплинарным проступком и нарушением присяги сотрудником сводится к степени обобщения действий, охватываемых этими определениями. Если под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, возложенных на сотрудника СК России, то нарушение присяги связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением перечня обязанностей, вытекающих из ее текста. Важным аспектом является отсутствие четкой регламентации в законе о Следственном комитете РФ того, какие конкретно действия могут квалифицироваться как нарушение присяги. Это может привести к различным толкованиям и произвольному усмотрению со стороны руководства следственных органов.

Не принимая во внимание профессионально-этическое значение Присяги, в научном обществе она рассматривается как юридический факт, представляющий собой принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью⁹. И как верно пишет Ванюшина И.Н., принятие Присяги не связано с возникновением служебных отношений и их прекращением¹⁰. Также необходимо отметить тот факт, что законодатель несоблюдение присяги не относит к нарушению служебной дисциплины, раскрывая основания применения дисциплинарных взысканий к сотруднику СК России.

⁷ Решение № 2-1590/2020 2-1590/2020-М-1134/2020 М-1134/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 2-1590/2020 - [электронный ресурс] // СудАкт.ру (дата обращения: 08.02.2024).

⁸ Ефремова Е.А., Сабурова А.Б. Отдельные аспекты увольнения за нарушение присяги и (или) совершение проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета // Текст научной статьи по специальности «Право». 2023. № 9 (225). С. 224.

⁹ Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен: монография. Нижний Новгород, 2010.

¹⁰ Ванюшина И.Н. Нарушение присяги сотрудником органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4 (62).

Такой же позиции придерживался и правоприменитель, не признавая нарушение Присяги сотрудником СК России дисциплинарным проступком. Так, примером является гражданское дело Горяева Е.С.¹¹, освобождённого от замещаемой должности и уволенного по рассматриваемому основанию из СК России за дисциплинарный проступок, выразившийся в неэффективном расходовании бюджетных средств, с момента совершения которого прошло более трех лет. Суд отказал в удовлетворении исковых требований о восстановлении его на службе, пояснив, что действия истца, заключавшиеся в нарушении норм федерального законодательства и должностных обязанностей, противоречат требованиям, предъявляемым к профессиональному поведению и нравственным основам служебной деятельности, но не являются дисциплинарным проступком, вследствие чего сроки наложения дисциплинарного взыскания не применяются. В последующем судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Калмыкия¹² оставила данное решение без изменения, согласившись с выводами суда первой инстанции. В передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации заявителю было отказано.

Соответствующие разъяснения, относительно правовой природы содержания нарушения Присяги в 2020 году дал Конституционный Суд Российской Федерации, поставивший окончательную точку в определении смысла нарушения Присяги, придаваемого ему официальным толкованием. В решении Суд постановил, что увольнение за нарушение Присяги не отличается от дисциплинарного проступка, что порождает необходимость соблюдения предусмотренных законом сроков наложения дисциплинарного взыскания, исключив тем самым любое иное истолкование в правоприменительной практике. При

этом характерной чертой Присяги в органах СК России является включение отдельных её положений в систему трудовых обязанностей. Так текст Присяги содержит обязанность соблюдать требования федеральных законов и включает в себя отдельные положения, являющиеся самостоятельным основанием для увольнения. Например, нарушение принятой сотрудником в рамках Присяги обязанности по сохранности государственной и иной охраняемой законом тайны выступает самостоятельным основанием увольнения его со службы в СК России по инициативе руководителя следственного органа.

Таким образом, вопросы прекращения службы в органах Следственного комитета Российской Федерации требуют детального правового анализа и проработки, поскольку они напрямую связаны с обеспечением правопорядка и защитой интересов общества. Нарушения Присяги и совершение проступков, порочащих честь сотрудника Следственного комитета, представляют собой серьезные основания для увольнения, однако отсутствие четких юридических определений этих понятий создает трудности в правоприменении и приводит к многочисленным судебным спорам.

Предлагаемые дополнения в законодательство направлены на устранение существующих пробелов и создание более ясной и прозрачной системы оценки профессиональных и этических нарушений сотрудников Следственного комитета. Это позволит обеспечить справедливое применение дисциплинарных мер и повысить эффективность функционирования данного ведомства.

Важно подчеркнуть, что профессиональная деятельность сотрудников Следственного комитета должна соответствовать высоким стандартам честности, порядочности и приверженности закону. Только таким образом возможно поддержание доверия общества к правоохранительным органам и обеспечение эффективной защиты прав и свобод граждан.

Библиографический список

1. Ванюшина И.Н. Нарушение присяги сотрудником органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 4 (62). – С. 25-31.
2. Гулина Н.М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации // ЭЖ-Вестник Магистратуры. – 2018. – № 1-2 (76). – С. 55-57.
3. Кузин С. Споры вокруг репутации // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 26 // Доступ из СПС «Гарант».
4. Махаева Л.Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С. 155-160.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. - Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
6. Равнюшкин А.В. Судебная практика по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 156-162.
7. Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен: монография. Нижний Новгород, 2010. – 117 с.

Рецензент: Шабета И.В., доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н.

¹¹ Решение №33-666/2020 от 24.09.2020 по делу №2-1488/2020. [Электронный ресурс] // СудАкт.ру (дата обращения 08.11.2024).

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.С. Горяева» // СЗ РФ. 2020. № 15 (Ч. IV). Ст. 2432.

СРЕТЕНЦЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.,
pronsimo@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

SRETENTSEV ANDREY NIKOLAEVICH

candidate of legal sciences, associate professor of the department of forensic science and preliminary investigation in the Department of Internal Affairs of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 302027, Oryol, Ignatova St., 2., pronsimo@gmail.com

ON SOME ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные направления использования технологий искусственного интеллекта в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Приводится обзор зарубежного опыта внедрения таких технологий в деятельность правоохранительных органов. Сформулирован вывод о том, что среди технологий искусственного интеллекта в сфере борьбы с преступностью наибольшую апробацию в настоящее время получила технология технического (компьютерного) зрения. Отмечаются потенциальные преимущества применения искусственного интеллекта, включая повышение эффективности работы следственных подразделений, сокращение времени на обработку информации и улучшение качества расследования. Также, акцентируется внимание на необходимость оценки рисков внедрения указанной технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, борьба с преступностью, правоохранительные органы, нейросети, компьютерное зрение.

Review: The article considers individual areas of using artificial intelligence technologies in prevention, solving and investigating crimes. It provides an overview of foreign experience in implementing such technologies in the activities of law enforcement agencies. It is concluded that among artificial intelligence technologies in the field of combating crime, the technology of technical (computer) vision has currently received the greatest testing. Potential advantages of using artificial intelligence are noted, including increasing the efficiency of investigative units, reducing the time for processing information and improving the quality of investigation. Also, attention is focused on the need to assess the risks of implementing this technology.

Keywords: artificial intelligence, fighting crime, law enforcement, neural networks, computer vision.

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) в настоящее время оказывают существенное влияние на многие сферы жизни общества. В контексте данной статьи наиболее интересно, какие возможности и перспективы способно открыть внедрение ИИ в деятельность правоохранительных органов по противодействию преступности.

Перспективы внедрения нейронных сетей в криминалистические и следственные процессы широко обсуждаются в современной научной литературе и представляют собой значимое направление в развитии как криминалистики, так и правоприменительной практики. Среди ключевых аспектов данного направления – возможности анализа данных, прогнозирования преступной активности, выявления закономерностей в поведении правонарушителей и авто-

матизации аналитических задач.

Так, например, по мнению А.М. Кустова использование ИИ в правоохранительной деятельности возможно для решения широкого круга задач, среди которых: анализ информации о криминальном событии, его участниках, а также оценка такой информации; моделирование механизма совершенного преступления; анализ массива расследуемых дел в целях выявления признаков серийности и последующего объединения преступлений по схожим признакам; оценка достаточности доказательств в материалах уголовного дела; анализа материалов уголовных дел для выявления следственных или судебных ошибок процессуального и тактического характера; планирование дальнейших следственных, судебных действий и оперативных мероприятий, описание оперативной обстановки¹.

¹ Кустов А.М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24-25 февраля 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 124.

В рамках настоящей статьи уделим внимание некоторым передовым направлениям использования ИИ в процессе расследования. Первой из рассматриваемых технологий является использование компьютерного зрения на базе нейросетей². Компьютерный анализ изображений и видео значительно расширяет возможности правоохранительных органов по обработке визуальных данных и выявлению признаков преступной активности. В зарубежных странах, таких как США и Китай, а также в странах ЕС, активно внедряются нейросетевые технологии, позволяющие анализировать изображения и видеозаписи, помогая в раскрытии преступлений и предотвращении потенциальных угроз.

Так, в США технологии распознавания лиц активно применяются не только для раскрытия преступлений, но и в целях обеспечения безопасности в общественных местах. Программа Face Recognition Vendor Test (далее –FRVT) позволяет тестировать различные алгоритмы распознавания лиц для правоприменительных целей³. Алгоритмы FRVT, основанные на глубоких нейросетях, выполняют анализ изображений лиц и автоматическое сопоставление с существующими базами данных, включая базы данных преступников и пропавших людей. Системы компьютерного зрения работают с большим массивом видеозаписей, сокращая время, необходимое для идентификации, до считанных минут.

В Шотландии функционирует специальная лаборатория Hi-Tech, в которой ИИ применяется полицией для поиска нужной информации среди тысяч документов. Яркий тому пример – антикоррупционное расследование против Rolls-Royce Holdings Plc., которое проводило Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (SFO) Великобритании. Робот изучил 30 млн. документов, просматривая по 600 тыс. различных файлов в день, на весь процесс у него ушло всего пять дней, в ручном режиме эта работа заняла бы у следователей несколько месяцев⁴.

Одним из лидеров в сфере внедрения ИИ в настоящее время является КНР. Огромный объем данных, генерируемых китайскими пользователями, активно используется правоохранительными органами в своей повседневной деятельности. Ярким примером использования аналитических и прогнозных

моделей, применяемых в КНР, является разработанная компанией Cloud Walk из Гуанчжоу система распознавания лиц, которая отслеживает действия людей, исходя из того, когда и куда подозреваемый ходил и что делал, система может выдать вероятность совершения преступления⁵.

В России, как и в других странах, растущий уровень цифровизации и внедрение умных технологий создают предпосылки для использования искусственного зрения в расследовании преступлений, мониторинге правонарушений и обеспечении общественной безопасности. Распознавание лиц является одной из наиболее востребованных технологий искусственного зрения в расследовании преступлений, особенно в крупных российских городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, где установлены тысячи камер видеонаблюдения. Системы, такие как FindFace⁶ и VisionLabs⁷, используют алгоритмы глубокого обучения для точного распознавания лиц, что позволяет отслеживать местоположение подозреваемых и оперативно выявлять нарушителей в местах массового скопления людей. В частности, применение технологии FindFace во время чемпионата мира по футболу 2018 года помогло полиции задержать более 180 правонарушителей, часть из которых находилась в федеральном розыске, продемонстрировав высокую точность и эффективность системы⁸.

Еще одним примером успешного применения ИИ является проект «Безопасный город», реализуемый в Москве и ряде других регионов России. Используя алгоритмы компьютерного зрения и данные с камер, система позволяет выявлять потенциально опасные ситуации, противоправные действия, а также оставленные без присмотра предметы, что позволяет сотрудникам правоохранительных органов оперативно реагировать на инциденты⁹.

Для обеспечения национальной безопасности МВД России также внедряет Федеральную информационную систему биометрических учетов (ФИС-БУ) для поиска и идентификации преступников и подозреваемых с помощью городских камер видеонаблюдения. Правоохранители предполагают, что дальнейшее развитие ФИС-БУ в будущем объединит ресурсы различных типов биометрической информации, включая дактилоскопическую и фотоскопическую информацию, лаборатории ДНК-анализа,

² Сретенцев А.Н. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в правоохранительной сфере: современное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 253.

³ Гарбук С.В., Бакеев Р.Н. Конкурентная оценка качества технологий интеллектуальной обработки данных // Проблемы управления. 2017. № 6. С. 51.

⁴ Шотландия вооружилась искусственным интеллектом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081359> (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ Завьялов И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник науки и образования. 2023. № 3. С. 232.

⁶ FindFace. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/FindFace> (дата обращения: 24.10.2024).

⁷ Система распознавания лиц VisionLabs. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.teleserv.ru/services/tekhnicheskaya-bezopasnost/sistemy-raspoznavaniya-lits/sistema-raspoznavaniya-lits-visionlabs/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁸ Система распознавания лиц помогла задержать более 180 преступников на ЧМ-2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/sistema-raspoznavaniya-lic-pomogla-zaderzhat-bolee-180-prestupnikov-na-chm-2018.html> (дата обращения: 25.10.2024).

⁹ Сретенцев А.Н. Некоторые перспективы развития криминалистической науки и техники в эпоху цифровизации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных статей. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова. 2023. С. 157.

биометрические комплексы, а также системы проверки по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам¹⁰.

ИИ помогает правоохранительным органам отслеживать действия преступников в сети, анализировать складывающуюся практику, прогнозировать модель поведения злоумышленников, сформировать модель угроз, разработать меры по противодействию им. Технологии глубокого обучения позволяют выявлять аномалии в поведении пользователей и сигнализировать о возможных преступлениях.

В США полицией активно применяется система «Palantir», способная обрабатывать данные о звонках, транзакциях и активности в социальных сетях подозреваемых. Palantir является ведущей в отрасли инфраструктурой коммерческих данных и обеспечивает основу для выявления и расследования финансовых преступлений следующего поколения в качестве готового решения¹¹. Система способствует выявлению скрытых контактов между участниками преступных группировок на основе цифровых следов.

Еще одним перспективным направлением использования ИИ в раскрытии и расследовании преступлений является анализ речевых текстов и данных. Технологии обработки естественного языка (Natural language processing)¹² могут быть использованы для анализа записей допросов, телефонных разговоров и сообщений, оставленных преступниками. Выявление ключевых фраз или сигналов, которые могут указывать на участие определенного лица в преступлении, способно сыграть существенную роль в борьбе с преступлениями экстремистской направленности, где большое внимание уделяется исследованию пропагандистских материалов.

Однако, несмотря на активное развитие технологий ИИ, нейросети не способны полностью заменить человека в процессе расследования. ИИ выступает лишь инструментом, позволяющим правохранителям более качественно и быстро выполнять свою работу. При этом стоит помнить, что технологии ИИ строятся на основе данных, которые могут быть неполными или искаженными, что приводит к возможным ошибкам в выводах. В частности системы рас-

познавания лиц могут допускать ошибки при идентификации людей в случае, когда в силу различных изменений (пополнел или похудел, другая прическа, другой цвет волос) фотография в паспорте и внешний облик человека имеют существенные различия, что не позволяет идентифицировать лицо с фотографией в паспорте¹³.

Одновременно с этим использование искусственного интеллекта в процессе раскрытия и расследования преступлений порождает множество правовых и этических вопросов. Принципиально важно, чтобы применение данных технологий, включая ИИ, осуществлялось в строгом соответствии с требованиями законности, защиты прав и свобод граждан, а также обеспечивало прозрачность и подотчетность действий со стороны правоохранительных органов. Учет этических аспектов при расследовании преступлений является основой эффективной работы с данными, полученными с помощью систем ИИ, предпосылкой установления истинной картины расследуемого события и достижения целей расследования преступлений¹⁴.

Полагаем, что дальнейшее развитие технологии ИИ может оказать двоякий эффект, поскольку подобные технологии могут применяться не только в целях противодействия преступности, но и активно использоваться в преступных целях. Примером тому может служить 15-ти кратный рост числа преступлений, совершенных с применением технологий Deepfake¹⁵. В связи с этим, правоохранительные органы должны быть готовы к внедрению новых решений и разработке более совершенных способов противодействия преступности.

Резюмируя вышеизложенное, еще раз подчеркнем, что внедрение технологий искусственного интеллекта в процессы раскрытия и расследования преступлений создаёт новые возможности для правоохранительных органов, позволяя повысить эффективность противодействия преступности, улучшить качество следственных действий и минимизировать ошибки. Однако для успешной интеграции данных технологий требуется учитывать не только технические ограничения и сопутствующие риски, но и правовые и этические аспекты.

Библиографический список

1. Вестник Киберполиции России URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001974208448>
2. Воробьева И.Б. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4 (147). – С. 162-172.

¹⁰ Канокова Л.Ю. Зарубежный опыт развития технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности // Право и управление. 2023. № 1. С. 180

¹¹ Суркова А.А., Домашова Д.В. Современные инструменты по выявлению подозрительных клиентов // Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации: Материалы VII Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 24 ноября 2021 года. Москва. 2021. С. 658.

¹² Гушев М.Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Вестник науки и образования. 2023. № 6 (137). С. 80.

¹³ Яровенко В.В., Шаповалова Г.М., Исмагилов Р.А. Отдельные проблемы применения системы распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 192.

¹⁴ Воробьева И.Б. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 171.

¹⁵ Вестник Киберполиции России. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001974208448> (дата обращения: 03.11.2024).

-
3. Гарбук С.В., Бакеев Р.Н. Конкурентная оценка качества технологий интеллектуальной обработки данных // Проблемы управления. – 2017. – № 6. – С. 50-62.
 4. Гуцев М.Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Вестник науки и образования. – 2023. – № 6 (137). – С. 80-83.
 5. Завьялов И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник науки и образования. – 2023. – № 3. – С. 228-236.
 6. Канокова Л.Ю. Зарубежный опыт развития технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности // Право и управление. – 2023. – № 1. – С. 178-182.
 7. Кустов А. М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24–25 февраля 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 122–128.
 8. Сretenцев А.Н. Некоторые перспективы развития криминалистической науки и техники в эпоху цифровизации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных статей. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. – С. 156-159.
 9. Сretenцев А.Н. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в правоохранительной сфере: современное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 3 (100). – С. 250-257.
 10. Суркова А.А., Домашова Д.В. Современные инструменты по выявлению подозрительных клиентов // Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации: Материалы VII Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 24 ноября 2021 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет ИМИФИИ, 2021. – С. 656-662.
 11. Яровенко В.В., Шаповалова Г.М., Исмагилов Р.А. Отдельные проблемы применения системы распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 189-200.

Рецензент: Морозова Н.В., доцент кафедры КиПР в ОВД ОрЮОИ МВД России имени В.В. Лукьянова, к.ю.н., доцент.

СТРЕЛЕЦ ЮРИЙ ШЛЕМОВИЧ

доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета, 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, post@mail.osu.ru

ГУЛЕНИНА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА

директор Института развития образования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», кандидат психологических наук, 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, post@mail.osu.ru

ЭТИКО-ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИННОВАЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

STRELETS YURY JHLEMOVICH

DPh, Professor of Philosophy, Culture, Sociology Studies Chair of Orenburg State University, Orenburg, Pobedy prospect, 13, post@mail.osu.ru

GULENINA SVETLANA VALENTINOVNA

director of the Institute of Educational Development of the Orenburg State University, Candidate of Psychological Sciences, Orenburg, Pobedy prospect, 13, post@mail.osu.ru

ETHICAL AND LEGAL EXPERTISE OF INNOVATIVE SOCIAL TECHNOLOGIES

Аннотация. В статье анализируются новейшие социальные технологии, связанные с концепцией «улучшения человека», с помощью генной инженерии и на основе идеологии «трансгуманизм+». В центре внимания авторов риски и последствия реализации данных технологий, которые требуют организации и совершенствования эτικο-правовой экспертизы.

Авторы определяют цель и условия экспертной процедуры в контексте этических норм и принципов, а также с точки зрения законодательства: отечественного и зарубежного. В статье отмечается, что правовое обеспечение, в основном, получила сфера генетических и генно-инженерных исследований, соматических прав личности. Менее развита этическая экспертиза инновационных технологий.

Ключевые слова: инновационные социальные технологии, трансгуманизм, этическая и правовая экспертиза, генная инженерия, соматические права личности.

Review. The article analyzes the latest social technologies related to the concept of «human improvement», using genetic engineering and based on the ideology of «transhumanism+». The authors focus on the risks and consequences of the implementation of these technologies, which require the organization and improvement of ethical and legal expertise.

The authors define the purpose and conditions of the expert procedure in the context of ethical norms and principles, as well as from the point of view of legislation: domestic and foreign. The article notes that the sphere of genetic and genetic engineering research, somatic rights of the individual, has received legal support. The ethical expertise of innovative technologies is less developed.

Keywords: innovative social technologies, transhumanism, ethical and legal expertise, genetic engineering, somatic rights of the individual.

Понятие «инновационные технологии» давно вошло в наш язык и научный словарь как способ и сам процесс создания чего бы то ни было нового. Процесс этот называется творчеством, или, по выражению Н.А. Бердяева, созданием чего-то небывшего до тебя».

Особый экспертный интерес вызывают социальные технологии инновационного типа, поскольку могут не только интенсифицировать производство товаров и услуг, но и фактически влиять на соци-

альную реальность, как таковую. Формы такого влияния различны: от блокирования конфликтов и снятия социальной напряженности до преобразования человеческой природы с помощью технологий «улучшения человека».

Социальные технологии первоначально обозначались в контексте куста «социальной инженерии», как прикладного использования социологии (К. Поппер)¹, а ныне определяются как «...социальное зна-

¹ Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

ние, трансформированное в конкретные модели практических действий для достижения заранее определенных целей»².

Знание, здесь, выделено как базовый аспект, ибо эффективное «моделирование практических действий» без этого невозможно. Далее следуют деятельностный (операционный), инструментальный (конкретных средств: нормативов, решений) и утилитарный: «Социальные технологии понимаются как инновационный метод оценки и использования социальных объектов, как способ реализации социального проекта»³. Появляется задача экспертного исследования социального проекта, средств его реализации и знаний, лежащих в его основе.

Следует признать, что экспертиза часто ограничивается оценкой самого проекта, его инновационным характером, а также рисками получить негативные последствия от его реализации. В меньшей степени оцениваются средства, и ещё менее – знания, концептуальные и исходные, которые и были положены в основу проекта.

Если бы экспертиза начинала свой путь с исходного пункта становления проекта, многие следующие этапы оказались излишними, что сэкономило бы и время, и деньги. (Так поступила Французская академия, когда в 1775 году решила не рассматривать больше проекты «вечного двигателя», так как принцип их работы находится в противоречии с законами термодинамики).

Из этого, правда, есть исключения: первое связано с тем, что попытка создать нечто вроде этого «двигателя» может натолкнуть на другой путь инновации, то есть привести к любопытным техническим решениям; второе требует учитывать эмерджентность (от англ. – «возникающий, неожиданно появляющийся») той или иной технологии, необходимость реакции на уже возникшее явление с трудно предсказуемым эффектом.

К такого рода инновациям можно отнести, например, проекты, вытекающие из концепции *трансгуманизма*, согласно которой органические качества человеческой природы не являются чем-то стабильным, застывшим, а, напротив, под воздействием внешних влияний, типа генной инженерии, могут трансформироваться. Исчезает принципиальное отличие человека от вещи, но взамен ему обещают чудесные возможности продления жизни, избавления от болезней и, фактически, обретения бессмертия.

Создание Технологии усовершенствования человека (Human Enhancement Technologies) провозгласили в 1998 г. Н. Бостром и Д. Пирс, которые создали на этой основе Всемирную ассоциацию трансгуманистов. Поначалу это «интеллектуальное и культурное движение» преследовало цель избавить человека от болезней и страданий, но затем превратилось в амбициозный проект разрешения противоречия между жизнью и смертью, путем кардинального улуч-

шения телесной организации человека.

С этим еще можно было бы согласиться, ибо на что, в сущности, направлены усилия медицины и биологических наук, как не на «улучшение телесной организации»? Но далее речь заходит о необходимости переноса разума, личности на небιологический субстрат (носитель). (Вспоминается знаменитый роман фантаста Беляева «Голова профессора Доуэля»).

Трансгуманизм имеет сейчас как ярых сторонников, так и противников, видящих в нем «весьма опасную в современном мире идею».

По мнению идейных сторонников и пропагандистов трансгуманизма, он представляет собой рациональное и научное мировоззрение, признающее как возможность, так и необходимость существенных изменений биологической природы и социального положения человека с помощью инновационных технологий. Важно отметить довольно агрессивную позицию сторонников трансгуманизма, настаивающих на немедленном пересмотре традиционных, то есть базовых, принципов в отношении человека, его прав, интересов, стремления к автономности, самоопределению и безопасности.

Со времен работ 1920-50 гг. Дж.Д. Бернала, П. Тейяра де Шардена, Дж. Холдейна делается попытка перевести ключевое понятие трансгуманистов – бессмертие – из разряда метафорических в самое что ни на есть реальное. В развитии этих идей приняли участие Р. Эттингер, К.Э. Дрекслер, М. Мински, Р. Курцвейл, а вот А.А. Зиновьев («Глобальный человек») или Ф. Фукуяма («Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции») склонны, напротив, бить тревогу в их отношении, предупреждать о серьезной опасности, нас ожидающей в будущем.

Философ обязательно вспомнит «сверхчеловека» Ницше («Так говорил Заратустра»), хотя это скорее «исчадие ада», «бестия», а не улучшенный экземпляр человеческого рода.

Безоговорочное признание биологической эволюции человека, да ещё на технической основе, с редактированием генома (технология CRISPR), с внедрением в человеческий мозг (нейроинтерфейс) и т.д. может увести Человека с позиции «венца жизни» на ее «дно», и глубже, до горизонта вещи, в которой заменимо все, ничто не уникально и не подлинно («ад» экзистенциализма). Дело осложняется тем, что трансгуманизм перерастает из мировоззренческой идеи, мечты в идеологию, а затем и в инструмент, который может оказаться в «руках злодея» или просто, не менее опасного в современном мире, прагматика.

Последствия внедрения подобных технологий могут касаться сферы социальных отношений, социального расслоения на «простые» и «особые» касты, или сферы человеческих переживаний, рефлексии, с претензией на обеспечение «всеобщего и стабильного счастья».

² Социальные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. И.Б. Орловой. М.: Изд-во Юрайт, 2019. С. 17.

³ Там же. С. 18.

Многие инновационные технологии не выглядят столь опасными в этико-правовом плане, по причине того, что они уже завоевали свое место в жизни и практике людей, хотя и породили так называемые «открытые моральные проблемы».

Признаками их являются следующие:

а) связь с публично-легальной сферой функционирования общества; б) претензия на моральное исключение из правил (как эвтаназия – убийство «несущее благо умирающему»); в) потребность, для их решения, в специальных знаниях (типа критериев перехода от жизни к смерти при трансплантации органов); г) «открытые» они не потому, что еще нет решения, а потому, что его нет в единственно правильном варианте.

В число «открытых моральных проблем» входят и смертная казнь, и благотворительность, и легализация (или запрет) абортов, легких наркотиков, стрелкового оружия и т.п. К ним сейчас присоединяются инновационные технологии с «расплывчатыми», в этико-правовом отношении, критериями, не ясными последствиями. И можно констатировать, что скорость реализации данных «экспериментов с человеком» опережает процедуру их экспертных оценок, темпы создания соответствующих этико-правовых комитетов и комиссий.

Этическая экспертиза представляет собой метод, процедуру рассмотрения различных социальных феноменов, технологий и конкретных проектов сквозь призму этических норм, принципов или общегуманитарных убеждений. В качестве экспертов здесь выступают специалисты соответствующего профиля: философы, социологи, психологи, а также компетентные деятели культуры, представители религиозных и образовательных учреждений.

Эксперты по этическим вопросам несут ответственность за обеспечение безопасности проектируемых исследований или практических мероприятий, защиты безопасности, прав и благополучия субъектов, в них участвующих. Главной целью этической экспертизы непосредственного вида является определение риска для субъекта и его оправданности значимостью знаний и инновационных технологий, ради которых они планируются и реализуются. Так, в статье 14. Этическая экспертиза. Федерального закона от 23 июня 2016 № 180-ФЗ совет по этике призван выдавать заключение об этической обоснованности биомедицинского исследования, исходя из объективности информации, предоставляемой учреждению и пациенту, соотношения риска и пользы; на основе изучения методологии исследования, квалификации исследовательской команды, наличия страховой защиты участников исследования и необходимых ресурсов (организационных, медицинских, финансовых) учреждения. Этическая экспертиза, таким образом, рассматривается в контексте правового регулирования инновационных технологий, хотя ситу-

ация здесь противоречива и связана с неполнотой правовых норм и законов, а также с недостаточной сформированностью соответствующего правосознания всех акторов этой деятельности.

Правовое обеспечение в наибольшей степени дано сфере генетических исследований⁴, в Федеральном законе 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и законе 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Федеральный закон от 29 декабря 2022г. № 643-ФЗ внёс изменения в закон 1996 года, где появилась ст. 10 о государственной информационной системе в области генетической информации: «Национальная база генетической информации», оператором которой стал Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт».

Социально-гуманитарная экспертиза может затрагивать многие важные вопросы, связанные, например, с медицинской тайной в отношении результатов обследования лиц, вступающих в брак, с генетической паспортизацией мигрантов, граждан со склонностью к криминальным формам поведения, с тестами на установление отцовства и т.д.

На европейском уровне, при ЮНЕСКО, создан Комитет по биоэтике и принята «Декларация о геноме человека», где утверждены принципы анонимности, добровольности и безопасности вмешательства в геном, которое разрешено лишь в профилактических или лечебных целях, с исключением возможности влияния на геном наследников исследуемого лица.

В 1997 году в испанском городе Овьедо принята «Конвенция о правах человека и биомедицине», открытая для подписания всем заинтересованным странам.

Общей этико-правовой рамкой всех проблем, связанных с практикой генетических преобразований человеческого существа, можно считать *право на владение, пользование и распоряжение собственным телом* – право естественное и не имеющее вещной природы. (Трансгуманизм, как мы видели, не считает принципиальным это обстоятельство).

Соматические права, как разновидность личных прав, «...не оставляют равнодушными никого, ... и это ... обусловлено, по нашему мнению, различными обстоятельствами, но главным является – морально-нравственные трудности их понимания и как следствие отсутствие четкой правовой регламентации».⁵

Появление данного понятия в российском правовом пространстве К.Е. Малышева связывает с работами В.И. Крусса, а затем М.А. Лаврика и др. исследователей.

В.И. Крусс относит соматические права к группе таких, которые базируются на мировоззренческом принципе права личности самостоятельно распоряжаться, «модернизировать» и даже «фундаментально реконструировать» собственное тело⁶.

⁴ Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и Германии // Правозащитник. 2016. № 2.

⁵ Малышева К.Е. Соматические права: миф или реалии современности? // Молодой ученый. 2021. № 25 (367) С. 317.

⁶ Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С.16-26.

Предполагается, что соматические притязания личности должны признаваться обществом и получить правовое закрепление, а Е.А. Поцелуев и Е.С. Данилова уточняют сферу, которая должна учитываться в первую очередь: биология, генетика, медицина и техника.

В классификации М.А. Лаврика выделены конкретные виды соматических прав: право на смерть (суицид и эвтаназия); право на смену пола; право на донорство органов и тканей; репродуктивные права человека, включающие искусственное оплодотворение, а также стерилизацию, контрацепцию и аборт.

Поскольку этическая экспертиза может стать практическим регулятором (или «запретителем») в случае ее правовой поддержки, стоит обратиться к закону РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Согласно ст. 8 данного закона, у донора в случае наступления внезапной смерти могут быть взяты любые органы с целью их трансплантации нуждающемуся реципиенту, то есть, по умолчанию, донор и его близкие, родственники дают на это согласия (презумпция согласия). Отсюда, для того, чтобы воспрепятствовать такому обстоятельству (например, из-за религиозных убеждений), каждый гражданин должен при жизни оформить нотариально заверенный отказ на проведение указанной процедуры. Естественное право на тело не может быть реализовано столь же естественно; более того, родственники остаются в полном неведении того, что органы их близких были изъяты.

Предметом медико-технологических манипуляций может стать не только орган, ну и клеточный материал. Известен случай юридического процесса по делу Дж. Мура против Университета Калифорнии (США), где было отклонено право собственности истца на запатентованные им собственные клетки, с возможностью получения прибыли от их продажи.

«Описанная коллизия – пример *вступления биотехнологий на путь коммерциализации*: генетическое изменение клетки ведет к созданию организма, который полностью принадлежит тому, кто его изобрел. Единственным юридическим условием служит осознанное согласие пациента на проведение процедуры, последствия которой ему неизвестны. Собственность на тело и его части теперь обуславливается системой, основанной на коммерческой прибыли»⁷.

Проблем, связанных с организацией этико-правовой экспертизы новейших социальных технологий, множество: это и подготовка специалистов-гуманитариев к общению с технико-технологическими, биомедицинскими кругами, которые мыслят совершенно особым образом, и где любознательность затмевает нравственные соображения и права личности; это и поиск подходящей аргументации для административных кураторов, для СМИ и широкой публики; это, наконец, наличие противоречий внутри экспертного сообщества, недостаточно четкая правовая база данной деятельности и отсутствие критериев для более или менее однозначной трактовки тех или иных законов, положений, комментариев, регулирующих инновационные проекты и технологии «улучшения человеческой природы».

Широкий философско-антропологический взгляд на нашу проблему требует осмысления специфики трех уровней и составляющих человеческого существования: биологического, социального и духовно-нравственного. И в том случае, когда определенная опасность угрожает первому – телесному, а социальные технологии рьяно и довольно рискованно берутся за улучшение человеческой природы, неизмеримо вырастает значение этико-правовой экспертизы.

И хорошо бы она работала, прежде всего, на упреждение негативных последствий неудержимого, в целом, технологического развития человека.

Библиографический список

1. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16-26.
2. Малышева К.Е. Соматические права: миф или реалии современности? // Молодой ученый. – 2001. – № 25 (367). – С. 316-319
3. Поппер К. Ницета историцизма. М: Прогресс, 1993. – 187 с.
4. Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и Германии // Правозащитник. – 2016. – № 2.
5. Социальные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. И.Б. Орловой. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 174 с.

Рецензент: Шинкова С.С., доцент кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. филос. наук.

⁷ Социальные технологии: ... С. 38.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БЕРДЕГУЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
berdegulova lyub@mail.ru

ИНСТИТУТ АФФИЛИРОВАННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

BERDEGULOVA LIUBOV ALEKSEEVNA

PHD in Law, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University
(MSLA), berdegulova-lyub@mail.ru

THE INSTITUTE OF AFFILIATION IN RUSSIAN CORPORATE LAW: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию особенностей определения института аффилированности в отечественном корпоративном праве. В статье подчеркивается сложность интерпретационной деятельности связей субъектов, которые подпадают под понятие аффилированных лиц в условиях несостоятельности (банкротства) корпораций. Несмотря на нормативное закрепление возможности привлечения к ответственности в правоприменительной деятельности, все ещё остается трудноразрешимой задачей вопрос установления и доказывания фактов связанности между субъектами таких правовых отношений. В статье отдельное внимание обращается на дискуссионность вопроса об отождествлении терминов «аффилированность» и «связанность» в гражданском законодательстве. Данный подход в цивилистической литературе встретил неоднозначную реакцию. Автором подчеркивается необходимость установления более четких критериев аффилированности и отказа от размытых формулировок.*

Ключевые слова: аффилированность, аффилированные лица, зависимость, корпорация, корпоративное право, корпоративные отношения, корпоративный покров, связанность, субсидиарная ответственность, дочерние общества.

***Review.** The article is devoted to the study of the peculiarities of the definition of the institution of affiliation in Russian corporate law. The article highlights the complexity of the interpretative activity of the relations of entities that fall under the concept of affiliated persons in the context of corporate insolvency (bankruptcy). Despite the normative consolidation of the possibility of bringing to justice in law enforcement activities, the issue of establishing and proving the facts of connectivity between the subjects of such legal relations still remains an intractable task. In the article, special attention is paid to the controversial issue of the identification of the terms «affiliation» and «connectedness» in civil legislation. This approach has met with mixed reactions in the civil literature. The author emphasizes the need to establish clearer criteria of affiliation and the rejection of vague formulations.*

***Keywords:** affiliation, affiliated persons, dependence, corporation, corporate law, corporate relations, corporate cover, connectedness, subsidiary liability, subsidiaries.*

Институт аффилированности в российском праве является относительно молодым по сравнению с его аналогами в зарубежных правовых системах.

Усложнившиеся корпоративные правоотношения требуют от законодателя и правоприменительных органов более тщательной проработки внутренних фактических и правовых связей участников имущественных отношений, более глубокого анализа связанности субъектов, принимающих в них участие.

Сегодня недостаточно довольствоваться доктриной «корпоративного покрова» для того, чтобы правовое регулирование гражданско-правовой ответственности признавалось справедливым и разумным. Эпоха ограниченной ответственности юридического лица пределами его имущества осталась в прошлом.

Нормативную основу установления состояния аффилированности и привлечения к ответственности зависимых субъектов составляет ст. 53.2 Граждан-

ского кодекса РФ¹. Законодатель обозначил аффилированность как своеобразное отношение связанности между лицами.

В вопросе интерпретации аффилированности А.В. Сятчихин, Д.И. Стороженко выделяют доктринальный и нормативный подходы². Одним из самых чувствительных вопросов доктринального характера выступает полемика о категориальном аппарате корпоративной науки в части научной интерпретации понятия и содержания «аффилированности», определения ее критериев, соотношения с категорией «зависимость» и «связанность».

Большинство ученых-цивилистов сходятся во мнении, что аффилированность представляет собой особое состояние, с которым связывается наступление определенных правовых последствий. В этом случае лексическая единица «состояние» выступает семантическим ядром дефинитивного определения «аффилированности».

На специфичность состояния, в котором находятся лица, указывали Ф.А. Воронов, А.В. Ефимов, В.В. Тихонов, И.С. Шиткина и другие авторы.

Если у А.В. Ефимова рассматриваемый правовой институт есть состояние связанности³, а для В.В. Тихонова аффилированность – это отношение согласованности, обоюдной координации хозяйственной деятельности, при которой субъекты автономны⁴, то Ф.А. Воронов под аффилированностью подразумевает состояние контроля⁵.

В результате исследования правовых последствий аффилированности при банкротстве, Ф.А. Воронов приходит к выводу о том, что аффилированность характеризуется правовой возможностью контролировать фактическую и юридическую деятельность субъекта, в отношении которого инициировано производство о несостоятельности (банкротстве)⁶. Контроль и осведомленность обозначены автором как основные признаки наличия отношений аффилированности с участием должника-банкрота. По аргументации В.В. Тихонова аффилированность характеризуется обоюдной координацией фактической деятельности организации, что стоит признать справедливым⁷.

Большинство исследователей единодушны в том, что юридическое значение для целей квалификации

аффилированности имеют отношения между участниками, в основе которых лежит взаимный интерес.

Одним из важнейших признаков аффилированности выступает заинтересованность в действиях и стратегии организации. Речь идет не о стандартном интересе, а о непосредственной заинтересованности, которая связана с возможностью влиять на поведенческую стратегию корпорации. Принципиальная разница состоит в том, что круг заинтересованных лиц значительно шире перечня субъектов, которые могут быть отнесены к аффилированным лицам. Так называемые стейкхолдеры охватывают не только акционеров (участников) корпорации, но и третьих лиц, не имеющих возможности участвовать в принятии решении юридического лица, хотя и сохраняющие интерес к деятельности компании. В качестве примера следует привести работников организации, которые заинтересованы в трудоустройстве и в стабильной оплате их труда у соответствующего работодателя.

Определяя аффилированность в качестве особого юридического факта-состояния, А.В. Ефимов указывает на разнообразный комплекс факторов, который демонстрирует их зависимость, среди которых вовлечение в общую хозяйственную деятельность, обоюдный интерес в определенных результатах деятельности, установленная возможность оказывать влияние на принятие решений организации⁸.

Интереса заслуживает предложение Ф.А. Воронова о необходимости дополнения Закона о банкротстве дефиницией «аффилированные лица должника»⁹. По мнению автора такие лица квалифицируются через возможность одного лиц осуществлять контроль за хозяйственной деятельностью другого лица, или через фактическую осведомленность о состоянии должника. Указанная осведомленность обусловлена спецификой корпоративного, трудового, родственного и иного положения. Действительно, лица, обладающие крупным пакетом акций в силу своего корпоративного положения осведомлены о финансовом положении компании и не могут быть не в курсе действий, ведущих к несостоятельности (банкротству) организации. Аналогичные возможности имеются у родственников директоров хозяйственных обществ.

Аффилированность в корпоративном праве дифференцируется на фактическую и юридическую. Если

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [федер. закон: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: по состоянию на 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

² Сятчихин А.В., Стороженко Д.И. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности // *Ex jure*. 2021. №4. С.46-59.

³ Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С.12.

⁴ Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированность в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 11.

⁵ Воронов Ф.А. Аффилированность и её правовые последствия при несостоятельности (банкротстве): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С.12.

⁶ Там же. С.14.

⁷ Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированность в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 11-12.

⁸ Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 12.

⁹ Воронов Ф.А. Аффилированность и её правовые последствия при несостоятельности (банкротстве): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 18.

юридическая аффилированность устанавливает отношения контроля на основании установленных судом сложившихся корпоративных отношений, то фактическая аффилированность считается имманентной, которая выявляется на основании сложного анализа внутренних и внешних хозяйственных связей. Здесь стоит подчеркнуть, что с трудностями установления фактической аффилированности сталкиваются как кредиторы должника, так и сами суды. Как правило, судьи с большой осторожностью рассматривают дела данной категории, истребуя от должников значительный объем материалов, которых не всегда бывает достаточно для выявления признаков аффилированности.

Нормативное закрепление юридической аффилированности произведено в статье 4 закона РСФСР от 22 марта 1991 г. №948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», где перечисляются субъекты, влияющие на деятельность организации: лица, входящие в состав руководящих единоличных или коллегиальных органов, участники с долей участия более двадцати процентов в уставном капитале¹⁰. При этом статья 53.2 ГК РФ аффилированность не получила должного дефинитивного закрепления, а сама правовая норма носит отсылочный характер.

Аффилированность присутствует и в отношениях, складывающихся между основным и дочерним обществом (ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах»)¹¹. Статья 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» раскрывает понятие «заинтересованность» и регламентирует каких лиц следует причислять к кругу контролирующих должника субъектов¹². Вместе с тем аффилированность не сводится исключительно к определению контролирующих должника лиц, поскольку является более широкой категорией, что наглядно демонстрируется материалами судебной-арбитражной практики. Отношения аффилированности присутствуют в случае избрания одного и того же лица генеральным директором связанных компаний, что демонстрируется и материалами арбитражно-судебной практики (Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 4 марта 2024 г. по делу № А73-4369/2023)¹³.

Вместе с тем установление факта заключения трудового договора между одним хозяйственным обществом и лицом, избранным в последующем в качестве директора другого хозяйственного общества, не является прямым подтверждением их аффилированности (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 февраля 2024 г. по делу № А14-5608/2022)¹⁴. Очевидно, что само это обстоятельство не свидетельствует о связанности и взаимном интересе, который преследуют корпорации.

Разрешая дела о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, суды устанавливают степень аффилированности при тщательном изучении значительного числа юридических фактов. С одной стороны, в Обзоре Верховного Суда РФ № 4 от 23 декабря 2020 года¹⁵ содержится отсылка к применению презумпции контроля, согласно которой предполагается, что лицо признается контролирующим лицом организации-должника при условии получения выгод от недобросовестных (незаконных) действий его руководящих органов (подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁶. Презумпция является оспоримой и соответствующие лица вправе доказывать как отсутствие корыстных побуждений и своей заинтересованности в накоплении задолженности организацией, так и отсутствие связанности и возможности оказывать влияние на действие должника. Малозначительность влияния, которое участник или акционер имел возможность оказывать на формирование воли юридического лица, как правило, исключает аффилированность в обязательственных и корпоративных отношениях.

Фактическая аффилированность раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», где в пунктах 4 и 16, к которой отнесено и заключение сделок на заведомо невыгодных условиях, с лицами, которые явно не способны исполнить обязательство, совершения явно убыточных операций и др.¹⁷ Здесь стоит подчеркнуть, что фактическая аффилированность по-

¹⁰ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках [закон РСФСР от 22 марта 1991 г. №948-1] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹¹ Об акционерных обществах [федер. закон: принят Гос. Думой 24 ноября 1996 г.: по состоянию на 08 августа 2024 г.] // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹² Об обществах с ограниченной ответственностью [федер. закон: принят Гос. Думой 14 января 1998 г.: одобрен Советом Федерации 28 января 1998 г. по состоянию на 01 сентября 2024 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 1. Ст. 1.

¹³ Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 4 марта 2024 г. по делу № А73-4369/2023 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 февраля 2024 г. по делу № А14-5608/2022 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 23 декабря 2020 года) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.vsrfr.ru/files/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁶ О несостоятельности (банкротстве) [федер. закон: принят Гос. Думой 27 сентября 2002 г.: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 г. по состоянию на 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

рождает те же правовые последствия, что и юридическая, о чем свидетельствует и судебная практика.

Вместе с тем аффилированность не всегда означает недобросовестность в действиях связанных физических и юридических лиц. Даже в условиях нормальной хозяйственной деятельности, предпринимая все разумные и добросовестные действия для получения прибыли, руководящие органы не всегда могут устранить все предпринимательские риски. Некоторые обстоятельства, катастрофически повлиявшие на маржинальность, невозможно предусмотреть в длительной перспективе, что наглядно было продемонстрировано при введении ограничительных мер в связи с эпидемией коронавирусной инфекцией, введением санкций в отношении России и встречными контрсанкциями.

Деятельность, в рамках которой организация получает доход ниже объективного потенциала прибыли, приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам. Вместе с тем суду следует исследовать причины снижения размера прибыли организации, которые могут носить объективный характер и не быть связаны с недобросовестностью в действиях лиц, входящих в круг руководящих органов.

И, напротив, принятие управленческих решений с целью создания видимости имущественного кризиса у корпорации и конструирования признаков банкротства с дальнейшим списанием кредитной задолженности, является поводом для тщательного изучения деятельности организации- должника на предмет аффилированности.

Особого внимания заслуживает вопрос о наличии среди кредиторов аффилированных лиц, которые действуют в ущерб иным кредиторам, не имеющим заинтересованности в реализованной предприятием стратегией предпринимательской деятельности, оказавшейся для него фатальной.

Довольно распространенной является бизнес-модель, при которой создаются корпоративные объединения, включающие несколько хозяйственных обществ, обладающие общей заинтересованностью в достижении стратегических результатов. Указанная бизнес-модель позволяет координировать действия участников объединения. Фактически имеющаяся возможность контролировать деятельность внутри корпоративной группы, принимать управленческие решения, в результате которых активны распределяются неравномерно между её участниками, создает благодатную почву для злоупотребления своими правами и причинения вреда иным кредиторам. Лица, входящие в корпоративную группу, обладают преимуществами перед другими кредиторами, хотя бы в силу

большей осведомленности о реальном финансовом положении должника.

И.С. Шиткина анализирует аффилированность сквозь призму доктрины «снятия корпоративной вуали», что представляется справедливым, поскольку привлечение к ответственности по обязательствам должника его аффилированных лиц является исключением, а не общим правилом¹⁸. И.С. Шиткина, также как и Е.А. Суханов обращали внимание на то, что из первоначального проекта изменений в части первую Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁹.

Дефицит нормативного обеспечения привлечения к ответственности аффилированных лиц в корпоративном праве восполняется судебской дискрецией, которая характеризуется противоречивым и крайне избирательным подходом. Не спасают ситуацию и периодически издаваемые Верховным Судом РФ обзоры, в которых представляется результаты рассмотрения соответствующих споров. Следует подчеркнуть, что обзор сам по себе не способен дать целостную картину применения законодательства об аффилированности и не разъясняет всех её критериев. В результате, правоприменительная практика довольно часто демонстрирует злоупотребление судебским усмотрением, в рамках которого суды допускают вольное толкование категорий субъектов, причисляемых к аффилированным лицам.

Практика подмены законодателя актами правоприменения следует считать пагубной для целей конструирования правового массива, отвечающего требованиям ясности и определенности. Опять же необходимо помнить о том, что Россия не относится к странам, для которых применение прецедента в качестве источника права является нормой. Более того, даже эти государства все чаще обращаются к статутному праву. Полагаем, что игнорирование российским законодателем вопросов, связанных с аффилированностью в корпоративном сегменте лишь усугубляет ситуацию с разумным правоприменением в части привлечения к ответственности по обязательствам хозяйственных обществ субъектов, стоявших за принятием рискованных решений, повлекших несостоятельность корпорации.

Анализ судебной практики позволил выявить отсутствие руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, об установлении аффилированности в корпоративных отношениях. В связи с трудностями, которые возникают при интерпретации нормативных правил об аффилированных лицах, существует острая потребность в вынесении Пленумом Верховного Суда РФ Постановления, в котором следует разъяснить судам особенности рассмотрения споров, связанных с участием аффилированных лиц.

¹⁸ Шиткина И.С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // *Хозяйство и право*. 2013. № 2. С.4.

¹⁹ Суханов Е.А. Об итогах реформы Гражданского кодекса Российской Федерации // *Правоведение*. 2016. №1 (324). С.90-100; Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013-2017 гг. М.: Статут, 2018.

Библиографический список

1. Воронов Ф.А. Аффилированность и её правовые последствия при несостоятельности (банкротстве): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 32 с.
2. Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 36 с.
3. Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013-2017 гг. – М.: Статут, 2018. – 496 с.
4. Суханов Е.А. Об итогах реформы Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. – 2016. – № 1 (324). – С. 90-100.
5. Сятчихин А.В., Стороженко Д.И. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности // Ex iure. – 2021. – № 4. – С.46-59.
6. Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированность в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 26 с.
7. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С.3-27.

Рецензент: Янева Р.Р., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н., доцент.

ПОЗДНЯКОВА АННА СЕРГЕЕВНА

канд. юрид. наук, ст. преподаватель Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул.
Комсомольская, 50, oAPozdniakova@msal.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК ФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

POZDNYAKOVA ANNA SERGEEVNA

candidate of legal sciences, senior lecturer of the Department of Civil law and civil
procedures of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after
O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oAPozdniakova@msal.ru

IMPROVING THE UNDERSTANDING OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AS A FORM OF CIVIL LIABILITY IN RUSSIAN LAW

Аннотация. На протяжении нескольких десятилетий разрешение спорных вопросов применения положений гражданского законодательства осуществлялось на основании разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». С принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» можно с полной уверенностью утверждать о начале нового этапа развития данного правового института. Примечательно, что без внесения изменений в действующее законодательство в настоящее время достигнуто качественно иное понимание правовой природы компенсации морального вреда, в частности, в случае причинения вреда материальным благам. Вместе с тем, не все проблемные вопросы правоприменительной практики нашли свое отражение в новом Постановлении. Требуется разрешения проблема преемства в обязательстве по компенсации морального вреда, наличие которой обусловлено дефицитом правового регулирования. При этом ситуация в равной степени неоднозначна в отношении преемства как на стороне кредитора, так и на стороне должника.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, компенсация морального вреда, личные неимущественные права, нематериальные блага.

Review. For several decades, the resolution of controversial issues of the application of the provisions of civil legislation was carried out on the basis of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation contained in Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 1994 «Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage». With the adoption of Resolution No. 33 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022 «On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage», we can confidently assert the beginning of a new stage in the development of this legal institution. It is noteworthy that without making changes to the current legislation, a qualitatively different understanding of the legal nature of compensation for moral damage has now been achieved, in particular, in the case of harm to material goods. However, not all problematic issues of law enforcement practice are reflected in the new Resolution. The problem of succession in the obligation to compensate for moral damage, the existence of which is due to a lack of legal regulation, needs to be resolved. At the same time, the situation is equally ambiguous with regard to succession on the side of both the creditor and the debtor.

Keywords: civil liability, compensation for moral damage, personal non-property rights, intangible benefits.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой одну из форм государственного принуждения, связанную с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота¹. Гражданско-правовая ответственность, как справедливо отмеча-

ет О.М. Родионова, «возникает, прежде всего, на основании правонарушения, указанного в законе и в этом смысле она не зависит от воли правонарушителя, ...и, следовательно, определение ненормативными регуляторами ее возникновения и прекращения исключено. Ими могут устанавливаться только порядки действий по ее исполнению»². Ответственность за нарушение личных неимущественных прав

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 215.

² Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 423.

граждан носит внедоговорный характер. По мнению В.Т. Смирнова, природа ответственности определяется «характером нарушенной ответчиком обязанности и соответственно права или блага потерпевшего. Поскольку нарушается абсолютное право (благо), ответственность является внедоговорной»³.

Наибольший практический интерес представляет рассмотрение вопроса о соотношении гражданско-правовой ответственности и деликтного обязательства, содержанием которого она является. По общему правилу обязательства по компенсации морального вреда являются имущественными, одностороннеобязывающими, однако сложно согласиться с тем, что они носят безвозмездный характер в силу того, что «причинитель вреда безэквивалентно возмещает причиненный его действиями вред; какого-либо встречного предоставления со стороны потерпевшего здесь нет и не предполагается»⁴. В случае причинения вреда возникает гражданско-правовая ответственность, носящая компенсационный характер, что предполагает применение таких мер ответственности, которые соответствовали бы размеру причиненного вреда и степени вины нарушителя. При этом на помощь приходит «мера» как предельно обобщённая философская категория в описании Вселенной, выражающая «органичное единство качественной и количественной определённости предмета или явления»⁵. Мера характеризуется как граница перехода на другой уровень качества при изменении количества. Иными словами, мера определяется через взаимосвязь количества и качества. Как общеправовая категория мера, пронизывая все сферы общественной жизни, отражается в праве, прежде всего, в конституционном принципе пропорциональности, который заключается в применении единых мер при соотношении разных понятий, когда количество одного качества соответствует определённому количеству другого качества. На понятии «мера» основана измеримость процессов и существование таких гражданско-правовых принципов, как принципы добросовестности, разумности и справедливости, благодаря чему возможно выявление соразмерности деяния и ответственности.

В имущественных отношениях гражданско-правового характера мера находит свое выражение в эквивалентности, которая также рассматривается в качестве «проявления принципа справедливости»⁶. В.В. Груздев определяет гражданско-правовую эквивалентность как соразмерное в количественном и качественном сравнении распределение субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанно-

стей в юридической связи, обеспечивающее имущественную самостоятельность ее участников⁷. По мнению автора, эквивалентность в охранительных правоотношениях «сводится именно к тому, что нарушитель возвращает экономическое благо, которое противоправно оказалось в его имущественно-правовой сфере,... т. е. осуществляет ответное имущественное предоставление»⁸. И далее отмечает, что данное утверждение справедливо лишь для обязательств, возникших из нарушения имущественных отношений, поскольку «отсутствие первоначального предоставления потерпевшей стороны просто не позволяет говорить о соразмерном какому-либо предоставлению имущественном обременении нарушителя»⁹.

Однако, согласимся с мнением Е.Е. Богдановой, в соответствии с которым эквивалентность, являясь всеобщим законом обмена, представляет собой равноценность (равный объем) предоставляемых и получаемых сторонами благ¹⁰. Как известно, блага могут быть как материальными, так и нематериальными, а благодаря одновременному учету количества и качества объекта становится возможной эквивалентное соотношение причиненного нематериальному благу вреда и размера материального возмещения, несмотря на то, что нарушитель обязан восстановить положение лица, благом которого он никогда не располагал. Причем в договорных обязательствах эквивалентность может носить субъективный характер, зависеть от соглашения сторон, а в деликтных обязательствах, возникших из причинения вреда жизни или здоровью гражданина, является императивом. Как отмечает А.А. Волос, сущность деликтных обязательств заключается в возмещении причиненного вреда в полном объеме. Указанное обязательство состоит в «передаче определённой денежной суммы или в совершении иных действий, которые будут соотносимы с причиненным вредом или, можно сказать, эквиваленты ему»¹¹.

Таким образом, причинение вреда принадлежащим гражданину нематериальным благам является основанием для возникновения внедоговорного охранительного денежного обязательства, содержанием которого, по общему правилу, является гражданско-правовая ответственность, носящая компенсационный характер, основанный на эквивалентности (исключение составляет причинение вреда в состоянии крайней необходимости). В отношении должника в таком обязательстве возникают неблагоприятные имущественные последствия, которые не наступили бы, если бы не его противоправное поведение, при-

³ Смирнов В.Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 49-50.

⁴ Советское гражданское право: учебник / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1969. Т.2 С.364.

⁵ Философский словарь. Издание четвертое / под ред. И.Т. Фролова. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 211.

⁶ Рыженков А.Я. Эквивалентность в гражданском праве: принцип или метод? // Современное право. 2023. № 2. С. 26.

⁷ Груздев В.В. Гражданско-правовая эквивалентность: понятие и сущность // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 70.

⁸ Груздев В.В. Указ. соч. С. 69.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Богданова Е. Е. Возмездность и эквивалентность в гражданском праве Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2016. № 5. С. 20.

¹¹ Волос А.А. Принципы обязательственного права: дис. ... канд. юрид. наук: Саратов, 2015. С. 120.

ведшее к неблагоприятному для потерпевшего результату.

Ответственность за нарушение личных неимущественных прав граждан реализуется в рамках такой формы, как компенсация морального вреда. Моральный вред в п. 1 ст. 151 ГК РФ определен как физические и нравственные страдания. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление)¹² разъяснил, что данным определением охватываются страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина. Согласно разъяснениям, содержащимся в п.п. 8,9 Постановления, право требовать компенсации морального вреда неразрывно связано с личностью потерпевшего и носит личный характер, поэтому оно не может переходить в порядке правопреемства (как по наследству, так и в виде уступки требования). В данном случае Верховный Суд РФ прибегает к аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), поскольку напрямую данный вопрос не урегулирован. В отношении права требования денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, допускается передача его потерпевшим в порядке правопреемства (уступки требования) любому лицу, а также переход к наследникам в составе наследственной массы в случае, если потерпевшему присуждена компенсация, но он умер, не успев получить ее. По поводу возможности перевода долга в связи со смертью гражданина-должника в обязательстве по компенсации морального вреда никаких разъяснений не содержится.

Как известно, содержание любого обязательства образуют принадлежащее кредитору субъективное право и соответствующая ему лежащая на должнике обязанность¹³. Субъективному гражданскому праву корреспондирует гражданско-правовая обязанность. Оба названных явления в силу диалектического закона единства и борьбы противоположностей составляют неразрывное целое, образуя при этом содержание юридической связи¹⁴. В отличие от содержания существа обязательства представляет собой совокупность таких прав и обязанностей, которые обусловлены порождающим их основанием (юридическим фактом) и без которых существование и исполнение обязательства как самостоятельного, качественно определенного и индивидуального явления невозможны¹⁵.

Несмотря на то, что в обязательственном правоотношении интерес кредитора удовлетворяется за

счет действий должника, содержание обязательства имеет неодинаковое значение для его сторон. Анализ положений ст.ст. 383, 418 ГК РФ позволяет заключить, что в одном и том же обязательстве его содержание по-разному связано с личностью стороны. Так, в ст. 383 ГК РФ ограничен переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, так называемых «высокоперсонифицированных требований»¹⁶. Аналогичное правило в отношении перевода долга с должника на другое лицо отсутствует (параграф 2 главы 24), однако с учетом иных законоположений может быть логически установлено. Пунктом 3 ст. 313 ГК РФ кредитору предоставлена возможность не принимать исполнение от третьего лица, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа следует обязанность должника исполнить обязательство лично. Данное положение является общим правилом, нашедшим свое дальнейшее развитие в нормах, посвященных обязательствам, связанным с выполнением работ, оказанием услуг (работа художника, услуги врача и т.д.). Так, в ст.ст. 770, 780, 895, 974, 1021 ГК РФ закреплено общее правило об исполнении обязанности должником лично, если иное не предусмотрено договором или не носит вынужденный характер.

Статья 418 ГК РФ содержит два положения, закрепляющие возможность исполнения обязательства в случае смерти кредитора или должника. Так, обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника (п.1). Согласно п. 2 настоящей статьи обязательство прекращается смертью кредитора, если исполнение предназначено лично для кредитора либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью кредитора. В соответствии с правовой позицией, выраженной в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»¹⁷, имущественные требования и обязанности, неразрывно связанные с личностью гражданина (взыскателя или должника), в силу ст. 383, 418 ГК РФ прекращаются на будущее время в связи со смертью этого гражданина либо в связи с объявлением его умершим. Из п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» следует, что имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя,

¹² Постановление Пленума Верховного Суда от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2. С. 2-14.

¹³ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 54.

¹⁴ Груздев В.В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С.95-104. С. 99.

¹⁵ Груздев В.В. Сущность изменения обязательства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3.

¹⁶ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. проф. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2021. Автор главы Павлов А.А. С. 841.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

а также если их переход в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими федеральными законами (ч. 2 ст. 1112 ГК РФ). Таким образом, критерием невозможности правопреемства является наличие неразрывной связи обязательства с личностью одной из сторон.

Применительно к личности кредитора Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – Постановление) отметил, что уступка права, совершенная в нарушение законодательного запрета, является ничтожной (п. 2 ст. 168, п. 1 ст. 388 ГК РФ). При этом следует принимать во внимание существо уступаемого права и цель ограничения перемены лиц в обязательстве (п. 9 Постановления). Применительно к ситуации, в которой законом допускается правопреемство на стороне кредитора, однако стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника (п. 2 ст. 288 ГК РФ), Верховный Суд РФ призывает ориентироваться на существо обязательства (п. 10 Постановления), а не на существо уступаемого права, как в первом случае. Из приведенных разъяснений следует, что Верховный Суд РФ придает разное правовое значение существованию прав кредитора и существованию обязательства в целом.

Гражданское законодательство не упоминает обязательств, в которых и право кредитора, и соответствующая обязанность должника одновременно были «неразрывно связаны с личностью» каждой стороны. Исключением являются лишь алиментные обязательства, что можно объяснить их возникновением на основании семейно-правовой связи, обосновывающей обязанность лица предоставлять содержание нетрудоспособному нуждающемуся члену семьи. Согласно п. 1 ст. 120 Семейного кодекса РФ алиментные обязательства, установленные соглашением об уплате алиментов, прекращаются смертью одной (любой) из сторон. Таким образом, законом императивно запрещен переход к другому лицу прав и обязанностей, неразрывно связанных с личностью их носителя. Данное требование подлежит применению к каждой стороне спорного правоотношения отдельно, причем полученные результаты в рамках одного и того же обязательства не являются взаимообусловленными.

В отличие от алиментных обязательств, представляющих собой принудительное исполнение обязанности, содержанием обязательства по компенсации морального вреда является гражданско-правовая от-

ветственность. Иными словами, осуществление права кредитором и исполнение обязанности должником в деликтном обязательстве по компенсации морального вреда представляют собой реализацию ответственности. Данные правоотношения являются личными неимущественными, о которых упоминается в п. 1 ст. 2 ГК РФ, однако они «так или иначе связанными с имущественными»¹⁸, поскольку компенсация морального вреда является денежной (п. 1 ст. 151 ГК РФ). Личными неимущественными они являются исходя из значения предмета исполнения для кредитора, который неразрывно связан с его личностью, поскольку моральный вред, представляющий собой физические и нравственные страдания потерпевшего, носит строго персонифицированный характер. Связь с имущественными отношениями определяется характером гражданско-правовой ответственности, поскольку вред может быть возмещен посредством выплаты денежной суммы или передача имущества (ст. 1082 ГК РФ).

В советский период цивилисты отмечали, что «гражданско-правовая защита личных благ в случае их нарушения возможна потому, что гражданское право в этом случае выполняет ту же восстановительную функцию, какую оно выполняет при нарушении имущественных прав лица»¹⁹. В случае причинения морального вреда, восстановительная функция преобразуется в компенсаторную. По мнению В.А. Хохлова термин «возмещение» допускает предоставление аналога в тех же показателях, что и возникшие потери, термин же «компенсация» предполагается означаящим исключительно предоставление эквивалента в какой-то иной форме²⁰. Н.Н. Ковтун различает данные понятия в зависимости от наличия или отсутствия обязанности потерпевшего документально подтвердить понесенные им убытки²¹.

Как представляется, понятия «компенсация» и «возмещение» соотносятся как часть и целое, а потому не подлежат противопоставлению. В гражданском законодательстве компенсация представляет собой такую форму возмещения убытков, которая не требует документального подтверждения размера ущерба. Определение ее размера не предполагает проведение точных математических расчетов. Компенсация носит оценочный характер и осуществляется на основе соразмерности, справедливости, разумности, либо определяется законом в качестве фиксированной суммы²². Кроме того, в отличие от возмещения убытков, компенсация всегда применяется в качестве меры ответственности.

Так, в условиях отсутствия объективной возможности полностью восстановить нарушенное личное

¹⁸ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. проф. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2021. С. 12.

¹⁹ Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. М., 1970. С. 14 (авторы комментария - С.Н. Братусь и А.В. Дозорцев).

²⁰ Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву / В.А. Хохлов. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 1997. С. 280.

²¹ Ковтун Н.Н. Высоко нравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Российский судья. 2021. № 12. С. 27.

²² Например, ст. 117 Воздушного кодекса РФ устанавливает, что в случае смерти авиапассажира перевозчик обязан обеспечить выплату компенсации в счет возмещения вреда в сумме 2 млн. рублей; ст. 60 Градостроительного кодекса РФ также предусмотрены фиксированные размеры компенсаций.

неимущественное право, компенсация морального вреда направлена на сглаживание негативных последствий нарушения. Выраженная в определенной денежной сумме, данная компенсация представляет собой «источник положительных эмоций, способных частично или полностью погасить негативный эффект, причиненный психике человека в результате нарушения его прав»²³.

Поскольку возможность требования компенсации морального вреда возникает лишь в случае нарушения личных неимущественных прав, то и возникающее в связи с этим нарушением право на защиту также носит личный характер. Как обоснованно отмечает О.М. Родионова, «защита гражданских прав является категорией, обозначающей охранительные правомочия гражданских прав. Думается, что именно в рамках охранительных правомочий лицо может, осознав вероятные или реальные препятствия для осуществления своего права, предпринять усилия по их потенциальному или действительному предотвращению, ведь правомочие на защиту появляется у лица вместе с возникновением у него любого гражданского права, а не тогда, когда оно нарушено»²⁴. Таким образом, правомочие защиты (охранительное правомочие) входит в состав любого субъективного гражданского права. Оно может быть реализовано в случае необходимости, однако возникает одновременно с другими правомочиями. Данное правомочие неразрывно связано с личностью обладателя нематериального блага и не может быть передано в порядке уступки или по наследству, что вполне согласуется с положениями п. 2 ст. 150 ГК РФ, согласно которому нематериальные блага, принадлежащие умершему, могут защищаться другими лицами в случаях и в порядке, предусмотренных законом. При этом потерпевший самостоятельно решает, обращаться ему или нет за компенсацией.

С учетом изложенного представляется абсолютно обоснованным разрешение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» вопроса о правопреемстве на стороне кредитора относительно права требования компенсации морального вреда посредством его запрета, с одновременной возможностью перехода к иному лицу права требования денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда.

Моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом

вредом неимущественным²⁵. Вместе с тем выплачиваемые в качестве компенсации морального вреда денежные средства не имеют своим целевым назначением обеспечение основных жизненных потребностей потерпевшего, не расцениваются законодателем как средства к существованию. Требование о компенсации морального вреда, как обоснованно отмечает А.М. Эрделевский, не связано с неблагоприятными изменениями в имущественном положении гражданина и не направлено на его восстановление²⁶.

Компенсация морального вреда зависит не только от наличия объективно противоправных действий (бездействия) причинителя вреда, но и включает в себя субъективную составляющую в виде объема переживаний потерпевшего в силу его индивидуально-психологических особенностей. Как отмечают Н.Ю. Рычкова, М.А. Лисняк, вероятность возникновения морального вреда во многом зависит от значимости нарушенного блага для потерпевшего: чем дороже благо, тем сильнее и дольше он будет страдать из-за его утраты²⁷. Напротив, при отсутствии физических и нравственных страданий потерпевшего основания для компенсации морального вреда отсутствуют. При этом объем нарушений нематериального блага подлежит установлению и денежной оценке с обязательным участием истца (потерпевшего) в рассмотрении дела.

Мировой практике известны два сложившихся подхода к пониманию компенсации морального вреда в зависимости от разрешения вопроса о правовой природе истребуемой денежной суммы²⁸. Первый из них – функциональный подход («functional» approach), согласно которому определенная в качестве компенсации морального вреда денежная сумма предназначена для «комфорта и утешения» потерпевшего, в качестве «источника положительных эмоций, способных частично или полностью погасить негативный эффект, причиненный психике человека в результате нарушения его прав»²⁹, поскольку посредством присуждения денежной суммы реальная реституция невозможна. В понимании потерпевшего это то, что заглаживает причиненный вред, «расходы на утешение». Согласно второму подходу размер компенсации морального вреда устанавливается на основе степени «потери ценности» («diminution of value»), при этом цель компенсации заключается в оценке понесенной потерпевшим потери, независимо от того, как будет потрачена полученная сумма. При таком подходе акцентируется внимание на тяжести причиненного вреда. И в первом, и

²³ А.М. Эрделевский. Моральный вред и компенсация за страдания. М., БЕК. 1997. С. 9.

²⁴ Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. С. 382.

²⁵ Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

²⁶ А.М. Эрделевский. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Рычкова Н.Ю., Лисняк М.А. Экспертная оценка морального вреда // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 199.

²⁸ См.: Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13. № 2. С. 70; Фаст И.А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 71.

²⁹ А.М. Эрделевский. Моральный вред и компенсация за страдания. М., БЕК. 1997. С. 9.

во втором случае суд принимает во внимание характер и степень страданий потерпевшего, его индивидуальные особенности. Однако для функционального подхода характерен больший учет личности потерпевшего, возможность заглаживания причиненного ему морального вреда с учетом его индивидуальных потребностей, что предполагает определение размера компенсации на основе пожеланий потерпевшего, а также целевое расходование указанной денежной суммы.

А.А. Ягельницкий связывает разрешение вопросов о правопреемстве на стороне кредитора с приверженностью отечественного правопорядка первому из названных подходов. Так, автор рассматривает невозможность перехода права требования компенсации морального вреда в порядке наследственного правопреемства как логическое проявление функционального подхода, объясняя перевесом в данном случае компенсационной функции гражданско-правовой ответственности над превентивной, что «обуславливает обязанность по компенсации случайным обстоятельством - продолжительностью жизни потерпевшего, а значит, приводит к чуть меньшей убыточности действий по причинению морального вреда для причинителя»³⁰. Компенсационная функция здесь рассматривается в узком смысле: поскольку компенсация предназначена для «утешения» потерпевшего, данная цель не может быть достигнута после его смерти. В судебной практике действительно не допускается правопреемство на стороне потерпевшего, который умер после обращения в суд и в его пользу по этой причине не была взыскана компенсация морального вреда, либо умер после вынесения решения суда, однако данное решение не вступило в законную силу на момент его смерти³¹.

Вместе с тем, как представляется, функциональный подход не в достаточной мере реализован российским законодателем. Компенсация морального вреда является возмещением причиненного ущерба нематериальным благам потерпевшего, возмещением его нематериальных расходов (переживаний). Будучи выраженной в материальной (денежной) форме, компенсация направлена на моральное удовлетворение потерпевшего и представляет собой денежный эквивалент страданий, а потому для потерпевшего - это суррогат³² утраченной (поврежденной) части нематериального блага, в силу чего на нее подлежат распространению свойства неотчуждаемости и непередаваемости, присущие самому нематериальному благу (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Неслучайно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и дос-

тоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» содержит правило о том, что компенсация морального вреда и убытки в случае удовлетворения иска подлежат взысканию в пользу истца, а не других указанных им лиц. Более того, взысканные суммы должны быть переданы истцу с целью обеспечения реальной возможности распорядиться данными денежными средствами.

Особое внимание необходимо уделить вопросу о целевом назначении компенсации морального вреда, которая заключается в моральном удовлетворении потерпевшего и обуславливает необходимость передачи ему взысканной денежной суммы. В отличие от иных сумм, взыскиваемых в случае нарушения личных неимущественных прав граждан, компенсация морального вреда не имеет своей целью обеспечение основных жизненных потребностей потерпевшего, контроль за целевым ее расходованием противоречит действующему законодательству. Вместе с тем, в силу свойств неотчуждаемости и непередаваемости компенсации морального вреда должна быть предоставлена аналогичная правовая защита, как в отношении алиментов на несовершеннолетних детей, возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина, возмещения вреда в связи со смертью кормильца. Как представляется, требования о компенсации морального вреда подлежат включению в состав требований кредиторов первой очереди, предусмотренной п. 4 ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Кроме того, должно быть запрещено законом обращение взыскания на денежные средства, перечисленные потерпевшему в счет компенсации морального вреда, в связи с чем представляется необходимым внести соответствующие дополнения в ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». При взыскании компенсации морального вреда необходимо также исключить применение ограничения размера удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина, установленных ч. 2 ст. 99 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», с целью обеспечения возможности скорейшего исполнения решения суда, аналогично порядку взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, возмещения вреда, причиненного здоровью, возмещения вреда в связи со смертью кормильца и возмещения ущерба, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 99 Закона).

Для должника характер исполнения носит строго имущественный характер, неразрывная связь с его личностью отсутствует³³. Данный вывод подтверж-

³⁰ Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13. № 2. С. 72.

³¹ Впервые данная позиция была закреплена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2000 года (ответ на вопрос № 2) // Бюллетень Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9.

³² Суррогат (от лат. *substitutus* – поставленный вместо другого) – заместитель, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого предмета. То, что создает видимость, иллюзию чего-л. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

³³ Изосимов С.В. К вопросу о сохранении права требования компенсации морального вреда в случае смерти его причинителя // Юрист. 2017. № 14. С. 5.

дается и субъектным составом рассматриваемых правоотношений. Упоминание в законе «личности» подразумевает участие в правоотношении гражданина, физического лица, а не организации. Так, в алиментных обязательствах сторонами могут быть лишь граждане, правом требования компенсации морального вреда также обладает лишь физическое лицо. В качестве должника в обязательстве по компенсации морального вреда могут выступать любые субъекты права – граждане, юридические лица, публичные образования. Юридические лица и публичные образования в принципе не могут обладать правами, «неразрывно связанными с личностью», поскольку сами не являются личностью.

Еще одним доводом в пользу того, что исполнение не связано с личностью должника является возможность выплаты компенсации морального вреда кредитором за должника третьим лицом. Как отмечает Л.А. Лунц, если личное исполнение обязательства должником не составляет содержания данного обязательства, то кредитор должен принять исполнение от третьего лица, предлагающего произвести исполнение за третьего лица. В этом случае кредитор, отказав принять исполнение от третьего лица, допустит

просрочку³⁴. Представляется, что воспитательная функция или функция наказания гражданско-правовой ответственности будет выполнена. При этом не допускается трактовать моральный вред как вред немущественный, лишая тем самым потерпевшего судебной защиты права. Для должника – это всегда имущественный вред.

На основании вышеприведенных положений можно также сделать вывод о возможности перехода обязанности должника-гражданина компенсировать моральный вред в порядке наследственного правопреемства независимо от того, когда наступила его смерть – до или после решения суда.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность в форме компенсации морального вреда представляет собой меру государственного принуждения, связанную с применением санкций имущественного характера в отношении причинителя вреда или его правопреемника, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, выраженную в дополнительных неблагоприятных последствиях, наступающих за совершение гражданского правонарушения в виде причинения вреда нематериальным благам гражданина.

Библиографический список

1. Богданова Е.Е. Возмездность и эквивалентность в гражданском праве Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2016. – № 5. – С. 20.
2. Волос А.А. Принципы обязательственного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 223 с.
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. проф. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2021 – 1040 с.
4. Груздев В.В. Гражданско-правовая эквивалентность: понятие и сущность // Журнал российского права. – 2018. – № 11 (263). – С. 63-75.
5. Груздев В.В. Сущность изменения обязательства // Вестник арбитражной практики. 2022 № 3. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей – М.: Знание, 1973. – 96 с.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав – М.: Статут, 2001. – 410 с.
8. Ковтун Н.Н. Высококонрастные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Российский судья. – 2021. – № 12. – С. 22-30.
9. Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. – М., 1970. – 823 с.
10. Новицкий И.Б. Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М., 1950. – 416 с.
11. Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – 502 с.
12. Рычкова Н.Ю., Лисняк М.А. Экспертная оценка морального вреда // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2012. – № 1 (10). – С. 197-201.
13. Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание / В.Г. Смирнов // Правоведение. – 1963. – № 4. – С. 78-89.
14. Советское гражданское право: учебник / под ред. О.А. Красавчикова. – М., 1969. – Т.2. – 544 с.
15. Фаст И.А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 58-75.
16. Философский словарь. Издание четвертое / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Изд-во полит. лит., 1981. – 445 с.
17. Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву / В.А. Хохлов. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 1997. – 318 с.
18. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. – М., БЕК. – 1997. – 173 с.
19. Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 60-91.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

³⁴ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 285.

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГУН ЭЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

BAGUN ELINA ALEKSANDROVNA

candidate of legal sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

CONTROVERSIAL ISSUES OF QUALIFICATION OF MURDER BY A MOTHER OF A NEWBORN CHILD

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены дискуссионные, требующие решения вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Проанализированы условия применения ст. 106 УК РФ, обозначены законодательный, теоретический и практический подходы к определению понятий «во время родов» и «сразу же после родов», а также понятия «новорожденный», приведены позиции ученых. Сделаны выводы о необходимости пересмотра законодательного подхода к определению признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, с учетом разработок в области уголовного права, психиатрии, гинекологии и других областей знаний. Внесены некоторые предложения по совершенствованию рассматриваемой нормы. Обозначена необходимость разъяснения ряда терминов и понятий на уровне Постановления Пленума Верховного суда РФ.

Ключевые слова: новорожденный, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, убийство во время родов или сразу же после них, убийство малолетнего.

Review. This article discusses the controversial issues that need to be resolved regarding the qualification of the murder of a newborn child by a mother. The conditions of application of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed, legislative, theoretical and practical approaches to the definition of the concepts «during childbirth» and «immediately after childbirth», as well as the concept of «newborn» are outlined, the positions of scientists are given. Conclusions are drawn about the need to revise the legislative approach to determining the signs of a crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account developments in the field of criminal law, psychiatry, gynecology and other fields of knowledge. Some suggestions have been made to improve the norm under consideration. The necessity of clarifying a number of terms and concepts at the level of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is indicated.

Keywords: a newborn, a traumatic situation, a mental disorder that does not exclude sanity, murder during childbirth or immediately after them, the murder of a minor.

Прошло около тридцати лет с момента включения в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года¹ ст. 106, предусматривающей привилегированный состав убийства матерью новорожденного ребенка, однако, в научных кругах до сих пор ведутся активные дискуссии как по поводу отдельных признаков данного состава преступления, так и относи-

тельно целесообразности самого факта его существования в рамках УК РФ. Вместе с тем, разворачивающаяся на протяжении почти трех десятилетий на страницах научных работ полемика пока никак не повлияла на подход законодателя к определению признаков преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ: редакция диспозиции данной нормы остается неиз-

¹ Далее – УК РФ.

менной с 1996 года, то есть с момента принятия УК РФ.

Данные статистики свидетельствуют о том, что анализируемые преступления занимают незначительную долю в структуре женской преступности. Так, в 2017 году по ст. 106 УК РФ было осуждено 42 женщины, в 2018 году – 33, в 2019 – 26, в 2020 – 29, в 2021 – 26, в 2022 – 27, в 2023 – 22 женщины². Вместе с тем, согласно имеющимся данным, степень латентности этой группы преступлений достаточно высока, их реальное количество в 8-10 раз превышает число официально зарегистрированных. Кроме того, на показателях официальной статистики сказываются и трудности правоприменительного характера, связанные с неточностью и пробельностью формулировок признаков состава данного преступления, порождающих ошибки при квалификации соответствующих деяний.

Несмотря на то, что число женщин, ежегодно осуждаемых по ст. 106 УК РФ за последние пять лет не превысило тридцати человек, нельзя недооценивать степень общественной опасности убийства матерью новорожденного ребенка, резонансный характер данных преступлений, связанный с личностью роженицы и беспомощным, незащищенным состоянием жертвы – новорожденного ребенка, а также неоднозначное отношение к матери-детоубийце, с одной стороны, с позиции законодателя, с другой, с точки зрения общества и части представителей науки уголовного права.

В средствах массовой информации постоянно публикуются сообщения о фактах убийства матерями своих новорожденных детей. Только за сентябрь-ноябрь 2024 года в новостных каналах сети Интернет было опубликовано несколько заметок с говорящими заголовками: «В Крыму женщина услышала приговор за убийство новорожденного ребенка, которого выбросила в выгребную яму туалета» (02.09.2024)³; «В Астраханской области мать обвиняют в убийстве ребенка» (5.09.2024)⁴; «Жительница Татарстана обвиняется в убийстве младенца» (30.10.2024)⁵; «Положила в пакет и оставила на морозе: в Челябинской области мать убила новорожденного сына» (6.11.2024 г.)⁶; «В Удмуртии женщину осудили на два года за

убийство новорожденного» (25.11.2024)⁷; «В Челябинской области в мусорном контейнере обнаружили мертвого ребенка» (25.11.2024)⁸; «В Новосибирской области вынесен обвинительный приговор матери по факту убийства новорожденного ребенка» (26.11.2024)⁹; «Жительница Алексина предстанет перед судом за убийство новорожденного сына» (27.11.2024)¹⁰.

Подобное внимание со стороны прессы и общественности к проблеме детоубийства остро ставит вопрос о необходимости пересмотра законодательной позиции относительно оснований отнесения данного состава к привилегированным, уточнения ряда его оценочных признаков, приведения нормы, предусмотренной ст. 106 УК РФ, в строгое соответствие с принципами справедливости, вины и гуманизма.

Законодатель выделяет несколько критериев отнесения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, к привилегированным составам. Во-первых, период совершения убийства матерью своего новорожденного ребенка – во время или сразу же после родов. Во-вторых, наличие психотравмирующей ситуации, в условиях которой происходит убийство новорожденного ребенка. В-третьих, нахождение матери в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, в момент совершения убийства.

Прежде всего, возникают вопросы относительно понимания временных интервалов «во время родов» и «сразу же после родов», которые неразрывно связаны с трактовкой категории «новорожденный». Согласно ч.1 ст. 53 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов.¹¹ Медицинскими критериями живорождения являются момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более, при массе тела новорожденного 500 грамм и более при наличии у новорожденного признаков дыхания, сердцебиения, пульсации пуповины или произвольных движений мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделена ли плацента¹².

² Судебный Департамент при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>. (дата обращения: 20.11.2024).

³ Фонтанка.ру. Петербург онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/09/02/74038568/>. (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21778791>. (дата обращения 23.11.2024).

⁵ НТА-Приволжье. URL: https://nta-pfo.ru/news/accidents/2024/news_700679/ (дата обращения: 23.11.2024).

⁶ Народная премия. 74.PY. [Электронный ресурс]. URL: <https://74.ru/text/criminal/2024/11/06/74301842/>. (дата обращения: 23.11.2024).

⁷ ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22491779> (дата обращения: 23.11.2024).

⁸ Магнитогорск онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgorsk.ru/text/criminal/2024/11/25/74375900/>. (дата обращения: 23.11.2024).

⁹ Следственное управление СК по Новосибирской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.sledcom.ru/news/item/1932300/>. (дата обращения: 23.11.2024).

¹⁰ Тульский 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://1tulatv.ru/novosti/223525-zhitelnica-aleksina-predstanet-pered-sudom-za-ubiystvo-novorozhdenного-syna.html>. (дата обращения: 23.11.2024).

¹¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/aa15f376fa23cdf49117644306f868ff3a4d6e3a/?ysclid=m44qkf4hjc848665233. (дата обращения: 19.11.2024).

¹² Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127424/ea2d9b65432bfa5119b775a55becf56a5579460f/#dst100013. (дата обращения: 19.11.2024).

То есть новорожденным ребенок будет считаться с момента, когда он полностью отделился от материнской утробы и начал самостоятельно дышать. По логике закона, если во время появления головки из утробы женщины, она намеренно наносит по ней удары, то признать данное деяние убийством новорожденного нельзя, ибо ребенок еще не родился, а значит пока является плодом в утробе матери. Соответственно, несостоятельна и формулировка диспозиции ст. 106 УК РФ: убийство матерью *новорожденного ребенка во время родов*, так как в этот период он еще таковым не является. Следует согласиться с мнением ученых, считающих необходимым исключить словосочетание «во время родов» из диспозиции ст. 106 УК РФ. Есть предложение ввести в УК РФ новый состав преступления (ст. 106.1), предусматривающий ответственность за умышленное повреждение или уничтожение матерью жизнеспособного плода на поздних сроках беременности¹³, однако и в данном случае автор оставляет рождающегося ребенка, который только находится в процессе появления на свет, за рамками уголовно-правовой охраны, ибо речь в предлагаемой статье идет о жизнеспособном плоде, *находящемся в утробе матери*, возраст которого превышает 22 недели.

Для устранения данного пробела Т.Н. Нуркаева предлагает использовать в диспозиции ст. 106 УК РФ вместо термина «новорожденный» понятия «рождающийся ребенок» и «родившийся ребенок». Таким образом конструкция диспозиции данной нормы будет выглядеть следующим образом: «Убийство матерью *рождающегося ребенка* во время родов или *родившегося ребенка* сразу после родов...»¹⁴. Подобный вариант выглядит вполне приемлемым и снимает ряд проблем, связанных с неточностью законодательных формулировок рассматриваемой нормы.

По поводу понимания периода «сразу же после родов» в теории также есть различные позиции: от мнения, что это промежуток времени после рождения ребенка и до выделения плаценты, до позиции, согласно которой этот срок должен определяться индивидуально применительно к каждому конкретному случаю¹⁵.

Более отвечающим потребностям современного состояния проблемы убийства матерью новорожденного ребенка представляется признание в качестве периода «сразу после родов» временного отрезка равного одним суткам, то есть 24 часам с момента рождения ребенка. Именно по такому пути идут суды при

решении вопроса о наличии в действиях обвиняемых состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Изучение практики свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев убийство матерью новорожденного ребенка происходит именно сразу же после родов. Согласно приводимым некоторыми аналитиками данным, такие ситуации имеют место в 95 %¹⁶ случаев от всех изученных в рамках проводимых исследований приговоров.

В данной ситуации, согласно сложившейся практике, не требуется наличие каких-либо дополнительных условий: не обязательно, чтобы мать находилась в состоянии психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, либо имела место связанная с беременностью и (или) родами психотравмирующая ситуация. Достаточно самого факта совершения убийства матерью новорожденного ребенка сразу же после родов, то есть в течение суток после них. Подобный подход находит поддержку среди теоретиков уголовного права, которые в обоснование своих доводов ссылаются на особое труднопереносимое, болезненное состояние роженицы, связанное с родовыми и послеродовыми физиологическими процессами, происходящими в организме женщины, а также с ее психическим состоянием, при котором она зачастую испытывает значительный стресс и еще не может воспринимать рожденного ребенка в качестве самостоятельной личности, продолжая считать его своей частью, плодом, источником боли и страданий. Указанные факторы обуславливают неспособность роженицы к адекватной критической оценке своих действий, снижают способность в полной мере их осознавать и ими руководить. Подобное состояние матери новорожденного ребенка в период родов или сразу же после них, по мнению некоторых авторов, является неопровержимым, презюмируется¹⁷.

Есть и противоположное мнение, согласно которому, далеко не всегда беременность и роды могут вызвать такую трансформацию в психофизиологическом состоянии роженицы, которая способна привести к совершению ею убийства своего ребенка, а значит содеянное в таких ситуациях нельзя квалифицировать по ст. 106 УК РФ¹⁸.

Данный подход представляется более верным. На наш взгляд, умышленное лишение матерью жизни своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов должно признаваться привилегированным составом преступления только в совокупно-

¹³ Кудяева Л.А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemny-realizatsii-ugolovnoi-politiki-votnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel?ysclid=lpuzetotlvv23652694/read/read/read/pdf>. (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁴ Нуркаева Т.Н. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 4. С. 93.

¹⁵ См.: Погодин О., Тайбаков А. Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. 1997. № 5. С.17; Бородин С.В. Преступления против жизни: практ. пособие. Москва: Юрист, 1999. С. 174.

¹⁶ Завьялова Н.А. Уголовно-правовая характеристика убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. № 1 (31). С. 43

¹⁷ Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. С.21.

¹⁸ Нуркаева Т.Н. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 4. С. 91.

сти с оценкой ее психического состояния, которое, в свою очередь, может быть обусловлено как самими родами (каждый организм индивидуален и в редких случаях на фоне перенесенных болевых ощущений и стресса во время родовой деятельности возможно развитие психического расстройства, не исключающего вменяемости, когда эмоционально-волевые процессы психики женщины снижены), так и иными негативными внешними обстоятельствами, так называемой психотравмирующей ситуацией, связанной либо не связанной с рождением ребенка. В данном случае важна оценка не самой обстановки, в которой совершается преступление, а обусловленной и возникшей под ее влиянием повышенной эмоциональной напряженности, не позволяющей обвиняемой в полной мере осознавать и регулировать свои криминальные действия¹⁹.

Считаем, что в каждом конкретном случае убийства матерью своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов необходимо проводить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу состояния роженицы во время совершения инкриминируемого ей деяния, устанавливая обстоятельства, негативно влияющие на состояние женщины, на ее отношение к беременности и родам, то есть факторы так называемой «психотравмирующей ситуации». И только в случае установления психического расстройства, не исключающего вменяемости, убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов должно квалифицироваться по ст. 106 УК РФ.

Два указанных фактора тесно взаимосвязаны, как правило имеют место в единстве, и приводят к тому, что женщина совершает убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов.

На наш взгляд необходимо отказаться от признания привилегированным составом убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или психического расстройства, если они имеют место за пределами суточного срока после родов. Если мать убивает ребенка, возраст которого больше 24 часов, то деяние должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а психотравмирующая ситуация и психическое расстройство, не исключающее вменяемости, должны учитываться в качестве смягчающих обстоятельств.

Еще одним условием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированным составам преступлений должно быть установление факта отсутствия у женщины заранее обдуманного умысла на совершение убийства своего будущего ребенка. На

практике достаточно часто встречаются случаи, когда умысел на лишение жизни ребенка возникает у беременных женщин задолго до родов. Об этом свидетельствует, в частности, то, что они всячески скрывают свою беременность от родственников и друзей, не встают на учет в женской консультации, а когда подходит время родов, уединяются и самостоятельно рожают, не обращаясь за медицинской помощью. Следует согласиться с Ю.М. Антоняном в том, что виновная может быть привлечена к уголовной ответственности за детоубийство по ст. 106 УК РФ только в том случае, если умысел возник во время родов или сразу после них при наличии установленных в законе обстоятельств²⁰. Если женщина заранее, еще на начальных сроках беременности, планировала избавиться от будущего ребенка, то убийство ею новорожденного во время или сразу же после родов никак нельзя обусловить влиянием «особого психофизиологического состояния, вызванного родами». В данном случае наличие хладнокровное и расчетливое убийство, которое нельзя квалифицировать по ст. 106 УК РФ. Применению подлежит норма, предусмотренная п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «убийство малолетнего».

Кроме того, такие заранее «задуманные» убийства новорожденных часто совершаются особо жестокими, мучительными для ребенка способами, повышая степень опасности содеянного и личности самой матери-детоубийцы.

Так, согласно приговору Железногорского городского суда Курской области, А.Г.Н., родив в помещении женского туалета, доношенного, живого, жизнеспособного ребенка мужского пола, ударила его головой о кафельный пол, а затем наступила ногой, обутой в зимние сапоги, на левую часть головы, со значительной силой придавив ее к полу. После этого женщина умышленно нанесла пластмассовой ручкой рожденному ею ребенку шесть непроникающих ранений в область шеи и одно проникающее колотое ранение в полость рта²¹.

В другом случае женщина, самостоятельно в домашних условиях родив жизнеспособную дочь, умышленно с целью убийства нанесла ей не менее 11 ударов ножом в жизненно важные органы: шею, грудную клетку, живот²².

В апреле 2024 года в СМИ появилась информация о том, что в Тверской области 18-летняя студентка убила своего новорожденного ребенка, нанеся ему маникюрными ножницами многочисленные удары по телу и голове²³.

Стоит отметить, что во всех приведенных случаях женщины умышленно скрывали свою беремен-

¹⁹ Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 200.

²⁰ Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические аспекты // LexRussica. № 3 (136). 2018. С. 102.

²¹ Приговор № 1-140/2017 от 10 июля 2017 г. по делу № 1-140/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H3Ame0XOc2m5/>. (дата обращения: 28.11.2024).

²² Приговор № 1-67/2015 1-8/2016 от 1 февраля 2016 г. по делу № 1-67/2015. // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DcTVIqAx4VUv/>. (дата обращения: 28.11.2024).

²³ Вся Тверь. «В Осташкове 18-летняя мать, родив на дому, заколола новорожденного сына маникюрными ножницами». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn-6kcalbbrfn0iif7msb.xn-p1ai/news/proisshestviya/v-ostashkove-18-letnyaya-mat-rodiv-na-domu-zakolola-novorozhdennogo-syna-manikyurnymi-nozhnitsami/>. (дата обращения: 28.11.2024).

ность от близких и знакомых, предпринимали действия, направленные на сокрытие факта беременности (например, утягивали живот), не вставали на учёт в женскую консультацию, не посещали медицинские учреждения, что само по себе уже свидетельствует о том, что умысел на лишение жизни своих будущих новорожденных детей у них созрел задолго до начала процесса родов. Проводимые исследования показывают, что в 80-90%²⁴ случаев женщины не вставали на учет по беременности, скрывали ее.

Вряд ли в подобных ситуациях можно говорить о привилегированном составе убийства, предусмотренном ст. 106 УК РФ, скорее речь может идти о п.п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство малолетнего с особой жестокостью.

Однако есть и другие позиции. Так, например, еще более 20-ти лет назад Л.В. Сердюк высказал мнение, что норма, предусмотренная в ст. 106 УК РФ, являясь достаточно мягкой, должна применяться не ко всем матерям, убившим своих детей. Необходимо дифференцировать ответственность путем включе-

ния в ст. 106 УК РФ ч. 2, в которой предусматривалось бы более строгое наказание за убийство материю новорожденного ребенка после родов при отсутствии смягчающих обстоятельств (психического состояния и психотравмирующей ситуации) с заранее обдуманным умыслом либо совершенное с проявлением жестокости.²⁵

Многообразие приведенных точек зрения по вопросам совершенствования нормы, предусматривающей ответственность за убийство материю новорожденного ребенка, требует комплексного изучения данной социально-правовой проблемы с привлечением специалистов по уголовному праву, криминологии, гинекологии, психиатрии, психологии, социологии и др. Необходимо выработать единый универсальный, научно обоснованный подход к установлению ответственности за убийство женщиной своего новорожденного ребенка в рамках ст. 106 УК РФ, а также привести соответствующие разъяснения по вопросам применения данной нормы в рамках Постановления Пленума Верховного суда РФ.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство материю новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические аспекты // LexRussica. – 2018. – № 3 (136). – С. 94-114.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни: практ. пособие. Москва: Юристь, 1999. – 356 с.
3. Завьялова Н.А. Уголовно-правовая характеристика убийства материю новорожденного ребенка // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2022. – № 1 (31). – С. 39-47.
4. Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. – 76 с.
5. Кудяева Л.А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2023.
6. Нуркаева Т.Н. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства материю новорожденного ребенка по-прежнему актуален // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. Т. 9. – № 4. – С. 90-94.
7. Погодин О., Тайбаков А. Убийство материю новорожденного ребенка // Законность. – 1997. – № 5. – С. 16-17.
8. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство материю новорожденного ребенка) // Психология и право. – 2021. Том 11. – № 2. – С. 193-207.

Рецензент: Плотников А.И., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

²⁴ См.: Завьялова Н.А. Уголовно-правовая характеристика убийства материю новорожденного ребенка // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. № 1 (31). С. 43; Большакова А. «Портрет детоубийцы»: анализ приговоров по статье 106 УК РФ // Регнум. 7.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/2298117?ysclid=m44p9kcz1d705269664>. (дата обращения: 28.11.2024).

²⁵ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Сердюк Л.В.; Под ред.: Щерба С.П. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 194.

БИМБИНОВ АРСЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Москва, Садовая-Кудринская ул. дом 9,
bimbinov@yandex.ru

АНТИКОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НАУЧНОЕ И ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПОНИМАНИЕ

BIMBINOV ARSENIY ALEKSANDROVICH

PHD in Law, associate professor, associate professor of the Department of Criminal
Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
Moscow, 123242, bimbinov@yandex.ru

ANTICOMPETITIVE CRIMES: SCIENTIFIC AND PRACTICE-ORIENTED UNDERSTANDING

Аннотация. В последние годы для юристов, практикующих в сфере уголовного права, актуализировалась тема, связанная с совершением хозяйственных преступлений, посягающих на отношения по поводу добросовестной конкуренции. Во многом это связано с увеличением количества уголовных дел по таким посягательствам и сложностью с установлением и пониманием признаков соответствующих составов преступлений. В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в этой связи запущена дисциплина об антиконкурентных преступлениях, перечень которых однозначно не определен. В статье на основе имеющихся в науке позиций и подходов правоприменителей предпринимается попытка очертить круг деяний, которые можно отнести к числу антиконкурентных преступлений.

Ключевые слова: ограничение конкуренции, картель, товарный знак, средства индивидуализации, уголовная ответственность, публичные закупки.

Review. In recent years, for lawyers practicing in the field of criminal law, the topic related to the commission of economic crimes encroaching on relations regarding fair competition has become more relevant. This is largely due to the increase in the number of criminal cases of such encroachments and the difficulty in establishing and understanding the signs of the relevant elements of crimes. In this regard, the Kutafin University (MSAL) has launched a discipline on anti-competitive crimes, the list of which is not clearly defined. Based on the positions and approaches of law enforcement officers available in science, the article attempts to outline a range of acts that can be classified as anti-competitive crimes.

Keywords: restriction of competition, cartel, trademark, means of individualization, criminal liability, public procurement.

Конкуренция – сложное и многогранное понятие, которое используется для характеристики отношений в самых разных областях и по самым разным поводам: от конкуренции уголовно-правовых норм¹ до социальной конкуренции, связанной с желанием получить расположение любимого человека². Тем не менее во всех случаях использования понятия конкуренции прослеживается общий смысл – речь идет о соперничестве однородных процессов, направленных на достижение единой цели. Признаки такого соперничества могут серьезным образом отличаться. Известный экономист П. Кругман пишет, что многие используют термин «конкуренция», не задумываясь о его содержании, однако истинное значение этого термина целиком зависит от сферы использования³.

Например, в официальных спортивных соревнованиях конкуренция стремится к абсолюту, когда поставленные в примерно равные условия конкуренты соперничают друг с другом для определения одного победителя, получающего результат, к которому стремились все участники соревнования. Однако в образовании в силу его социального значения абсолютной конкуренции, как правило, быть не может. Несмотря на то, что конкурсные процедуры при поступлении и соревновательный метод при прохождении учебных заданий повышают мотивацию обучающихся, это далеко не всегда положительно сказывается на качестве учебного процесса, в том числе потому что школьники и студенты при освоении образовательной программы не имеют одинаковых возмож-

¹ См. об этом: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2019. 288 с.

² См. об этом: Писолетов Д. Теория социальной конкуренции. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/378522921_Teorija_socialnoj_konkurencii (дата обращения: 10.11.2024).

³ Krugman P. Competitiveness: a Dangerous Obsession // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, № 2. P. 28-44.

⁴ DiMenichi B.C., Tricoli E. The power of competition: Effects of social motivation on attention, sustained physical effort, and learning // Front Psychol. 2015. Sep. Vol. 1, № 6. P. 1282.

ностей, а желаемый результат этой деятельности, как правило, должен наступить если не у всех, то у большинства обучающихся.

Б.К. ДиМеничи и Э. Трикоми по результатам эксперимента, проводимого в Ратгерском университете, пришли к выводу, что конкуренция в образовании может влечь снижение производительности труда⁴. Наличие конкурента и повышенное внимание к собственной результативности при решении задач, требующих умственных усилий, повышают тревожность, которая негативно отражается на рабочей и долговременной памяти⁵. Кроме того, как отмечают авторы, соревновательный метод в образовании вызывает чувство беспокойства у студентов по психологическим, культурным и учебно-методологическим причинам. В странах, где учебно-воспитательный процесс строится на взаимодействии и сотрудничестве между обучающимися, конкуренция в учебе может подрывать качество образования. В отличие, например, от Японии, где конкурентная среда обучения является обычным явлением с начальных классов⁶.

Понимание конкуренции должно быть разумным, в каких-то случаях она выступает лишь синонимом соперничества, но как категория, пользующаяся правовой охраной, – это система отношений, настройки которой зависят от регулируемой сферы, социального статуса конкурентов, целеполагания, государственной политики, норм и принципов международного права. Эти отношения подлежат регулированию, потому что касаются деятельности людей и их коллективов⁷, для того чтобы отрицательный эффект (экономические потери проигравших хозяйств, перераспределение благ⁸, активное противодействие субъектов друг другу⁹ и другое) конкуренции не выходил за пределы допустимого при достаточной очевидности положительного эффекта, выраженного в высокой производительности и результативности¹⁰, качестве и устойчивости¹¹ соответствующей деятельности.

В России обеспечивается правовая охрана конкуренции как системы отношений в сфере экономики.

Согласно ст. 8 Конституции РФ составляющими конституционного строя государства являются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Будучи сопряженными с концепцией социального государства (ст. 7 Конституции РФ), перечисленные принципы образуют конституционно-правовую основу социально ориентированной рыночной экономики.

Гарантируемая государством поддержка конкуренции представляет собой инструмент создания благоприятной экономической среды. Как отмечает Г.А. Гаджиев, в этих целях оправданна интервенция государства в сферу экономических отношений. Исходя из положений ч. 2 ст. 34 Конституции РФ о недопустимости экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, государство должно посредством принятия законов о конкуренции обеспечивать поддержку именно добросовестной конкуренции между хозяйствующими субъектами, установив необходимые ограничения свободы экономической деятельности. Тем самым конституционный принцип поддержки конкуренции выполняет роль содержащихся в самой Конституции РФ ограничений указанной свободы¹².

Деятельность государства, направленная на поддержание конкуренции, противодействие монополизации и недобросовестной конкуренции, осуществляется путем принятия и обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства, положения которого содержатся в нормах ГК РФ, закона «О защите конкуренции»¹³, закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹⁴, закона «О естественных монополиях»¹⁵, закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁶, закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»¹⁷, закона «О рекламе»¹⁸, в меж-

⁵ Darke S. Anxiety and working memory capacity // *Cogn. Emot.* 1988. № 2. P. 145–154.; Cassady J.C. The influence of cognitive test anxiety across the learning–testing cycle // *Learn. Instr.* 2004, № 14. P. 569–592.; Einsel K., Turk C.L. Social anxiety and rumination: effect on anticipatory anxiety, memory bias, and beliefs // *Psi Chi J. Undergrad. Res.* 2011, № 16. P. 26–31.

⁶ Heine S.J., Kitayama S., Lehman D.R., Takata T., Ide E., Leung C. et al. Divergent consequences of success and failure in Japan and North America: an investigation of self-improving motivations and malleable selves // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2001, № 81. P. 599.

⁷ New Palgrave: A Dictionary of Economics / J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman (eds) 1988. P. 531–536.

⁸ Gane N. Competition: A Critical History of a Concept // *Theory, Culture & Society.* 2020, № 37 (2). P. 31–59.

⁹ Houston J.M., Queen J.S. Competition. In: *Encyclopedia of Personality and Individual Differences* / V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (eds). Springer, Cham. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3_1615 (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁰ Houston J.M., Queen J.S. Competition. In: *Encyclopedia of Personality and Individual Differences* / V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (eds). Springer, Cham. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3_1615 (дата обращения: 10.11.2024).

¹¹ Listra E. The Concept of Competition and the Objectives of Competitors // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2015. Vol. 213. P. 25–30.

¹² Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Бондарь Н.С. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.

¹³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс.

¹⁴ Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс.

¹⁵ Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СПС «КонсультантПлюс.

¹⁶ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс.

¹⁷ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс.

¹⁸ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс.

дународных договорах РФ¹⁹ и иных нормативных правовых актах²⁰, посвященных развитию цивилизованной и добросовестной конкуренции.

Урегулированная перечисленными актами совокупность общественных отношений и есть та система, именуемая конкуренцией, которая подлежит правовой охране. Профильный закон определяет конкуренцию как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Несмотря на то, что антимонопольное законодательство во многом посвящено правилам такого соперничества, а ученые видят суть конкуренции в тех действиях, которые предпринимают участники рынка²¹, или, наоборот, в установленных для них запретах²², конкуренция как конституционная ценность и объект правовой охраны все же представляет собой состояние рынка товаров, работ и услуг, позволяющее формально равным субъектам экономической деятельности иметь равные возможности для получения прибыли, а потребителям выбирать лучшее для себя из имеющегося предложения. Это состояние можно определять как публичное благо, обеспечивающее социально-экономическое благосостояние общества²³, как соблюдение принципов конкурентного права²⁴, главное – что это состояние стимулирует предпринимательскую активность, позволяет реализовать частные цели хозяйствующих субъектов, а также способствует более качественному удовлетворению потребительского спроса. В.Г. Истомина пишет, что правовое регулирование конкуренции не является самоцелью, конкуренция не существует ради конкуренции как таковой, а выступает средством достижения более важных целей – развития предпринимательской деятельности, производства и технологий, повышения благосостояния потребителей, достижения баланса частных и публичных интересов²⁵.

Правовое обеспечение конкуренции подразумевает возможность применения мер государственного воздействия, судебной защиты и судебного контроля, в том числе конституционного контроля. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 года № 11-П указано, что антимонопольные органы не вправе выдавать предписание о пере-

числении в федеральный бюджет дохода, полученного хозяйствующим субъектом вследствие нарушения антимонопольного законодательства, без установления его вины и без указания суммы, которую обязан перечислить в бюджет каждый из хозяйствующих субъектов, участвовавших в таком правонарушении в составе группы лиц (как это было ранее). Отмечено также, что любые меры юридической ответственности должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм (Постановления от 15 июля 1999 года № 11-П и от 27 мая 2003 года № 9-П). Юридическая ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ лишь при условии, что не только отдельные санкции, но и все ее общие положения ясно и непротиворечиво изложены в законе²⁶.

Социальное значение правовых средств обеспечения конкуренции иллюстрирует Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2001 года № 287-О. Заявители в жалобе указывали, что ст. 2, 4, 6 и 7 Закона РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (документ утратил силу) – в той мере, в какой они позволяют регистрировать в качестве товарного знака словесное обозначение, не являющееся объектом авторского права и используемое в коммерческом обороте неопределенное по продолжительности время, на имя только одного субъекта предпринимательской деятельности, – противоречат ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 19, ст. 34, ч. 1 ст. 44 Конституции РФ. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, Суд указал, что в отличие от объектов иных видов интеллектуальной собственности, рыночная стоимость которых во многом предопределена их самостоятельной ценностью как результатов интеллектуальной творческой деятельности (объекты авторского и патентного права), рыночная стоимость приравненного к ним по предоставляемой защите товарного знака как средства индивидуализации продукции зависит в первую

¹⁹ См., напр.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См., напр.: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе»; Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 № 18026) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Рубин Ю.Б. Что такое конкуренция? (Введение в теорию конкурентного поведения) // Современная конкуренция. 2014. № 1 (43). С. 101-126.

²² Болдинов Я.В. Недопущение злоупотребления правом как цель антимонопольного регулирования // Юрист. 2018. № 8. С. 28-33.

²³ Варламова А.Н. Развитие конкуренции как цель конкурентного права и пути ее достижения // Юрист. 2018. № 11. С. 11-18.

²⁴ Варламова А.Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14-17.

²⁵ Истомина В.Г. Конкуренция как явление общественной жизни, объект правового обеспечения и защиты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 97-110.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» // СПС «КонсультантПлюс».

очередь от признания этой продукции потребителем. Для защиты прав потребителя продукции, маркированной конкретным товарным знаком, законодатель, предусмотрев возможность использования товарного знака с разрешения его владельца по лицензионному договору, установил, что договор должен содержать условие о том, что качество товаров лицензиата будет не ниже качества товаров лицензиара и что лицензиар будет осуществлять контроль за соблюдением этого условия (ст. 26 Закона РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»). Следовательно, отмена исключительных прав на зарегистрированные товарные знаки, в том числе на товарные знаки, представляющие собой широко применявшиеся ранее в коммерческом обороте наименования, привела бы к свободному использованию – в смысле ст. 4 Закона – товарного знака любым хозяйствующим субъектом, без принятия им на себя соответствующих обязательств в отношении качества продукции. Это не только нарушило бы охраняемые в соответствии с ч. 1 ст. 44 Конституции РФ права владельца интеллектуальной собственности, но и повлекло бы за собой существенное ущемление прав потребителей такой продукции.

Статьи 2 и 4 Закона РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», закрепляя исключительное право владельца зарегистрированного товарного знака пользоваться и распоряжаться товарным знаком и запрещать его использование другими лицами, направленные на реализацию ст. 44 Конституции РФ, ограничивают права хозяйствующих субъектов, закрепленные в ст. 17, 19 и 34 Конституции РФ, в той мере, в какой согласно ст. 55 Конституции РФ это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц²⁷.

Правовая охрана конкуренции в общем порядке обеспечивается средствами уголовного и административно-деликтного законодательства.

КоАП РФ содержит целый перечень норм, предусматривающих административную ответственность за различные антиконкурентные правонарушения: нарушение законодательства о рекламе (ст. 14.3), нарушение порядка ценообразования (ст. 14.6), ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (ст. 14.9), незаконное использование средств индивидуализации товаров (ст. 14.10), злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (ст. 14.31), заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельнос-

ти (ст. 14.32), недобросовестная конкуренция (ст. 14.33), нарушение антимонопольных правил, установленных федеральным законом, при осуществлении торговой деятельности (ст. 14.40) и другие. Указанные нормы устанавливают наказуемость разнообразных нарушений антимонопольного законодательства, определяя вид и размер наказания, как это принято в части административных правонарушений в сфере экономики, в зависимости от должностного положения, степени вины, других обстоятельств правонарушения и того, кто привлекается к ответственности: физическое лицо или организация.

Если говорить об уголовном законодательстве, то к антиконкурентным преступлениям с очевидностью можно отнести лишь ст. 178 УК РФ, предусматривающую ответственность за ограничение конкуренции путем заключения картеля.

Преступление, предусмотренное ст. 180 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), также можно отнести к антиконкурентным. Лица, использующие чужие товарные знаки при реализации собственной продукции, явно нарушают конкуренцию, поскольку выдают собственный товар за чужой, желая извлечь прибыль за счет качества и репутации продукции других участников рынка, добросовестную конкуренцию с которыми они выдерживать не хотят, пренебрегая при этом также правами потребителей. Ализде Д.Э. пишет, что дополнительным непосредственным объектом незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) являются общественные отношения, которые возникают в связи с добросовестной конкуренцией между субъектами экономической деятельности, поскольку соответствующее деяние нарушает возникающие в конкурентной среде общественные отношения²⁸. Представляется все же, что отношения, обеспечивающие конкуренцию, включают в себя законный порядок использования средств индивидуализации товаров, поэтому они скорее выступают подвидовым (видовым²⁹) объектом указанного преступления.

В качестве дополнительного или факультативного объекта конкуренция может пострадать при совершении самых разных преступлений в сфере экономики и деяний, посягающих на интересы государственной и муниципальной службы.

А.П. Тенишев и А.В. Тесленко относят к посягательствам против конкуренции составы, предусмотренные ст. 159, 204 (когда имеют место сговоры на торгах между заказчиками и участниками, а также подкупы последних) и 290, 291 УК РФ (когда подкупают заказчиков)³⁰.

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2001 № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бекижевой Ольги Николаевны и Федорюка Сергея Юрьевича на нарушение их конституционных прав статьями 2, 4, 6 и 7 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Ализде Д.Э. оглы. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // *Мировой судья*. 2024. № 4. С. 8-13.

²⁹ Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование. М.: Проспект, 2022. С. 113-114.

³⁰ Тенишев А.П., Тесленко А.В. К вопросу об уголовно наказуемых посягательствах на конкуренцию // *Конкурентное право*. 2019. № 4. С. 22-26; 2020. № 1. С. 18-22.

С.Я. Боженко пишет, что уголовная ответственность за совершение преступлений, посягающих на свободу конкуренции, фактически может наступать по различным нормам уголовного закона, к которым, помимо вышеуказанных статей, относятся причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ)³¹.

По мнению С.В. Максимова и М.А. Недогоновой, уголовно-правовая охрана конкуренции в основном обеспечивается положениями закона косвенного характера, поэтому, кроме вышеперечисленных деяний, к антиконкурентным преступлениям они относят: нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185³ УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ), фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) и некоторые другие деяния³². К которым отдельные авторы относят и налоговые преступления (ст. 198 и 199 УК РФ)³³.

При совершении всех вышеназванных преступлений действительно нередко подрывается порядок и справедливость на товарном рынке. Однако это все же, как правило, сопутствующий вред, последующий преступный результат или имманентно связанные с нарушением конкуренции иные последствия (например, при воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности).

Должностные преступления, состоящие во взяточничестве либо использовании служебных полномочий, приведших к нарушению равноправия субъектов экономической деятельности, безусловно, посягают и на конкуренцию, но происходит это посредством причинения вреда другому объекту – интересам государственной или муниципальной службы, которая в том числе предполагает поддержку конкуренции и соблюдение принципов равноправия и социальной ориентированности со стороны всех долж-

ностных лиц. В этом аспекте конкуренция может выступать лишь факультативным объектом в конкретных ситуациях, поэтому должностные преступления относить к антиконкурентным нет оснований.

Имущественные преступления (хищения, деяния, предусмотренные ст. 165, 167 УК РФ) всегда посягают на право собственности, продуцируемый ими вред более осязаем и, как правило, экономически точно определяем. Антиконкурентные же преступления должны причинять вред либо ставить под угрозу причинения вреда отношения по поддержанию социально ориентированной конкурентной среды между хозяйствующими субъектами. Экономический вред в таком случае может быть лишь в виде упущенной выгоды (имея в виду в том числе несэкономленные средства), расчет которой точным быть не может из-за состава участников экономических отношений и избираемых ими линий поведения.

Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях имеют много общего с антиконкурентными правонарушениями, особенно злоупотребление полномочиями и действия участника картельного сговора. Однако эти деяния охватывают множество самых разных ситуаций по причинению вреда, поэтому конкуренция для них может выступать лишь факультативным объектом посягательства. Непостоянный и зависимый от конкретных обстоятельств признак (факультативный объект) не должен выступать критерием классификации преступлений. В определенных случаях служебные преступления могут образовывать совокупность с антиконкурентными посягательствами, в том числе по так называемому идеальному виду совокупности³⁴.

Налоговые деликты, преступления против правосудия и порядка управления имеют отличную от антиконкурентных действий сущность и направленность. Как и по другим упоминаемым выше составам, конкуренция в указанных преступлениях может выступать факультативным объектом.

Обозначенные преступления в сфере экономической деятельности больше всех напоминают антиконкурентные правонарушения.

А.Е. Шаститко и К.В. Дозмаров считают, что деяния, предусмотренные ст. 178 и 185³ УК РФ, могут быть отнесены к преступлениям, посягающим на условия справедливой конкуренции и равенство участников хозяйственных отношений³⁵. Преступление, предусмотренное ст. 185³ УК РФ, нарушает равенство хозяйствующих субъектов, подрывает доверие к их деятельности и влечет распространение злоупотреблений на организованных торгах. Тем не менее речь в данном случае все же идет об иных отношениях, где участвуют квалифицированные инвесторы по пово-

³¹ Боженко С.Я. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 24-29.

³² Максимов С.В., Недогонова М.А. Проблемы и перспективы криминализации нарушений антимонопольного законодательства в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 2. С. 41-47.

³³ Горобец Д.Г. Нарушение конкуренции как мотив налоговых преступлений // Конкурентное право. 2023. № 3. С. 18-21.

³⁴ Приговор Коминтерновского районного суда города Воронежа от 20.12.2023 по делу № 1-638/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141 - 150.

ду ограниченного перечня имущества. Несмотря на то, что потенциальный вред от манипулирования рынком для рядовых потребителей и экономики в целом может быть большим, социальная обусловленность этого уголовно-правового запрета совершенно иная, нежели чем у антиконкурентных преступлений.

Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) можно отнести к числу антиконкурентных преступлений, так как это деяние нарушает свободу экономической деятельности, обнуляет предпринимательскую мотивацию, тем самым ставя хозяйствующих субъектов и потребителей их продукции в неравное положение. Наиболее это иллюстрирует принуждение к отказу от совершения сделок. Так, ФИО1 признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ. По делу установлено, что ФИО1 в период времени ДД.ММ.ГГГГ, находясь на автомобильной стоянке, зная, что ФИО3 намеревается осуществить сделку по грузоперевозке строительных материалов за денежное вознаграждение, с целью принудить ФИО3 к отказу от совершения сделки высказал тому угрозы применения насилия, а далее применил насилие к ФИО3, нанеся ему множественные удары кулаками по голове и телу, чем причинил ФИО3 физическую боль. ФИО1 признал вину и показал, что ДД.ММ.ГГГГ умышленно нанес побои ФИО3, поскольку тот оскорбил его неприличным жестом, а также пояснил, что еще накануне вечером просил водителя ФИО3 соблюдать очередь в предоставлении услуг по перевозке товаров. Несмотря на это, ФИО3 вновь приехал к магазину и поставил свою машину первой³⁶.

Ранее (до федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ³⁷) ст. 178 УК РФ предусматривала ответственность в том числе за ограничение доступа на рынок, однако состав этого преступления предполагал наличие крупного ущерба или дохода в крупном размере при направленности деяния на недопущение, ограничение или устранение конкуренции. Что касается состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, то он наличествует при принуждении к совершению сделки или к отказу от ее совершения, если в результате такой сделки или отказа от нее принуждаемому не будет причинен очевидный имущественный вред ввиду полного или частичного безвозмездного характера таких отношений. Данное обстоятельство является критерием разграничения рассматри-

ваемого преступления от вымогательства³⁸.

Важно отметить, что некоторые составы хозяйственных преступлений характеризуются наличием дополнительного объекта, коим выступают отношения конкуренции. Деяния, предусмотренные статьями 200⁴-200⁶ УК РФ, всегда ставят добросовестную конкуренцию под угрозу причинения вреда. Однако криминализация таких правонарушений имела другие основания и цели. Данные преступления являются коррупционными, но совершаются не управленческим составом, а другими уполномоченными лицами, чьи решения по службе способны причинить сопоставимый с другими коррупционными проявлениями вред как государственной власти, так и экономике. Создание этих специальных составов вызвано масштабами злоупотреблений и сложностью принятия организационных решений при проведении государственных и муниципальных закупок.

По мнению исследователей, к антиконкурентным преступлениям относятся и другие преступления в сфере экономической деятельности. Е.Е. Петров к числу антиконкурентных преступных посягательств также относит незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ)³⁹. А.Ю. Захаров и А.Н. Караханов, помимо вышеназванных, к преступлениям против свободной и добросовестной конкуренции причисляют также преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ⁴⁰. С ними согласен И.В. Бацин⁴¹. С.В. Петров и Е.Е. Черных, называя рассматриваемую группу преступлениями, посягающими на сферу антимонопольных отношений, к их числу относят составы статей 169, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185³, 185⁵, 185⁶ УК РФ⁴².

Таким образом, исключая преступления, состоящие в нарушениях на специализированных рынках (ювелирный рынок, инвестиции), и составы, где конкуренция выступает лишь факультативным объектом, в перечень антиконкурентных преступлений можно включить ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищно-

³⁶ Приговор Климовского городского суда Московской области от 13 ноября 2012 г. по делу № 1-107/12. Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-50RS0018-1-107-2012-2012-10-26-2-0/> (дата обращения: 10.11.2024).

³⁷ Федеральный закон от 08.03.2015 № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс.

³⁸ Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2019 года (утв. президиумом Челябинского областного суда 18.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс.

³⁹ Петров Е.Е. Конкуренция и ее уголовно-правовая защита на современном этапе // Российский следователь. 2010. № 22. С. 13-16.

⁴⁰ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1184 с.

⁴¹ Бацин И.В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование. Н. Новгород, 2017. 216 с.

⁴² Петров С.В., Черных Е.Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия организованным формам преступных посягательств на конкурентные отношения в сфере экономики. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 28.

го коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ). При этом последние из указанного перечня образуют рассматриваемую группу, поскольку являются разновидностями антиконкурентного поведения в процессе осуществления экономической деятельности. Спортивные и зрелищные коммерческие соревнования не характеризуются спецификой по содержанию и участникам, как, например, рынок ценных бумаг. Такие соревнования проводятся по разнообразным поводам во всех отраслях экономики (от культуры и здравоохранения до жилищно-коммунального хозяйства), поэтому с учетом понимания конкуренции как состояния справедливого и равноправного обращения товаров, услуг и работ на соответствующем рынке преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ, отнесено к антиконкурентным.

Важно отметить, что крупнейшие специалисты в области экономического уголовного права изложенный перечень составов с некоторыми корректировками признают антиконкурентными преступлениями. Н.А. Лопашенко исключает из представленного списка лишь преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ, относя его к посягательствам на общественные отношения, основанные на принципе запрета за-

ведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности⁴³. И.А. Клепицкий, помимо ст. 179 УК РФ, не признает антиконкурентным преступлением деяние, предусмотренное ст. 184 УК РФ, причисляя оба этих преступления к числу «заблудившихся» в 22 главе УК РФ. Вместе с тем данный автор считает, что уголовно-правовую охрану конкуренции обеспечивают и положения, установленные статьями 146 и 147 УК РФ⁴⁴.

Представляется, что в учебно-методических целях (учитывая доступную информацию по правоприменению) все эти деяния можно рассматривать как антиконкурентные преступления, но методология научного исследования позволяет отнести к их числу лишь не вызывающие принципиальной дискуссии по поводу классификации составы: ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ).

Библиографический список

1. Ализаде Д.Э. оглы. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Azerbaydzhane // Мировой судья. – 2024. – № 4. – С. 8-13.
2. Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Бондарь Н.С. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.
3. Бацин И.В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование. – Н. Новгород, 2017. – 216 с.
4. Боженко С.Я. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 24-29.
5. Болдинов Я.В. Недопущение злоупотребления правом как цель антимонопольного регулирования // Юрист. – 2018. – № 8. – С. 28-33.
6. Варламова А.Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. – 2021. – № 4. – С. 14-17.
7. Варламова А.Н. Развитие конкуренции как цель конкурентного права и пути ее достижения // Юрист. – 2018. – № 11. – С. 11-18.
8. Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование. – М.: Проспект, 2022. – С. 113-114.
9. Горобец Д.Г. Нарушение конкуренции как мотив налоговых преступлений // Конкурентное право. – 2023. – № 3. – С. 18-21.
10. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М., 2019. – 288 с.
11. Истомина В.Г. Конкуренция как явление общественной жизни, объект правового обеспечения и защиты // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11. – С. 97-110.
12. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. – М.: Проспект, 2021. – 984 с.
13. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1997. – 427 с.
14. Максимов С.В., Недогонова М.А. Проблемы и перспективы криминализации нарушений антимонопольного законодательства в России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 2. – С. 41-47.
15. Петров Е.Е. Конкуренция и ее уголовно-правовая защита на современном этапе // Российский следователь. – 2010. – № 22. – С. 13-16.
16. Петров С.В., Черных Е.Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия организованным формам преступных посягательств на конкурентные отношения в сфере экономики. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. – С. 28.

⁴³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 427 с.

⁴⁴ Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. М.: Проспект, 2021. 984 с.

-
17. Пистолетов Д. Теория социальной конкуренции. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378522921_Teorija_socialnoj_konkurencii (дата обращения: 10.11.2024).
 18. Рубин Ю.Б. Что такое конкуренция? (Введение в теорию конкурентного поведения) // Современная конкуренция. – 2014. – № 1 (43). – С. 101-126.
 19. Тенишев А.П., Тесленко А.В. К вопросу об уголовно наказуемых посягательствах на конкуренцию // Конкурентное право. – 2019. – № 4. – С. 22-26; 2020. – № 1. – С. 18-22.
 20. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 1184 с.
 21. Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики // Закон. – 2020. – № 9. – С. 141-150.
 22. Cassady J.C. The influence of cognitive test anxiety across the learning–testing cycle // Learn. Instr. 2004, № 14. P. 569-592;
 23. Darke S. Anxiety and working memory capacity // Cogn. Emot. 1988. № 2. P. 145-154.;
 24. DiMenichi B.C., Tricoli E. The power of competition: Effects of social motivation on attention, sustained physical effort, and learning // Front Psychol. 2015. Sep. Vol. 1, № 6. P. 1282.
 25. Einsel K., Turk C.L. Social anxiety and rumination: effect on anticipatory anxiety, memory bias, and beliefs // Psi Chi J. Undergrad. Res. 2011, № 16. P. 26-31.
 26. Gane N. Competition: A Critical History of a Concept // Theory, Culture & Society. 2020, № 37 (2). P. 31-59.
 27. Heine S.J., Kitayama S., Lehman D.R., Takata T., Ide E., Leung C. et al. Divergent consequences of success and failure in Japan and North America: an investigation of self-improving motivations and malleable selves // J. Pers. Soc. Psychol. 2001, № 81. P. 599.
 28. Houston J.M., Queen J.S. Competition. In: Encyclopedia of Personality and Individual Differences / V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (eds). Springer, Cham. 2020 // https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3_1615 (дата обращения: 10.11.2024).
 29. Krugman P. Competitiveness: a Dangerous Obsession // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, № 2. P. 28-44.
 30. Listra E. The Concept of Competition and the Objectives of Competitors // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 213. P. 25-30.
 31. New Palgrave: A Dictionary of Economics / J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman (eds) 1988. P. 531-536.

Рецензент: Рубцова А.С., доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

ГРЕБЕНКИН ФЕДОР БОРИСОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 610000, г. Киров, ул. Ленина, 99, grebenkin-fb@yandex.ru

ССЫЛОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

GREBENKIN FEDOR BORISOVICH

PHD in Law, associate professor of the Department of criminal law and criminology Volga-Vyatka Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 610020, Russia, Kirov, Lenin Street, 99, grebenkin-fb@yandex.ru

REFERENTIAL ELEMENTS OF A CRIMINAL LAW NORM: CONCEPT AND CLASSIFICATION

Аннотация. В статье автором сделан анализ различных взглядов ученых по поводу понятия ссылочной диспозиции как элемента уголовно-правовой нормы. Также рассмотрены классификации ссылочных диспозиций, указанные в учебной и научной литературе. На основании изложенных мнений ученых по данному вопросу и исследования норм УК РФ автором предложена классификация ссылочных диспозиций и дано понятие ссылочной диспозиции. С учетом использования ссылочного приема конструирования санкций уголовно-правовых норм автором высказано предположение о возможном наличии в статьях Особенной части УК РФ ссылочных санкций, в связи с чем, предложена их классификация и дано понятие ссылочной санкции.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, понятие и классификация ссылочных диспозиций, понятие и классификация ссылочных санкций.

Review. In the article the author analyzes the various views of scientists on the concept of reference disposition as an element of a criminal law norm. The classifications of reference dispositions shown in the educational and scientific literature are also considered. Based on the opinions of scientists on this issue and the study of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the author proposes a classification of reference dispositions and gives the concept of reference disposition. Taking into account the use of the referential method of constructing sanctions of criminal law norms, the author suggests that there may be referential sanctions in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, due to this their classification is proposed and the concept of a referential sanction is given.

Keywords: a criminal law norm, concept and classification of reference disposition, concept and classification of referential sanctions.

Вопросам понятия и структуры уголовно-правовой нормы посвящено много работ ученых, в которых высказываются различные мнения. Известно, что под уголовно-правовой нормой следует понимать правило (модель) поведения, сформулированное законодателем, которое устанавливает для субъектов уголовного правоотношения определенные права или возлагает на них какие-либо обязанности. По поводу структуры уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) некоторые ученые являются сторонниками двухзвенного ее построения (диспозиция и санкция), другие – трехзвенного (гипотеза, диспозиция и санкция). В результате проведенного исследования было высказано предположение о возможности присутствия в некоторых уголовно-правовых нормах не ссылочных диспозиций, а специальных гипотез¹. Но сразу следует заметить, что вопрос этот является дискуссионным, и, безусловно, надо считать-

ся с мнением большей части авторов о наличии в уголовно-правовой норме ссылочных диспозиций и даже ссылочных санкций. Как показывает анализ учебной литературы и научных работ многих ученых, понятию и классификации ссылочных диспозиций уделяется недостаточное внимание.

Говоря о понятии ссылочных диспозиций, следует заметить, что некоторыми авторами высказывается мнение о применении ссылочного приема законодательной техники построения уголовно-правовой нормы. Так, Н.С. Таганцев, рассмотрев различные ситуации ссылок на другие статьи уголовного закона, сделал вывод о том, что «без такого ссылочного приема редакции не может обойтись ни один кодекс». Но с другой стороны, он также отметил, что такой прием имеет «значительные невыгоды, не только затрудняя практическое применение статей, но и давая иногда неверную обрисовку самих практических понятий»².

¹ См.: Гребенкин Ф.Б. Ссылочная диспозиция или специальная гипотеза? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 61.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. С. 138.

Также о ссылочном приеме пишет А.В. Денисова, указывая его преимущества: в целях экономии законодательного материала и более компактного изложения смысла нормативного предписания, когда в тексте уголовного законодательства используется ссылка на другую статью Уголовного кодекса³.

По вопросу о понятии ссылочных диспозиций мнения ученых несколько расходятся. Во-первых, их определяют как диспозиции, которые для установления признаков преступления предлагают обратиться к другой статье или части статьи Уголовного кодекса (М.Д. Шаргородский⁴, З.А. Незнамова⁵, А.И. Бойцов⁶). Примерно такой же смысл дефиниции ссылочной диспозиции придают другие ученые, дополнив предназначение применения ссылки - для устранения повторений, экономии закона (Ю.М. Ткачевский⁷, В.Д. Филимонов⁸, В.Ф. Цепелев⁹, В.А. Попов¹⁰, П.Н. Кобец¹¹).

Однако, следует обратить внимание на то, что не все авторы, определяя ссылочную диспозицию, применяют термин «статья». Например, А.Г. Бешуков полагает, что ссылка осуществляется не к статье, а к норме уголовного закона¹².

Во-вторых, в отличие от перечисленных взглядов авторов, существует мнение, что в ссылочной диспозиции отсутствуют признаки состава преступления. Например, упомянутый выше А.Г. Бешуков пишет: «Ссылочная диспозиция не дает определения признаков преступления»¹³. Достаточно абстрактно определяет ссылочную диспозицию Д.В. Голенко: «Ссылочная диспозиция не раскрывает признаки состава преступления, а направляет к другой статье уголовного закона»¹⁴. Однако, исходя из приведенного примера в виде ч. 2 ст. 105 УК РФ (Убийство при отягчающих обстоятельствах), автор полагает, что такая

формулировка не раскрывает признаки состава преступления - убийства.

Существует и противоположная точка зрения ученых по данному вопросу, которые считают, что в ссылочной диспозиции указаны признаки состава преступления, но для более полного его установления и уточнения осуществляется ссылка к другой статье УК РФ. Так, Г.А. Есаков пишет: «Ссылочная диспозиция определяет признаки объективной стороны конкретного состава преступления посредством указания в отрицательной форме на признаки объективной стороны иных составов преступлений, т.е. требуя их отсутствия (ст. 112, 116, 117, 179, 268 УК) (В ст. 268 УК элемент ссылочности присутствует применительно не к объективной стороне состава преступления, а применительно к субъекту преступления)»¹⁵.

А.И. Бойцов также считает, что такая диспозиция называет преступление, однако для установления его признаков отсылает к другой статье УК¹⁶.

И.Я. Козаченко высказывает аналогичное мнение, что уголовный закон с точностью указывает статью Уголовного кодекса, определяющую то деяние, которое он подвергает наказанию¹⁷.

Прежде чем дать понятие ссылочной диспозиции, было бы логично рассмотреть ее виды. И в первую очередь, конечно, следует начать с взглядов на данный вопрос Н.С. Таганцева. Он не называет диспозиции ссылочными, но, как было отмечено выше, выделяет ссылочный прием. В качестве первого вида таких диспозиций он приводит примеры статей 470 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, отсылающей к ст. 467, и ст. 201 этого же Уложения, предлагающей для установления признаков состава преступления, обратиться к статьям 198 или 200. Этой же точки зрения придерживаются советские и современные ученые, например, М.Д. Шаргородс-

³ Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 96.

⁴ Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Том 3. Уголовный закон. Ленинград: Юридическое Издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 88.

⁵ Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы – доктор юридических наук, профессор И.Я. Козаченко и доктор юридических наук, профессор З.А. Незнамова. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 31.

⁶ Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 236-237.

⁷ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 88.

⁸ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 94.

⁹ Уголовное право: Учебник: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. М.: Издательский Дом «Городец», 2010. С. 208.

¹⁰ Попов В.А. Виды диспозиций и интерпретационная деятельность в уголовном праве // Виктимология. 2020. № 3 (25). С. 42.

¹¹ Кобец П.Н. Структура российского уголовного законодательства // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 11-3. С. 99.

¹² Бешуков А.Г. Диспозиция уголовно-правовой нормы: понятие и виды // Сборник научных трудов и статей. Том Выпуск 2. Под редакцией Л.А. Вацюк, Москва-Белореченск, 2014. С. 23.

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2020. № 3 (63). С. 31.

¹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Изд. испр. и доп./Под ред. д-ра юр. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2006. С. 25.

¹⁶ Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 236-237.

¹⁷ Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 203-204.

кий¹⁸, З.А. Незнамова¹⁹, В.А. Попов²⁰, Ю.М. Ткачевский²¹ и др. Вторым видом таких диспозиций, по мнению Н.С. Таганцева, является ссылка на часть статьи, которая встречается в уголовном законе «все чаще» по сравнению с предыдущим видом, например: «предмета, ст. 547 поименованного» (п. 2 ст. 555); «лицо, статьей 557 указанное» (п. 3 ст. 557); «в плотском сношении, статьями 513 – 515 предусмотренном» (ст. 516) и т. д. О данном виде ссылочной диспозиции также пишет Ю.М. Ткачевский²².

Третий вид ссылки Н.С. Таганцев называет «подразумеваемой» без прямого указания на статьи; таково, например, употребляемое в некоторых статьях Уголовного уложения выражение «наказуемая угроза» в смысле деяния, предусмотренного ст. 502; «Насилие над личностью» в смысле деяния, указанного в ст. 467, и т. д.²³ К данному виду «подразумеваемой» ссылки можно отнести приведенный пример Ю.И. Ляпуновым: «Для признания состава государственной измены в форме шпионажа, предусмотренной ст. 275 УК РФ, необходимо установить наличие признаков, указанных в ст. 276, содержащей понятие шпионажа»²⁴.

А.И. Бойцов подразделяет ссылочные диспозиции, которые называет отсылочными, на положительные (позитивные) и отрицательные (негативные). К позитивным он относит отсылки, которые содержат указание на источник, где могут быть обнаружены недостающие признаки состава данного преступления. В этом смысле такими являются практически все диспозиции, которые содержат квалифицированные и особо квалифицированные составы. Это диспозиции, в которых осуществляется ссылка на деяние (деяния), предусмотренные ч. 1 данной статьи. Под отрицательными (негативными) автор понимает ссылки, которые указывают на признаки состава, которых не должно быть в диспозиции данной нормы (например, ст. 179 УК РФ предусматривает ответственность за принуждение к сделке или к отказу от ее совершения при отсутствии признаков вымогательства)²⁵.

Об отрицательных (негативных) диспозициях также пишет Г.А. Есаков. Его мнение по данному вопросу было сформулировано выше²⁶.

Чтобы предложить авторскую классификацию ссылочных диспозиций, необходимо предусмотреть единое основание. На наш взгляд, таким основанием следует считать то же самое, которое избрали для

этого предыдущие авторы, т.е. вид статей и норм, на которые осуществляется ссылка. Некоторые ссылочные диспозиции для более полного установления и уточнения признаков состава преступления прямо отправляют к какой-либо статье или статьям УК РФ. Однако, если считать структурным элементом уголовного закона – конкретную норму, количество видов ссылочных диспозиций увеличивается. Все нормы в Общей части УК РФ принято подразделять на пять видов: 1) нормы декларативного характера – нормы принципы (ст. ст. 3-7 УК РФ); 2) Нормы определительного характера – нормы дефиниции; 3) Нормы, исключающие преступность деяния (ст. ст. 37-42 УК РФ); 4) нормы допустимого компромисса, например, общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности; 5) нормы общеохранительного характера, регулирующие правила поведения правоприменителя; и в Особенной части УК РФ – нормы специальноохранительного характера. С учетом законодательной конструкции последнего вида норм, можно предложить следующую классификацию ссылочных диспозиций. Следует заметить, что целью законодателя, сформулировавшего любой вид таких элементов уголовно-правовой нормы, является уточнение признаков состава преступления во избежание повторений, а также экономия текста данной нормы.

1) Ссылочная диспозиция предлагает обратиться к другой статье Особенной части УК РФ. Такие диспозиции содержатся, например, в ст. 112 УК РФ (ответственность наступает за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, если отсутствуют последствия, указанные в ст. 111 УК РФ); ст. ст. 116 и 116.1 (ответственность наступает за побои, если отсутствуют последствия, предусмотренные ст. 115 УК РФ – умышленное причинение легкого вреда здоровью); в ст. 117 УК РФ (ответственность наступает за истязание, если не повлекло последствий, указанных в ст. ст. 111 и 112 УК РФ). Но в некоторых статьях говорится не об отсутствии последствий, а об отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного определенной статьей, например, ответственность наступает по ст. 171.4 УК РФ (Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции) за исключением случаев, предусмотренных ст. 151.1 УК РФ (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции); по 171.5 УК РФ (Незаконное осуществление

¹⁸ Шаргородский М.Д. Указ соч. С. 88.

¹⁹ Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы – доктор юридических наук, профессор И.Я. Козаченко и доктор юридических наук, профессор З.А. Незнамова. М.: Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1997. С. 31.

²⁰ Попов В.А. Указ соч. С. 42.

²¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 88.

²² Там же. С. 88.

²³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 138.

²⁴ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. С. 85.

²⁵ Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. С. 236-237.

²⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Изд. испр. и доп. / Под ред. д-ра юр. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2006. С. 25.

деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)), если не содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ (Незаконная банковская деятельность) и т.д.

2) Ссылочные диспозиции, предусматривающие квалифицированные или особо квалифицированные составы, предлагающие обратиться к другой части статьи, в которой описываются признаки состава преступления. Таких диспозиций много в УК РФ, и они, как правило, формулируются «то же деяние, совершенное» (ч. 2 ст. 112 УК РФ); «те же деяния, совершенные» (ч. 2 ст. 111 УК РФ); «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи» (ч. 3 ст. 111 УК РФ). Также в квалифицированных и особо квалифицированных составах может быть сформулирован вид преступления без разъяснения его признаков, которые содержатся в основном составе преступления, например, изнасилование, а далее формулируются в ч. ч. 2, 3 и 4 ст. 131 УК РФ квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, а понятие изнасилования разъясняется в ч. 1 указанной статьи.

3) Ссылочные диспозиции, предлагающие обратиться к другим составам преступлений без указания нумерации статьи, например, ответственность по ст. 127 УК РФ (Незаконное лишение свободы) наступает, если оно не связано с похищением человека (Ст. 126 УК РФ – Похищение человека); лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 179 УК РФ (Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения) при отсутствии признаков вымогательства (ст. 163 УК РФ – Вымогательство) и т.д.

4) Ссылочная диспозиция, предполагающая (как ее называл Н.С. Таганцев «подразумевающая») обратиться к другой норме УК РФ, описывающей признаки общественно опасного деяния (действия, бездействие), например, ст. ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка), 107 (Убийство, совершенное в состоянии аффекта), 108 (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). Для установления признаков убийства необходимо обратиться к ч. 1 ст. 105 УК РФ, в которой дается его понятие. Аналогичными являются диспозиции ст. ст. 113, 114 и 118 УК РФ. А также в ст. 275 УК РФ (Государственная измена) для установления признаков одного из деяний шпионажа необходимо обратиться к ст. 276 УК РФ (Шпионаж), в которой разъясняются его признаки.

5) Ссылочная диспозиция предлагает обратиться к нормам определительного характера (нормам-дефинициям), которые сформулированы в Общей части УК РФ или в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Например, для привлечения лица к уголовной ответственности за хищения, предусмотренные ст. ст. 158, 159, 160, 161 и 162 УК РФ, совершаемые различными способами, необходимо обратиться к понятию хищения, которое дано законода-

телем в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Также ссылочными являются квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, предусмотренные: п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ – с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, адресует к п. 3 примечаний ст. 158 УК РФ, в котором дается их понятие; п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ – с причинением значительного ущерба гражданину, предлагает обратиться к п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ, в котором дается понятие значительного ущерба гражданину; аналогично п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в которых указаны крупный и особо крупный размеры ущерба, отправляют правоприменителя к п. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ, в котором дается их разъяснение; п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ – с незаконным проникновением в жилище, понятие которого содержится в примечании к ст. 139 УК РФ. Можно привести и другой пример такого вида ссылочных диспозиций. Так, ч. 1 ст. 108 УК РФ, предусматривает ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а ч. 2 ст. 108 УК РФ – за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступлений. Понятие превышения условий правомерности дано законодателем в ч. ч. 2 ст. 37 и 38 УК РФ.

6) Ссылочными являются некоторые нормы, предусматривающие специальные виды освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Например, в п. 1 примечаний к ст. 127.1 УК РФ (Торговля людьми) для освобождения лица от уголовной ответственности в качестве одного из условий является совершение лицом деяния впервые, предусмотренного частью первой или п. «а» части второй настоящей статьи. Пункт 1 примечаний к ст. 134 УК РФ (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) предусматривает специальный вид освобождения от наказания, если лицо впервые совершило преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи.

Заканчивая вопрос о классификации ссылочных диспозиций, нельзя не отметить, что в Общей части УК РФ они также содержатся и, в первую очередь, в нормах-дефинициях или нормах общеохранительного характера. Например, согласно ст. 15 УК РФ (Категории преступлений), чтобы определить категорию преступления, необходимо обратиться к санкции статьи Особенной части УК РФ. В ч. 4 ст. 31 УК РФ (Добровольный отказ от преступления) говорится о добровольном отказе от совершения преступления соучастников, понятие которых содержится в ч. ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ. Часть 2 ст. 60 УК РФ (Общие начала назначения наказания) разъясняет ситуации, когда может быть назначено более строгое наказание, чем предусмотрено санкцией статьи, отсылая к ст. ст. 69 и 70 УК РФ или более мягкое наказание, если применяются положения ст. 64 УК РФ. В ст. 62 УК РФ (Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств) также содержатся ссылочные диспозиции: ч. 1 ст. 62 УК РФ в

качестве условий назначения наказания, не превышающего две трети более строго вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, называет наличие пунктов «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ; наличие п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств рассматривается одним условием обязательного смягчения наказания в ч. 2 ст. 62 УК РФ. В ст. 63.1 УК РФ также сделана ссылка на ч. ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ и ст. 64 УК РФ. И таких ссылочных диспозиций в Общей части УК РФ довольно много.

Таким образом, под *ссылочной диспозицией* следует понимать диспозицию уголовно-правовой нормы, которая предлагает правоприменителю обратиться к другой статье, части статьи или уголовно-правовой норме для установления и уточнения признаков состава преступления или смысла содержания уголовно-правовой нормы во избежание повторений, а также с целью экономии ее текста.

С учетом мнения А.В. Денисовой²⁷, в санкциях

статей Особенной части УК РФ можно выделить два вида санкций – простую и ссылочную. Для последней характерно, что у любого вида наказания, у которого предусмотрен законодателем только максимальный размер или срок, необходимо устанавливать суду их минимальные пределы. Для этого следует руководствоваться ими, исходя из статей Общей части УК РФ, в которых дается характеристика видов наказаний (ст. ст. 46, 47, 49, 50, 51, 53, 53.1, 54, 55, 56, 88 УК РФ). Также суд должен обратиться к этим статьям для решения вопроса о возможности назначения определенного вида наказания, а также к ч. 6 ст. 15 УК РФ, решая вопрос об изменении категории преступления.

Следовательно, под *ссылочной санкцией* понимается санкция уголовно-правовой нормы, которая для решения вопроса о возможности назначения конкретного вида наказания подсудимому и установления минимального срока (размера) наказания предлагает обратиться к нормам (статьям) Общей части УК РФ, предусматривающих характеристику наказаний (ст. ст. 46 – 56 УК РФ).

Библиографический список

1. Бешуков А.Г. Диспозиция уголовно-правовой нормы: понятие и виды // Сборник научных трудов и статей. Том Выпуск 2. Под редакцией Л.А. Вацюк. – Москва-Белореченск, 2014. – С. 22-26.
2. Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». --2020. – № 3 (63). – С. 29-34.
3. Гребенкин Ф.Б. Ссылочная диспозиция или специальная гипотеза? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2021. – 776 с.
4. Денисова Анна Васильевна. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 94-98.
5. Кобец П.Н. Структура российского уголовного законодательства // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 11-3. – С. 99-100.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 624 с.
7. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1133 с.
8. Попов В.А. Виды диспозиций и интерпретационная деятельность в уголовном праве // Виктимология. – 2020. – № 3 (25). – С. 41-47.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.: ил. – (Юридическое наследие).
10. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. – 592 с.
11. Уголовное право: Учебник: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. – М.: Издательский Дом «Городец», 2010. – 864 с.
12. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы – доктор юридических наук, профессор И.Я. Козаченко и доктор юридических наук, профессор З.А. Незнамова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 516 с.
13. Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Издательский Дом С-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 1064 с.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. – Изд. испр. и доп./Под ред. д-ра юр. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2006. – VI, 553 с. (Высшее образование).

²⁷ Денисова Анна Васильевна. Указ соч. С. 96.

15. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 281 с.

16. Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Том 3. Уголовный закон. – Ленинград: Юридическое Издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. – 311 с.

Рецензент: Ветошкина Е.Д., заместитель директора Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по научной работе, к.ю.н., доцент.

ГРИШИН АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
соискатель, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д.50, e-mail:
sovetnik710@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДВОКАТОМ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ УСТРАНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

GRISHIN ALEXEY YURIEVICH

Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the
Orenburg Institute (branch) Moscow State Law University named after O.E.Kutafin
(MGUA), applicant, 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, e-mail:
sovetnik710@gmail.com

THE LAWYER'S USE OF DIGITAL INFORMATION IN ORDER TO ELIMINATE GAPS IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация: в современном уголовном судопроизводстве все более возрастает значение сведений, представленных в форме электронных документов, сообщений, сведений. Использование защитником цифровой информации может играть ключевую роль в обосновании правовой позиции доверителя по уголовному делу. В этой связи важно определить критерии относимости, достоверности и допустимости таких сведений.

Ключевые слова: адвокат, защитник, участие в доказывании, пробелы предварительного расследования, допустимость доказательств

Review: in modern criminal proceedings, the importance of information presented in the form of electronic documents, messages, and information is increasingly increasing. The defender's use of digital information can play a key role in substantiating the legal position of the principal in a criminal case. In this regard, it is important to define criteria for the relevance, reliability and admissibility of such information.

Keywords: lawyer, defender, participation in the proof, gaps in the preliminary investigation, admissibility of evidence

Адвокат в уголовном деле осуществляет защиту прав и законных интересов обвиняемого, оказывает ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Сложно переоценить значение защитника (адвоката) и его полномочий в уголовном судопроизводстве, в особенности с учетом раскрытия принципа состязательности в статье 15 УПК РФ и правовой позиции по данному вопросу, выраженной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 04.11.2004 №430-О¹. Согласно разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации, судопроизводство на основе состязательности и равноправия сторон предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов.

Появление в отечественном уголовном судопроизводстве отдельной фигуры, выступающей на стороне защиты интересов обвиняемого, наделенного

определенными процессуальными полномочиями, обусловлено прогрессивной Судебной реформой и утверждением Судебных уставов 20 ноября 1864 года. Уже в конце XIX века присяжному поверенному (защитнику) предоставлялись отдельные права на участие в формировании доказательственной базы. К примеру, статьей 370 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., закреплялось правило в соответствии с которым, «если представится необходимость в получении бумаг, переданных присяжному поверенному с условием сохранить их в тайне, то следователь рассматривает их вместе с присяжным поверенным»².

Оживленная дискуссия о реальном участии защитника в доказывании в целях реализации своих процессуальных прав, продолжается и в наше время, на протяжении всего периода действия УПК РФ. Так, профессор М.О. Баев указывает на предоставление законом (ст.86 УПК РФ) защитнику права «на само-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 №430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04112004-n-430-o-po/> (дата обращения: 08.08.2024).

² Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 08.08.2024).

стоятельное соби́рание доказательств»³, при этом в цитируемой научной статье приводит ряд проблемных вопросов участия защитника в доказывании по уголовному делу.

На недостаточность полномочий защитника по участию в доказывании указывают в своей статье Орлова А.В. и Павлов И.М.⁴. Аналогичной позиции придерживаются Буфетова М.Ш. и Воложанин С.Н.⁵.

Классик теории доказательственного права, заслуженный юрист Российской Федерации С.А. Шейфер⁶ не рассматривал защитника как субъекта доказывания, указывая на отсутствие всех признаков доказательств у сведений, которые может представить по уголовному делу защитник, реализуя свои полномочия, предоставленные ч.3 ст.86 УПК РФ.

Действительно, несмотря на предоставление защитнику формального права «соби́рать доказательства», переданные адвокатом следователю, дознавателю или в суд предметы, документы, бланки опроса лиц с их согласия, справки характеристики и иные документы, автоматически доказательствами не становятся. Для их приобщения к уголовному делу необходимо заявление ходатайства в устной или письменной форме, принятие уполномоченным лицом соответствующего решения (об удовлетворении ходатайства либо об отказе в его удовлетворении).

Именно на это указывает норма п.2 ч.3 ст.6 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁷, согласно которой адвокат вправе собирать и представлять предметы и документы, которые *могут быть* (прим. – курсив автора) признаны вещественными и иными доказательствами.

В то же время, сложившаяся практика участия в доказывании адвоката и доктринальные взгляды на данный процесс не освобождают защитника от принятия всех предусмотренных законом мер, направленных на отстаивание прав и законных интересов доверителя, как того требует ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката⁸.

Более четкие требования к участию защитника в

процессе доказывания (установления) обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК РФ, разумеется, с учетом позиции доверителя, предъявляются в рекомендациях Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Так, например, согласно п.13 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве⁹, принятого в 2017 году, защитник принимает меры к соби́ранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, привлечения специалиста, а также совершает иные действия, необходимые для реализации правовой позиции по делу.

Достаточно подробно изложен порядок участия адвоката в доказывании в Методических рекомендациях по реализации прав адвоката, предусмотренных п.2 ч.1 ст.53, ч.3 ст.86 УПК РФ и п.3 ст.6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», утвержденные решением Совета ФПА РФ 22.04.2004 (протокол № 5)¹⁰. Данным документом предлагается конкретная последовательность действий по получению доказательственной информации, её фиксации и приобщению к материалам дела.

К вопросу об участии защитника в доказывании составители стандартов и рекомендаций Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, подходят весьма осторожно, с учетом практики применения соответствующих норм закона.

Проблема реализации адвокатом своих полномочий по участию в доказывании по уголовным делам рассматривалась и на уровне адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В частности, решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 27.12.2016 утверждены Методические рекомендации о порядке соби́рания защитником доказательств в уголовном судопроизводстве¹¹. Его авторами также констатируется, что закон не содержит требований к форме получения защитником сведений и порядку их фиксации.

³ Баев М.О. Тактико-криминалистические особенности участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiko-kriminalisticheskie-osobennosti-uchastiyaadvokata-zaschitnika-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴ Павлов И.М., Орлова А.В. Полномочия защитника по участию в процессе доказывания по уголовному делу // Образование и право. 2021. № 11. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-zaschitnika-po-uchastiyu-v-protsesse-dokazyvaniya-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 08.08.2024).

⁵ Буфетова М.Ш. Воложанин С.Н. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 47-50.

⁶ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2009. 240 с.

⁷ Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2024).

⁹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017). [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/?sphrase_id=209384 (дата обращения: 13.08.2024).

¹⁰ Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п.2 ч.1 ст.53, ч.3 ст.86 УПК РФ и п.3 ст.6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», утвержденные решением Совета ФПА РФ 22.04.2004 (протокол №5). [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/> (дата обращения: 13.08.2024).

¹¹ Методические рекомендации о порядке соби́рания защитником доказательств в уголовном судопроизводстве, утвержденные решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 27.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://advpalatanso.ru/documenty/metodich_rekomendatsii (дата обращения: 15.08.2024).

Анализ содержания перечисленных стандартов и рекомендаций позволяет прийти к выводу, что адвокат, хотя и не производит следственные действия, направленные на закрепление той или иной информации в качестве доказательств самостоятельно, однако не исключен из процесса доказывания, тем самым вправе и обязан принять все необходимые меры к обоснованию позиции доверителя. Действующее правовое регулирование процесса участия защитника в доказывании, при всех его дискуссионных моментах, оставляет адвокату достаточно широкое пространство для защиты прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными способами, проявления в творческого подхода к обоснованию своей позиции, разумеется, в рамках закона.

Рассматривая далее этот вопрос, анализируя как собственную адвокатскую практику, так и материалы уголовных дел, изучаемые в рамках диссертационного исследования, следует отметить все более явную тенденцию к цифровизации общественной жизни в целом и уголовного судопроизводства в частности.

Так, например, в УПК РФ в конце 2018 года введена статья 164.1, которой регламентированы особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Отличительной чертой порядка изъятия цифровой информации, предусмотренной законодателем в УПК РФ, является возможность как изъятия самого носителя информации (например мобильного телефона, на который произведено фотографирование какого-либо участка местности, с фотоизображениями, имеющими интерес для доказывания), так и возможность копирования такой информации на иной носитель.

Изменения в УПК РФ указывают на понимание законодателем важности цифровой информации как источника сведений об обстоятельствах подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Данные правовой статистики также свидетельствуют о необходимости вовлечения в сферу уголовного судопроизводства цифровых источников информации как важнейшего средства доказывания по отдельным категориям дел. По данным ГИАЦ МВД России, в 2023 году было зарегистрировано 676 951 преступление, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (при общем количестве зарегистрированных преступлений – 1 947 161), таким образом, каждое третье преступление совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий, что на 29,7% выше, чем за аналогичный период прошлого года¹². Одновременно, современная криминалистическая методика предполагает использование цифровых средств доказывания не только при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), но и при расследовании так называемых

общеуголовных преступлений.

Общеизвестный факт, что ежедневно нас окружают различные электронные системы, более того, ряд таких систем обладают настолько высокими вычислительными показателями, что могут обрабатывать информацию в режиме реального времени и сообщать результат пользователю. Нейросети, системы распознавания лиц, трекинговые системы спутниковой навигации, сведения о коммутации мобильных устройств с базовыми станциями, различные реестры пользователей, да и сами мобильные устройства (мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки) – все это неисчерпаемый источник доказательственной информации.

Перечисленные источники цифровых сведений все чаще становятся важным средством доказывания не только для стороны обвинения, но и стороны защиты при грамотном анализе обстоятельств инкриминируемого деяния. Использование адвокатом цифровой информации полностью укладывается в концепцию участия защитника в доказывании, закрепленную в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, например, использование записей автомобильных видеорегистраторов с целью объективной оценки степени вины участников дорожно-транспортного происшествия, повлекшего вред здоровью либо наступление смерти, невозможно без копирования и неоднократного просмотра цифрового видеозаписи с карты памяти регистратора. Далеко не всегда органам следствия удастся установить всех очевидцев ДТП и приобщить записи в установленном законом порядке. Принятие решения по такому делу без учета максимального количества источников информации неизбежно приведет к образованию пробелов расследования (его неполноты, необъективности), существенно ущемляющих права участников уголовного судопроизводства, в первую очередь обвиняемого.

Не менее значимы сведения, которые могут быть получены адвокатом путем анализа данных с мобильных устройств, имеющих доступ к сети «Интернет» либо к сети мобильной связи. Так, по одному из уголовных дел в рассмотрении которого принимал участие автор, защитник обвиняемого Т. принял меры к опровержению факта участия понятого в проведении следственного действия, путем запроса биллинга мобильного телефона и привязки сим-карты телефона к базовым станциям мобильного оператора во время проведения соответствующего следственного действия.

Еще более актуальна работа с цифровой информацией, данными с мобильных устройств, которые практически постоянно находятся у пользователя, в целях подтверждения (проверки) алиби подозреваемого (обвиняемого). Например, удостоверения факта нахождения вне места совершения инкриминируемых действий.

¹² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.08.2024).

При таких обстоятельствах работа адвоката с цифровыми источниками, приобретает особую важность, может способствовать восполнению пробелов расследования, учету доводов стороны защиты и требует последовательных действий по обнаружению, фиксации и передаче информации следователю либо в суд.

Однако, принимая во внимание особенности цифровой информации, которые учтены в ст.164.1 УПК РФ, следует отметить на некоторую неурегулированность порядка получения, фиксации и передачи цифровой информации адвокатом. В частности, необходимо ли адвокату для работы с источниками таких сведений в обязательном порядке привлекать специалиста в соответствующей сфере, по аналогии с требо-

ванием, закрепленным в ч.2 ст.164.1 УПК РФ? Либо при наличии соответствующих навыков, например, копирование и запись файлов на электронный носитель, адвокат вправе произвести самостоятельно?

Учитывая установленные законом требования к процессуальной форме закрепления доказательств, важно чтобы действия защитника при получении, обработке, передаче цифровой информации дознавателю, следователю и в суд, не влекли впоследствии признание таких доказательств недопустимыми.

Представляется, что нововведения в УПК РФ, касающиеся электронных носителей информации, требуют учета и в рекомендациях органов адвокатского сообщества, их усовершенствования с учетом судебной практики.

Библиографический список

1. Баев М.О. Тактико-криминалистические особенности участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2.
2. Буфетова М.Ш. Воложанин С.Н. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. – 2021. – № 6. – С. 47-50.
3. Павлов И.М., Орлова А.В. Полномочия защитника по участию в процессе доказывания по уголовному делу // Образование и право. – 2021. – № 11. – С. 250-253.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: НОРМА, 2009. – 240 с.

Рецензент: Жеребятъев И.В., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

ЖЕРЕБЯТЬЕВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья судебного участка № 1 Ленинского района г.Оренбурга (в отставке) (460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, igoriviv@mail.ru)

АХМЕРОВ РАТМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ

студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, ratmirahmerov@mail.ru

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ZHEREBYATYEV IGOR VLADIMIROVICH

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Justice of the Peace of the judicial precinct № 1 of the Leninsky district of Orenburg (retired) (460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, igoriviv@mail.ru)

AKHMEROV RATMIR VALERIEVICH

is a student of the 501 group of the Orenburg Institute (branch) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MGUA) (460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, ratmir-ahmerov@mail.ru)

IMPROVEMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Аннотация: Данная научная статья исследует потенциал усовершенствования уголовного судопроизводства в Российской Федерации путем внедрения искусственного интеллекта. В статье рассматривается роль искусственного интеллекта в оптимизации судопроизводства, включая автоматизацию процессов и анализ данных. В статье также обсуждаются этические и правовые аспекты внедрения искусственного интеллекта в судебную практику, а также предлагаются рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России. В итоге исследование показывает, что использование искусственного интеллекта может значительно повысить эффективность уголовного судопроизводства, сократить временные и ресурсные затраты и снизить вероятность ошибок.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс, компьютерные технологии, онлайн-платформы, чат-боты.

Компьютерная информация и компьютерные технологии, являющиеся объектом рассмотрения отдельных правоведов в конце 60-х годов 20-го века, лишь с середины 90-х годов подверглись детальному, «массированному» изучению со стороны коллективов ученых в ряде отраслей права (в частности, уго-

ловном праве и криминалистике). Основой для этого послужило развитие правовой базы по данному вопросу на уровне федеральных законов, обусловленное реализацией Концепции правовой информатизации России, утвержденной Указом Президента РФ № 966 от 28.06.1993 года, а также резко возросшим

количеством преступлений с использованием компьютерных технологий¹. На данном этапе и в последние годы был замечен значительный рост и развитие использования ЭВМ в уголовном судопроизводстве, таких как: документирование хода и результатов следственных действий; техническая фиксация хода и результатов следственных действий; техническое обеспечение производства следственных действий; документированием иных процессуальных действий; формирование и использование массивов процессуальных документов (электронных архивов). Далее, с 2010 г. по настоящее время компьютерные технологии еще больше стали использоваться в уголовном судопроизводстве, заменяя ручной труд, а также упрощая некоторые задачи. Но сейчас уже возникает вопрос о внедрении искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство.

Легальное определение термину «искусственный интеллект» (далее также – ИИ) дано в Указе Президента РФ от 10.10.2019 года № 490 (ред. от 15.02.2024 г. года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»²) в подпункте «а» пункта 5.

Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Из определения можно обозначить признаки ИИ:

1. способность к обучению и адаптации – ИИ способен обучаться на основе данных и адаптироваться к новым условиям и задачам;
2. возможность решения сложных задач;
3. автоматизация процессов – позволяет автоматизировать процессы и сократить время на выполнение задач;
4. точность и надежность – обеспечивает высокую точность и надежность результатов работы;
5. экономия ресурсов – это использование искусственного интеллекта позволяет экономить ресурсы, такие как время, энергия и др.

На современном этапе ИИ может оказывать помощь, а впоследствии, возможно, и заменить секретарей и помощников судьи в уголовном судопроизводстве. ИИ вполне может взять на себя как техни-

ческие функции (составление и направление повесток и документов участникам процесса, распознавание речи и подготовка соответствующих протоколов судебных заседаний и т.д.), так и «аналитические» (анализ законодательства, судебной практики, подбор аналогичных дел и решений судов, подготовка проектов судебных актов для судей и т.д.³).

Сейчас же искусственный интеллект предлагает ряд возможностей для улучшения уголовного судопроизводства в Российской Федерации, а именно:

1. автоматизация процессов: ИИ может быть использован для автоматизации многих рутинных задач, таких как сортировка и анализ документов (например, протоколов, постановлений, приговоров и др.), подготовка юридических документов и заполнение форм (может автоматически заполнять формы на основе данных, введенных пользователем);

2. анализ больших данных: системы ИИ могут анализировать большие объемы данных, например, из протоколов судебных заседаний, и выявлять нарушения в соответствии с УПК РФ, анализировать предыдущие решения с целью выявления тенденций, закономерностей и прогнозировать результаты рассмотрения уголовных дел;

3. предварительная обработка дел: ИИ может использоваться для предварительной обработки уголовных дел, автоматической их классификации по характеру и сложности, что помогает распределять ресурсы судов более эффективно; т.к. электронная база уголовных дел уже существует, этот процесс, на самом деле, прост в реализации;

4. помощь в принятии решений: системы ИИ могут предоставлять аналитическую поддержку судьям и юристам, предлагая определенные рекомендации, например, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обобщения судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации по тем делам и в той части, что необходима для решения определенных спорных уголовных и уголовно-процессуальных вопросов, для правильного применения соответствующих норм;

5. повышение доступности и прозрачности: ИИ может помочь сделать судебную систему более доступной для граждан, предоставляя информацию о процессах, сроках и результатах рассмотрения уголовных дел через онлайн-платформы и чат-ботов. Такие системы уже есть, например ГАС «Правосудие», но чат-боты пока не нашли отражения в общественной жизни;

6. выявление мошенничества и коррупции: системы ИИ могут быть использованы для выявления пробелов в данных, указывающих на возможные случаи мошенничества или коррупции, что помогает обеспе-

¹ Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 3-4.

² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант».

³ Еремеев Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 25.08.2024).

чить честность и справедливость уголовного судопроизводства, например, при анализе протокола судебного заседания и приговора суда, ИИ может обнаружить, что приговор суда мог быть сфальсифицированным, немотивированным или необоснованным.

Также нам видится, что ИИ облегчит предоставление фотографий для опознания предмета в соответствии со ст. 193 УПК РФ, если нет возможности предоставить предмет в группе однородных предметов, внешне сходных с ним. Это возможно путем генерации фотографий с помощью ИИ, задавая определенные параметры, черты и особенности необходимого предмета.

Также использование ИИ возможно в следующих случаях:

1. использовать ИИ для опознания, составления фоторобота. Здесь учитывается словесная формула на основе данных, которые уже имеются в базе (например, большие зубы, низкий лоб, широкие глаза);

2. так как ИИ может генерировать фотографии и картинки, то его можно использовать для опознания лиц, сделавших пластическую операцию. Здесь будут задаваться параметры применения алгоритмов, которые с большей точностью могут предсказывать результат пластической операции до и после в сравнении;

3. опознание лица, к которому был применен грим (мейкап). Здесь рассматривается процент схожести определенных черт лица с тем, что которое замаскировано;

4. допрос лиц с изменением голоса. В настоящее время уже существует практика применения технических средств, позволяющих изменять голос допрашиваемого лица. Вместе с тем мы считаем, что необходимо доработать имеющуюся процедуру, чтобы в судебном заседании голос автоматически изменял уже непосредственно ИИ.

Подводя итог нашему исследованию стоит отметить, что внедрение ИИ в уголовное судопроизводство Российской Федерации представляет собой перспективное направление его дальнейшего развития, способное существенно улучшить эффективность и доступность как судебных процессов, так и предварительного расследования преступлений. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что использование ИИ в уголовном судопроизводстве может значительно оптимизировать процессы сбора, анализа и использования доказательств, автоматизировать «рутинные» процедуры, а также обеспечить соблюдение процессуальных норм и прав граждан.

Вместе с тем успешная интеграция ИИ в уголовное судопроизводство требует комплексного подхода, включающего в себя не только технические аспекты разработки и внедрения систем, но и правовые, этические и образовательные мероприятия. Необходимо учитывать особенности судебной системы России, адаптировать технологии ИИ под её потребности и особенности, а также обеспечить обучение сотрудников судов и следственных органов для успешного использования новых технологий.

Библиографический список

1. Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 28 с.
2. Еремеев Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1.

Рецензент: Шмелева Е.С., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЖОЛОВАВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА

заведующий кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

НИКИТИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

обучающаяся Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

РОЛЬ А.Ф. КОНИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

ZHOLOBOVA GALINA ALEKSEEVNA

Doctor of legal sciences, head of the Department of history of state and law Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, post@oimsla.edu.ru

NIKITINA EKATERINA ALEKSEEVNA

Undergraduate student of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

THE ROLE OF A. F. KONI IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF JUDICIAL REFORM OF 1864

***Аннотация.** При изучении биографии А.Ф. Кони авторы обратили внимание на научные и практические работы юриста, раскрывающие его отношение как к Судебной реформе 1864 года в целом, так и к отдельным ее институтам. Правовое наследие Анатолия Федоровича Кони остается кладом идей практически полезных, продиктованных духом эпохи «великих реформ» и масштабностью самой личности юриста. Именно поэтому интерес к роли известного судебного деятеля в реализации принципов Судебной реформы 1864 года не угасает до сих пор.*

Через призму подробного правового анализа известного «Дела Веры Засулич» продемонстрирована реализация принципов уголовного процесса в суде с участием присяжных заседателей, заложенных Уставом Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Раскрыты процессуальный статус прокурора и адвоката, о также председательствующего окружного суда, выявлены особенности работы суда присяжных. Поднят вопрос о возможном влиянии в рамках процессуальной роли судьи самого А.Ф. Кони на исход «Дела Веры Засулич» и наличии юридических оснований для кассационного протеста.

Авторы пришли к выводу о том, что твердо стоя на соблюдении принципа законности, своим служением Анатолию Федоровичу Кони удалось продемонстрировать (даже в условиях абсолютной монархии) независимость суда, высокий уровень грамотного судейства и ответственное отношение к нравственным обязанностям истинного «охранителя правосудия».

***Ключевые слова:** Судебная реформа 1864 года; А.Ф. Кони; Российская Империя; принципы правосудия; уголовное судопроизводство; дело Веры Засулич; присяжные заседатели.*

***Abstract.** The authors of the article, studying the biography of A.F. Koni, drew attention to the scientific and practical works of the lawyer, revealing his attitude both to the Judicial Reform of 1864 as a whole and to its individual institutions and principles. The legal heritage of Anatoly Fedorovich Koni remains a fount of practically useful ideas dictated by the spirit of the era of «great reforms» and the scale of the lawyer's personality itself. That is why interest to the role of the famous judicial figure in the implementation of the principles of the Judicial Reform of 1864 has not faded to this day.*

Through the prism of a detailed legal analysis of the famous «Vera Zasulich Case», the implementation of the principles of criminal procedure in court with the participation of jurors, laid down by the Statute of Criminal Proceedings of November 20, 1864, is demonstrated by means of a comparative legal method. The article shows the procedural status of the prosecutor and the solicitor, as well as the presiding district court, and reveals the peculiarities of the work of the

jury. The question about the possible influence of A.F. Koni himself on the outcome of the «Vera Zasulich Case» within the framework of the procedural role of the judge and the existence of legal grounds for a cassation protest is raised.

The authors concluded that by firmly adhering to the principle of legality, Anatoly Fedorovich Koni managed to demonstrate (even in conditions of absolute monarchy) the independence of the court, a high level of competent judging and a responsible attitude to the moral duties of a true «guardian of justice». His experience and the judicial precedents he created testified that it became possible to speak the language of the law in the Russian Empire, a more effective justice system developed. That is why the memory of «Mr. Law» does not fade with time, it will live as long as there are worthy followers of A. F. Koni as the «servants of Themis» persons of modern Russia.

Keywords: *judicial reform of 1864; A. F. Koni; the Russian Empire; principles of justice; criminal proceedings; Vera Zasulich case; jurors.*

2024 год для истории отечественного государства и права стал поистине юбилейным. Это год 160-летия Великой Судебной реформы, а также земской реформы Александра II. В 2024 году исполнилось 180 лет со дня рождения выдающегося российского юриста XIX века Анатолия Федоровича Кони, который свою профессиональную жизнь посвятил реализации принципов судопроизводства, впервые провозглашенных в Российской империи в пятой главе Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) от 20 ноября 1864 года: публичность (гласность) (ст. 620), устность (ст. 625), состязательность (ст. 630), непрерывность (ст. 633), непосредственность...¹.

Важно понимать, что реализация законодательных положений Судебной реформы 1864 г. связана со следующими особенностями. В условиях острого дефицита образованных профессиональных юридических кадров – истинных слугителей правосудия, а также недостатка материальных и организационных ресурсов, при сохранении в Российской империи во 2-й половине XIX века абсолютной монархии, при существовании консервативной оппозиции реформам в центре и на местах, Судебная реформа 1864 г., которая была задумана ее авторами как блестящий государственный проект, призванный «водворить в России суд скорый, правый и милостивый, равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность...», повсеместно наталкивалась на серьезные трудности и проблемы ее реализации.

Потому роль юристов-профессионалов, в своей ежедневной служебной деятельности решающих задачи Судебной реформы 1864 г., имела для ее реализации непреходящее значение. Изучение специфики юридической деятельности «служителей Фемиды» в Российской империи 2-й половине XIX – начала XX века позволяет более объективно оценить особенности и практическое значение (эффективность) Судебной реформы 1864 г., дает не просто знание закона, но и понимание специфики его применения, а потому представляется актуальным и значимым.

Правовое наследие Анатолия Федоровича Кони остается кладом идей практически полезных, продиктованных духом эпохи «великих реформ» и масштабностью самой личности юриста. Судьба же самого А.Ф. Кони удивительным образом демонстрирует то, как талант, соединяясь с трудолюбием, фор-

мируют в человеке качества настоящего профессионала юриспруденции и мастера судебного красноречия, не раз преподнесившего участникам судебного процесса «уроки служения правде».

Цель настоящего исследования – проанализировать роль А.Ф. Кони в реализации основных принципов Судебной реформы 1864 г. Для достижения этой цели важно было выполнить следующие научные задачи. На основе изучения научно-теоретических и практических работ Анатолия Федоровича Кони, используя исторический, социологический и аксиологический методы исследования, раскрыть отношение (оценочные позиции) известного юриста к задачам и институциональным принципам Судебной реформы 1864 г., проследить путь его профессионального становления и карьерного роста во вновь созданных в ходе проведения реформы учреждениях. С помощью сравнительно-правового и формально-юридического методов проанализировать материалы «Дела Веры Засулич» с позиции соблюдения (или нарушения) председательствующим судьей А.Ф. Кони норм Устава Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.: продемонстрировать реализацию предусмотренных принципов судопроизводства в суде с участием присяжных заседателей, раскрыть особенности процессуального статуса прокурора и адвоката, а также председательствующего окружного суда, выявить специфику работы суда присяжных. Рассмотреть вопрос о возможном влиянии в рамках процессуальной роли судьи самого А.Ф. Кони на исход «Дела Веры Засулич», а также юридические основания для кассационного протеста. Показать значение и последствия решения по «Делу Веры Засулич» как для самого А.Ф. Кони, так и для хода судебной реформы в целом.

Анатолий Федорович закончил юридический факультет Императорского Московского университета в 1865 году с отличными оценками. Стоит обратить внимание на тот факт, что его диссертация «О праве необходимой обороны» стала поводом к уголовному «Делу Кони». Написанная в условиях абсолютной монархии, диссертация А.Ф. Кони содержала идеи применения необходимой обороны против лиц «облеченных властью». «Народ, правительство которого стремится нарушить его государственное устройство, имеет в силу правового основания необходимой обороны право революции, право восста-

¹ Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (ПСЗ – II). Т. XXXIX (1864). Ч. 2. № 41476. С. 215-306.

ния»², – утверждал юный выпускник, выступая за обеспечение равенства каждого перед законом, соблюдение принципа законности и справедливости. Однако судебное преследование талантливого и дерзкого выпускника было признано «неудобным» из-за того, что тираж составлял всего 50 экземпляров и не мог нанести существенного вреда империи³.

С введением новых государственных должностей в соответствии со статьей 218 «Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г.», А.Ф. Кони был избран помощником секретаря в Санкт-Петербургской Судебной палате, а в следующем году секретарем прокурора Московской судебной палаты Дмитрия Александровича Ровинского. В том же 1867 году был назначен товарищем прокурора Сумского, затем Харьковского окружного суда, в 1870 г. – прокурором Санкт-Петербургским и Самарским. А.Ф. Кони принимал непосредственное участие в проведении судебной реформы в Казанском округе, выступая прокурором Казанского окружного суда. В следующем году переведён на ту же должность в Санкт-Петербургский окружный суд. В 1875 году назначен вице-директором департамента Министерства юстиции, а спустя два года – председателем Санкт-Петербургского окружного суда; в 1881 г. – председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты.

В 1885 году в возрасте 41 года Анатолий Федорович стал самым молодым обер-прокурором уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, но в 1891 году талантливый юрист покинул пост обер-прокурора и получил назначение сенатора, что вызвало резонанс в светском обществе. В связи с этим один из его консервативных противников, критик газеты «Новое время», Виктор Петрович Буренин написал эпиграмму:

«В сенат коня Калигула привёл,
Стоит он убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу, у нас – такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате».

Мастер изящной словесности А.Ф. Кони метко ответил ему:

«Я не люблю таких ироний.
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что нынче Кони,
Где прежде были лишь ослы»⁴.

«Господин закон» являлся членом Совета управления учреждений Великой княжны Елены Павловны, одним из учредителей Санкт-Петербургского юридического общества при Санкт-Петербургском Императорском университете, став членом редакционного комитета уголовного отдела и совета. С 1876

по 1883 годы А.Ф. Кони состоял членом Высочайше учрежденной комиссии, участвуя в составлении «Общего устава российских железных дорог», преподавал теорию и практику уголовного судопроизводства в Императорском училище правоведения. В 1877 году Анатолий Федорович стал столичным почетным мировым судьей, а через год почетным судьей Санкт-Петербургского и Петергофского уездов. После крушения императорского поезда в 1888 году ему было доверено руководить следствием по данному делу в Харькове, а в 1894 году – расследованием о столкновении парохода «Владимир» и «Колумбия» в Одессе.

В 1890 г. Харьковским университетом Анатолий Федорович был возведен в звание доктора уголовного права, а спустя два года избран Московским Императорским университетом в почетные его члены; в 1894 г. назначен членом комиссии для пересмотра законоположений по женсудебной части⁵. 1 января 1907 года Анатолий Федорович был назначен членом Государственного Совета с оставлением в звании сенатора.

После Октябрьской революции Решением Совета народных комиссаров РСФСР 25 декабря 1917 года великий русский юрист был уволен с должности члена Государственного Совета в связи с упразднением этого органа. 10 января 1918 года Анатолий Федорович был избран профессором кафедры уголовного судопроизводства Петроградского университета. До конца своих дней (1927 г.) А.Ф. Кони выступал с лекциями в научных, общественных, творческих организациях и культурно-просветительных учреждениях⁶.

А.Ф. Кони – прокурор, судебный деятель, сенатор, ученый-правовед... человек, которого по праву можно назвать «стражем правосудия» Российской империи второй половины XIX века. Проникшись значимостью и глубоким смыслом судебной реформы 1864 г., Анатолий Федорович своим богатым профессиональным опытом сформировал некий идеал судьи и прокурора, который для современных юристов служит образцом защиты государственных правовых интересов и обеспечения равенства прав обеих сторон в процессе.

В юридической науке А.Ф. Кони признан основателем российской «судебной этики», который в статье «Нравственные начала в уголовном процессе» перед юристами ставил высокую задачу «развития истинного и широкого человеколюбия на суде»⁷, уделяя особое внимание профессиональной этике юриста: судьи, прокурора и адвоката. «Истина и справедливость – это великие начала, без которых не может

² Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. Приложения к Московским университетским известиям. Т. 1. М.: Катков и Ко, 1865. С. 95.

³ Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / Сост., вступ. ст. и комм. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Правда, 1989. С. 12–13.

⁴ Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. С. 179.

⁵ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефрона // Словари и энциклопедии на Академике. 1890–1907. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/54599/Кони (дата обращения: 18.02.2024).

⁶ Биография А.Ф. Кони // Фонд поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondkoni.ru/biografiya-koni/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905. С. 4.

жить человечество», «деятели судебного состязания не должны забывать, что суд, в известном отношении, есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству», – утверждал А.Ф. Кони⁸.

Его научная и литературная деятельность не осталась без внимания: в 1902 году Анатолий Федорович был номинирован на Нобелевскую премию по литературе за биографический очерк о тюремном докторе Ф.П. Гаазе, а сюжеты его судебных процессов отражены в произведениях великих русских классиков Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Можно уверенно заявить, что профессиональная жизнь Анатолия Федоровича сложилась весьма успешно и принесла огромные творческие плоды, которые доселе используются и изучаются с особым интересом.

Почти 50 лет своей непрерывной работы Анатолий Федорович посвятил реализации принципов Судебной реформы 1864 года, и был искренне убежден в том, что Судебные Уставы явились одним из лучших звеньев в последовательном ряду преобразований императора Александра II. Особую роль в отправлении правосудия А.Ф. Кони отводил суду присяжных, сравнивая его с полезным растением, которое необходимо оберегать и защищать, чтобы оно пустило глубокие корни в российскую почву⁹. «Суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания, должен не отойти в область преданий, а укрепиться в нашей жизни», – утверждал А.Ф. Кони, опираясь в своей судейской практике на вердикты, выносимые присяжными заседателями¹⁰.

Большое значение А.Ф. Кони придавал принципу состязательности уголовного судопроизводства, под которым подразумевал активное участие адвоката в процессе. Несмотря на то, что сам Анатолий Федорович никогда не был адвокатом, он с большим уважением относился к этой профессии и видел в ней образец общественного служения. Среди других он особенно отмечал ораторский талант двух адвокатов Московских судебных округов, заявивших о себе на яркой заре Судебной реформы, – Ф.Н. Плевако и А.И. Урусова. Сопоставляя их внешние и внутренние сходства и различия, русский юрист обращал внимание на то, что оба адвоката объективно оценивали преступление, всегда стремились к достижению

справедливости, не ища материальных выгод и славы¹¹. А.Ф. Кони видел существенными следующие качества присяжного поверенного: эрудированность и честность, умеренность и стойкость, независимость и бескорыстность¹². Эти неотъемлемые характеристики профессиональной принадлежности, по мнению юриста, должны составлять нравственную этику адвоката, основоположником которой он являлся.

Не менее важной чертой состязательности является полноправное участие прокурора в судебной процессе. Выполняя значительную часть своей профессиональной деятельности роль государственного обвинителя, Анатолий Федорович вспоминал, что за годы прокурорской практики не смотрел на людей свысока как на средство для достижения даже благих целей¹³. Служитель Фемиды рассматривал прокурорскую деятельность сродни миссии «говорящего публично судьи»¹⁴, для которого первостепенной задачей является не просто рассмотрение дела по существу, а грамотное его изложение перед лицом суда. Анатолий Федорович называл Устав уголовного судопроизводства 1864 года «возвышенными постановлениями»¹⁵. Статьи 739 и 740 главы 8 этого Устава гласили: «Прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления», «если прокурор находит оправдания подсудимого уважительными, то обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести»¹⁶.

Судебная реформа 1864 года, по мнению А.Ф. Кони, обусловила равное и справедливое рассмотрение дел всеми участниками процесса. Его деятельность в качестве судьи и прокурора наглядно показала, что установление истины должно быть непререкаемой составляющей правосудия, «согласно с достоинством судебной власти, которая призвана охранять право личности, оказывая ей действительную, осуществимую, а не фиктивную защиту»¹⁷. Вместе с тем, А.Ф. Кони с особым вниманием старался относиться к принципу презумпции невиновности, «...ибо – и в житейских, и в судебных делах – где есть сомнение, там уже нет места убеждению. Не даром же существует завещанное судебным опытом всех народов правило, по которому убеждение в виновности не признается сложившимся, доколе существует, хотя

⁸ Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905. С. 5, 28-31.

⁹ Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Юриспруденция. М.: Изд-во РГГУ. 2010. № 4(20). С. 48-49.

¹⁰ Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Юриспруденция. М.: Изд-во РГГУ. 2010. № 4(20). С. 52.

¹¹ Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 73.

¹² Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 20.

¹³ Памяти Анатолия Федоровича Кони: Труды Пушкинского дома АН СССР. М.; Л.: Книга, 1929. С. 109.

¹⁴ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А. Ф. Кони. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. С. 125.

¹⁵ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А. Ф. Кони. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. С. 62.

¹⁶ Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ – II. Т. XXXIX (1864). Ч. 2. № 41476. С. 267.

¹⁷ Заключение обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената А.Ф. Кони по делу о редакторе газеты «Новое время» М.П. Федорове, перенесенному из Отделения Департамента на уважение присутствия Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по вопросу о разъяснении 1535 ст. Уложения о наказаниях в применении оной к повременным изданиям печати. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. С. 4.

бы малейшее, сомнение, которое всегда толкуется в пользу подсудимого – и, следовательно, против всех данных, из которых могло бы вытечь убеждение в его виновности»¹⁸.

Проработав в соответствии со статьей 206 Учреждения судебных установлений больше трех лет прокурором окружного суда в разных губерниях Российской империи, 24 января 1878 года А.Ф. Кони вступает в почетную должность председательствующего судьи Петербургского окружного суда. В тот же день было совершено покушение Веры Засулич на жизнь градоначальника Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепова.

В 10 часов утра градоначальник в своих служебных покоях принимал просителей, среди которых оказалась и народница В.И. Засулич, назвавшаяся Козловой. Подав прошение, она вынула из плаща короткий револьвер и выстрелила в генерала. Когда Ф.Ф. Трепов упал, В.И. Засулич бросила орудие преступления на землю, после чего ее тут же задержала охрана градоначальника. Революционерка заявила, что отомстила за избитого товарища.

Напомним, что это дело было связано со следующими событиями. 13 июля 1877 года по приказу генерала Трепова народоволец А. С. Боголюбов был подвергнут порке – 25 ударам розог за то, что не снял шапки, когда второй раз столкнулся с градоначальником в доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге¹⁹. Телесные наказания для осужденных в Российской империи были отменены Указом от 17 апреля 1863 года, поэтому весть об избииении арестанта быстро распространилась по столице.

В тот же день после инцидента Ф.Ф. Трепов стал искать встречи с А.Ф. Кони, чтобы заручиться его советом и проконсультгироваться у опытного юриста, что можно сделать в сложившейся ситуации. Однако известно, что Анатолий Федорович на контакт с градоначальником не пошел. Но в разговоре с министром юстиции графом К.И. Паленом А.Ф. Кони высказал ему свое мнение: «...вы разрешили вещь совершенно противозаконную, которая будет иметь ужасные последствия; этот день не забудется арестантами дома предварительного заключения... это не только ничем не оправдываемое насилие, это – политическая ошибка...»²⁰.

«Дело Веры Засулич» стало, пожалуй, самым резонансным, а потому и самым знаменитым делом А.Ф. Кони на посту председательствующего судьи Санкт-Петербургского окружного суда.

Граф К.И. Пален и А.А. Лопухин, прокурор судебной палаты, были твердо убеждены в том, что присяжные непременно осудят «Козлову», и настаивали на проведении суда с участием присяжных. Поэтому когда прокурор Одесской палаты отослал А.А. Лопухину телеграмму, в которой сообщалось, что преступница не Козлова, а Засулич, прикреплялись материа-

лы о ее десятилетнем участии в тайных обществах, данные скрыли от суда и следствия, благодаря чему дело не было признано политическим. Это по сути и определило исход дела: самоуверенность и легкомыслие консерваторов привели к вынесению оправдательного приговора террористке, ведь по ст. 1032 УУС дела «о государственных преступлениях» надлежало рассматривать не в окружном суде, а в судебной палате, в округе которой было совершено преступление, без участия присяжных заседателей (а в присутствии трех сословных представителей).

Дело о покушении на убийство Федора Федоровича Трепова рассматривалось 31 марта 1878 года в первом отделении Санкт-Петербургского окружного суда. В число посетителей судебного процесса входили такие известные личности как канцлер князь А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин, писатель Ф.М. Достоевский. Заседание открылось в 11 часов утра под председательством А.Ф. Кони. В состав присяжных вошли 9 чиновников, дворянин, купец и свободный художник, старшиной присяжных стал надворный советник А.И. Лохов. Зал окружного суда оказался переполнен. В местах для публики находились должностные лица, представители высшей администрации...

При получении обвинительного акта В.И. Засулич реализовала свое право на защиту, согласно статье 90 УУС, поручив защиту своих прав присяжному поверенному П.А. Александрову. Государственным обвинителем отказались быть два известных прокурора, и по итогу им стал К.И. Кессель, неопытный в политических делах (в отличие от известного по «делу о 193-х» адвоката П.А. Александрова). Таким образом, на стороне защиты наметилось некоторое преимущество.

Накануне 31 марта 1878 года министр юстиции граф К.И. Пален встретился с А.Ф. Кони, чтобы заручиться гарантией вынесения обвинительного приговора Засулич, на что «Господин Закон» ответил собеседнику: «Мои обязанности и задачи так ясно определены в уставах, что теперь уже можно сказать, что я буду делать в заседании...»²¹. На просьбу о намеренном совершении ошибок для передачи дела в кассационный суд Анатолий Федорович не откликнулся, ответив, что председательствует всего третий раз в жизни, ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно не станет, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи.²²

Адвокат Петр Акимович Александров понимал, что исход дела зависит от решения присяжных. Защитник воспользовался своим правом по ст. 655 УУС: «Присяжные заседатели могут быть отводимы сторонами без объяснения причин отвода, который производится вычеркиванием на списке имен отводимых заседателей». Таким образом, присяжный пове-

¹⁸ Голос минувшего. № 7/9. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1918. С. 148, 149.

¹⁹ Там же. С. 2-3.

²⁰ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А. Ф. Кони. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1967. С. 51.

²¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А.Ф. Кони. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1967. С. 85-86.

²² Биография А.Ф. Кони // Фонд поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondkoni.ru/biografiya-koni/> (дата обращения: 18.02.2024).

ренный, изучив особенности их поведения, из 29 человек мог отвести лишь 6 по ст. 656 Устава, однако прокурор отказался от своего права на отвод. Так П.А. Александров смог отвести еще 6 человек вместо стороны обвинения, «без объяснения причин». В основном он исключил из присяжных купцов, так как считал их консервативно настроенными.

31 марта 1878 г. ровно в 11 часов утра открылось заседание Петербургского окружного суда. Согласно статье 671 УУС, председательствующий судья был обязан объяснить присяжным их права и обязанности, поэтому учитывая, что присяжные исполняли свой долг не впервые, А.Ф. Кони лишь напомнил о принятой присяге, обращая особое внимание на их нравственные обязанности²³.

По обвинительному акту преступление В.И. Засулич было квалифицировано по ст. 1454 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет, поэтому подсудность дела определялась по ст. 201 УУС, по которой дела, связанные с лишением прав состояния, относились к юрисдикции окружных судов с участием присяжных заседателей²⁴.

По словам присутствующих, речь обвинителя К.И. Кесселя была бесцветной. Товарищ прокурора просил суд не связывать покушение Засулич с произволом Ф.Ф. Трепова, считая этот поступок не относящимся к делу, однако А.Ф. Кони и присяжный поверенный не приняли во внимание его слова. Речь П.А. Александрова стала одной из его лучших судебных речей. Защитник сделал акцент на психологическом мотиве преступления, он указал на то, что В. Засулич хотела привлечь внимание к противозаконным действиям Ф.Ф. Трепова, совершенным 13 июля в доме предварительного заключения, ей был безразличен исход выстрела, подсудимой важно было отреагировать на беззаконие властей. То, как адвокат сумел передать мотив покушения, вызвало эмоциональный отклик и плач в зале суда. А.Ф. Кони был восхищен проделанной работой присяжного поверенного. Позднее речь в защиту Веры Засулич сделала П.А. Александрова всемирно знаменитым, она неоднократно переводилась на иностранные языки.

А.Ф. Кони в соответствии со ст. 614 УУС, обратил внимание на важные, по его мнению, обстоятельства дела и в своем напутствии присяжным подсказал смягчающий (но не оправдательный) приговор: «...по общему юридическому и нравственному правилу всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого; в применении к двум обвинениям в различных преступлениях это значит, что избирается обвинение в преступлении слабейшем»²⁵, – в этом, по мнению властей, и проявилось его влияние на исход дела. Председательствующий судья, как и сторона защи-

ты, обратил внимание на психологический аспект совершения преступления, связанный с биографией В. Засулич: «Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойной, более впечатлительной и более болезненной по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения»²⁶.

Противники А.Ф. Кони обвиняли его в нарушении ст. 802 УУС, по причине того, что в своем напутствии он приводил обстоятельства, не являвшиеся предметом судебного состязания, а именно избивение Боголюбова 13 июля, которое, по мнению стороны обвинения, не должно быть связано с покушением В. Засулич.

Сама В.И. Засулич отказалась от последнего слова, предусмотренного статьей 632 УУС, согласно которой правом на последнее слово обладали подсудимый и его защитник как по существу дела, так и по спорному предмету.

С согласия сторон, которое было необходимым для открытия голосования присяжных по ст. 762 УУС, А.Ф. Кони поставил перед присяжными три вопроса.

1. Виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, нанесла 24 января с обдуманно заранее намерением генерал-адъютанту Трепову рану в области таза пулею большого калибра?

Первый вопрос о виновности включает в себя сразу 3 важнейших части, из которых складывается вердикт: обвинительный или оправдательный. По ст. 754 УУС главный вопрос должен включать факт совершения преступления, деяние подсудимого и его вину в совершенном. Анатолий Федорович руководствовался ст. 751 УУС при составлении вопросов. Так, используя выводы, сделанные защитником Александровым и товарищем прокурора Кесселем, Анатолий Федорович добавил в вопрос указание мотива Засулич – «отмщение градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова». Указание на умысел с «обдуманно заранее намерением» еще больше ограничило выбор присяжных в пользу обвинительного приговора. Однако сам А.Ф. Кони до конца совещания присяжных был уверен в том, что по первому вопросу Засулич признают виновной.

Анатолий Федорович позднее вспоминал: «Обращаюсь мыслью к приговору, который обсуждался в эти минуты за закрытыми дверями комнаты присяжных, я боялся надеяться, но желал, чтобы разум присяжных возобладал над чувством и подсказал им решение, в котором признание вины Засулич соединилось бы со всеми смягчениями и относительно действия и относительно состава преступления, признание ее вины в нанесении тяжелой раны – «со снис-

²³ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А.Ф. Кони. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1967. С. 93.

²⁴ Там же. С. 96.

²⁵ Кони А.Ф. Резюме Председателя Суда по делу В. Засулич (Кони).1878. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_\(Кони\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_(Кони)) (дата обращения: 18.02.2024).

²⁶ Кони А.Ф. Резюме Председателя Суда по делу В. Засулич (Кони).1878. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_\(Кони\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_(Кони)) (дата обращения: 18.02.2024).

хождением», то такое признание не шло бы вразрез с фактами дела и с требованиями общественного порядка, давало бы суду возможность применить к виновной наказание сравнительно не тяжкое»²⁷.

Потому можно прийти к выводу, что А.Ф. Кони составил вопрос о вине, соблюдая закон, и не ставил цели склонить присяжных к оправдательному вердикту.

2. Второй вопрос, поставленный судом перед присяжными заседателями, звучал так: Если Засулич совершила это деяние, то имела ли она заранее обдуманное намерение лишить жизни градоначальника Трепова?

3. Третий вопрос: Если Засулич имела целью лишить жизни градоначальника Трепова, то сделала ли она все, что от нее зависело, для достижения этой цели, причем смерть не последовала от обстоятельств, от Засулич не зависевших?

Второй и третий вопросы были составлены А.Ф. Кони на основании ст. 752 УУС. Эти «частные вопросы» содержат обстоятельства, усиливающие вину подсудимой.

В напутственном слове присяжным заседателям Анатолий Федорович доходчиво объяснил, что есть убийство, а что есть покушение, и при описании самого преступного действия упомянул, что с того (достаточно близкого) расстояния, с которого стреляла Засулич, было сложно не убить человека. Это расстояние было выбрано произвольно. Если целью подсудимой являлось убийство градоначальника, то она бы целилась в голову и грудь, а не в область таза²⁸. Таким образом, А.Ф. Кони напомнил присяжным заседателям весомые аргументы в пользу того, что В. Засулич не собиралась убивать Ф.Ф. Трепова.

Согласно ст. 806 УУС, присяжные заседатели удалились в совещательную комнату для обсуждения и вынесения вердикта. Там они по очереди устно ответили на каждый из поставленных вопросов, а старшина записал их ответы. В конце выразил свое мнение и он сам, после чего старшина дал возможность остальным присяжным проверить правильность записанных им ответов. После возвращения в зал судебного заседания старшина вслух зачитал вопросы и ответы присяжных заседателей, после чего передал вопросные листы на подпись председательствующему судье.

Присяжные заседатели на все три вопроса ответили: «Нет»²⁹.

Так как Засулич была признана невиновной, ее освободили прямо в зале суда на основании ст. 819 УУС, согласно которой при оправдании подсудимого председатель суда объявляет его свободным от суда и содержания властей. А.Ф. Кони завершил: «Отправьтесь в дом предварительного заключения и возьмите ваши вещи: приказ о вашем освобождении будет прислан немедленно. Заседание закрыто!». Публика разразилась криками несдержанной радости,

рыданиями, аплодисментами... Адвоката на руках вынесли из зала суда...

И хотя вердикт присяжных не столько оправдывал сидящую на скамье подсудимых, сколько обвинял потерпевшего – градоначальника Трепова, который превысил свои полномочия в отношении Боголюбова, тем не менее, в российской политической среде это вызвало бурю эмоций, решение суда действительно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Революционно настроенные организации увидели, что власть не оказывает подобным мерам серьезного сопротивления.

И естественно, власть не могла оставить это без внимания. Сначала Министр юстиции К.И. Пален обвинил председателя суда А.Ф. Кони в нарушении правил судопроизводства и настойчиво убеждал его уйти в отставку. Однако «Господин Закон» отказался, ссылаясь на принцип несменяемости судей, установленный ст. 67 «Основных положений по преобразованию судебной части в России». После этого начался долгий период «опалы». Граф Пален был уволен «за небрежное ведение дела В. Засулич», а А.Ф. Кони остался на своем посту вплоть до совершенного народовольцами убийства Императора Александра II в 1881 году, после чего был переведен в гражданский департамент Судебной палаты.

Однако тогда на этом дело «Веры Засулич» не закончилось. 24 апреля 1878 года товарищ прокурора К.И. Кессель, руководствуясь ст. 1058 УУС, обратился с кассационным протестом в Уголовный кассационный департамент Правительствующего сената. Государственный обвинитель указал на допущенные А.Ф. Кони процессуальные нарушения: ст. 270 (неисполнение требований судебного следователя), ст. 368 (отказ от выдачи необходимых доказательств), ст. 371 (неполное описание вещественных доказательств в протоколе), ст. 575 (необоснованность вызова новых свидетелей), ст. 576 (нарушение порядка вызова свидетелей), ст. 611 (допущение в прениях того, что не имеет прямого отношения к делу), ст. 687 (непрочтение протоколов по просьбе сторон), ст. 718 (допрос свидетеля с применением обстоятельств посторонних), ст. 722 (отказ свидетелей от дачи показаний, клонящих к несообразности их с известными обстоятельствами), ст. 804 (отсутствие напоминания председательствующего присяжным об определении вины по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела), ст. 815 (отсутствие проверки данных старшиной отметок о мнении присяжных) и ст. 871 (невыдача копий протестов и жалоб по делу сторонам) Устава уголовного судопроизводства, а также ряд разъяснений уголовного кассационного департамента Сената.

Но сенаторы признали основанием для отмены приговора лишь одно из указанных нарушений: по

²⁷ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Электронная библиотека TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/koni_anatoliy_fedorovich_vospominaniya_o_dele_very_zasulich-read-7.html (дата обращения: 18.02.2024).

²⁸ Кони А.Ф. Резюме Председателя Суда по делу В. Засулич (Кони).1878. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_\(Кони\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Резюме_Председателя_Суда_по_делу_В._Засулич_(Кони)) (дата обращения: 18.02.2024).

²⁹ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А.Ф. Кони. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1967. С. 157.

ходатайству защиты были допрошены свидетели-очевидцы издевательства над Боголюбовым, не имеющего прямого отношения к делу с целью «запутать в интересах обвиняемого судебное следствие», что являлось нарушением ст. 611 УУС. Согласно п. 2 ст. 912 УУС, уголовный кассационный департамент Сената 20 мая 1878 г. отменил приговор Санкт-Петербургского окружного суда и решение присяжных заседателей. Однако В. Засулич к тому моменту скрылась за границей, поэтому поймать ее не удалось...

Спустя месяц после судебного процесса, 9 мая 1878 г. Император Александр II утвердил подготовленное по представлению Министра Юстиции мнение Государственного Совета «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям», согласно которому из ведения суда присяжных были временно изъяты дела против порядка управления: «об убийстве или покушении на убийство должностных лиц, нанесении им ран или увечий и других насильственных против них действий, а также об угрозах им, когда преступления эти совершены при исполнении должностными лицами служебных обязанностей...»³⁰. Соппротивление властям теперь рассматривалось Судебными палатами с участием сословных представителей, или Кассационным Департаментом Правительствующего Сената. Государственные же преступления подлежали ведению Судебными палатами, Особым присутствием Правительствующего Сената или Верховным Уголовным Судом, по принадлежности³¹.

Таким образом можно заключить, что «Дело Веры Засулич», при всей неоднозначности его оценок в научной и политической литературе, является свидетельством прогрессивных перемен, которые принесли России такие ценности как стремление к установлению независимости суда от администрации, справедливости и равенства всех перед законом и судом, состязательности, гласности (публичности) процесса, презумпции невиновности, права обвиняемого на защиту, обязанности коронного суда подчиниться вердикту присяжных заседателей.

Вместе с тем, власть не могла оставить без внимания ситуацию своего «бессилия» перед нарастающей террористической угрозой, и пошла по пути корректировки судебной реформы и законодательного ограничения юрисдикции суда присяжных.

Приведенные факты и рассуждения позволяют сделать вывод о том, что Анатолий Фёдорович Кони, в течение 30 лет занимавший должности товарища прокурора, прокурора, председателя окружного суда, председателя гражданского департамента С.-Петербургской судебной палаты, обер-прокурора и сенатора уголовного кассационного департамента Сената..., стал великим реформатором России 2-й половины

XIX – начала XX века. Его роль в реализации таких принципов судебной реформы как независимость суда и отделение суда от администрации, бессловность суда, равенство всех перед судом, состязательность, гласность, устность, непосредственность, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению судей, обязанность коронного суда подчиниться вердикту присяжных заседателей и др., состояла в плодотворной юридической работе, способствовавшей осуществлению правосудия: вынесении справедливых судебных решений, грамотном и последовательном рассмотрении дел, беспристрастной и объективной оценке деяний обвиняемых. Великий русский юрист в своей деятельности руководствовался пониманием, что: «Судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрываемому маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов»³².

Твердо стоя на соблюдении принципа законности, своим служением Анатолию Фёдоровичу удалось продемонстрировать ответственное отношение к нравственным обязанностям истинного «охранителя правосудия», который «на закате своей трудовой жизни, вспоминая отдельные ее эпизоды», имел возможность сказать себе, «что ни голос страсти, ни посторонние влияния, ни личные соображения, ни шум и гул общественного возбуждения – ничто не заглушало в нем сокровенного голоса совести, не изменяло его искреннего убеждения и не свело его с указанного Судебными Уставами пути действительного правосудия»³³.

Его опыт и созданные им судебные прецеденты свидетельствовали о том, что в Российской империи стало возможным говорить на языке закона, сложилась более эффективная система правосудия, что безусловно способствовало как укреплению внутреннего правопорядка, так и возвышению международного авторитета государства. Судебную систему России стали с воодушевлением обсуждать как внутри страны, так и далеко за ее пределами.

А.Ф. Кони в истории отечественного правосудия стал неким проводником в мир справедливый, лишенный подкупа и лицемерия, в котором каждый, чьи права были нарушены, мог надеяться на получение достойной защиты, не взирая на материальное положение, или принадлежность к тому или иному сословию. Именно поэтому память о «Господине Законе» не стирается со временем, она будет жить до тех пор, пока есть достойные последователи А.Ф. Кони в лице «служителей Фемиды» современной России...

³⁰ Высочайше утвержденное 9 мая 1878 г. мнение Государственного совета «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» // ПСЗ-И. Т. LIII (1878). № 58488. С. 335.

³¹ Высочайше утвержденное 9 мая 1878 г. мнение Государственного совета «О подсудности и порядке производства дел по государственных преступлениях» // ПСЗ-И. Т. LIII (1878). № 58489. С. 335 – 337.

³² Смолярчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони. – М.: Наука, 1981. С. 40.

³³ Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. – М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914. С. 43.

Библиографический список

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // Словари и энциклопедии на Академике. 1890–1907.
2. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / Сост., вступ. ст. и комм. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. – М.: Правда, 1989. – 673 с.
3. Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.
4. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – 640с.
5. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. Приложения к Московским университетским известиям. Т. 1. – М.: Катков и Ко, 1865. – 104 с.
6. Кони А. Ф. Отцы и дети Судебной реформы. – М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914. 296 с.
7. Кони А. Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Правовые воззрения А.Ф. Кони. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1967. – 122 с.
8. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Юриспруденция. – М.: Изд-во РГГУ. – 2010. – №4 (20). – С. 40–55.
9. Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. – 1096 с.
10. Памяти Анатолия Федоровича Кони: Труды Пушкинского дома АН СССР. – М.; Л.: Книга, 1929. – 144 с.
11. Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. – М.: Наука, 1981. – 214 с.
12. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Советский писатель, 1974. – 352 с.

Рецензент: Великий Д.П., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЗОРИН СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 610000, Россия, Кировская область, город Киров, ул. Московская, д. 30, slzorin@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДНК-ИССЛЕДОВАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ZORIN SERGEY LEONIDOVICH

candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology, Volga-Vyatka Institute (branch) of the University. O.E. Kutafina (MSAL), 610000, Russia, Kirov region, city of Kirov, st. Moskovskaya, 30, slzorin@mail.ru

CURRENT OPPORTUNITIES AND CHALLENGES IN THE USE OF DNA RESEARCH RESULTS IN THE INVESTIGATION OF OFFENCES

Аннотация. В данной статье рассматривается важная роль ДНК-исследований в современной криминалистике и их применение при расследовании преступлений. Автор проводит всесторонний анализ использования результатов ДНК-анализа в следственной практике, выявляя как преимущества, так и потенциальные недостатки этого метода. Особое внимание уделяется текущим проблемам и ограничениям в применении ДНК-технологий при раскрытии преступлений. На основе проведенного исследования определяются перспективные направления дальнейшего развития и совершенствования методов ДНК-анализа в криминалистике.

Ключевые слова: ДНК-анализ, материальные следы, биологические следы, генетическая информация, геномная регистрация, идентификация личности, расследование преступлений, криминалистика

Review. This article examines the important role of DNA research in modern forensic science and its application in crime investigation. The author conducts a comprehensive analysis of the use of DNA analysis results in investigative practice, identifying both the advantages and potential disadvantages of this method. Particular attention is paid to current problems and limitations in the use of DNA technologies in solving crimes. Based on the conducted research, promising areas for further development and improvement of DNA analysis methods in forensic science are determined.

Keywords: DNA analysis, material traces, biological traces, genetic information, genomic registration, identification of a person, crime investigation, forensic science

Расследование преступлений представляет собой комплексный процесс, сочетающий интеллектуальную и практическую деятельность, направленную на выявление обстоятельств противоправного деяния путем обнаружения и анализа его следов. Этот процесс требует от следователей и криминалистов глубоких знаний в различных областях науки, включая биологию, химию, физику, а также навыков логического мышления и аналитического подхода к решению задач.

В криминалистике понятие «след» имеет двойное толкование, что отражает многогранность этой науки. В широком смысле след – это любое изменение, связанное с преступным событием. Это может быть что угодно: от следов пальцев рук до изменений в электронных системах или даже в поведении людей. В узком смысле под следом понимают изменения, отражающие внешнюю структуру объектов. Такое разделение позволяет криминалистам более точно классифицировать и анализировать доказательства.

Следы подразделяются на материальные (физические отображения) и идеальные (отражённые в сознании людей). Материальные следы – это те, которые можно увидеть, измерить, зафиксировать с помощью технических средств. Они включают в себя следы пальцев, следы обуви, повреждения на предметах и т.д. Идеальные следы – это информация, сохранившаяся в памяти людей. Это могут быть воспоминания свидетелей, потерпевших или даже самих преступников. Работа с идеальными следами требует особых навыков и знаний в области психологии и тактики проведения допросов.

На практике следователи чаще сталкиваются с материальными следами, такими как волосы, кровь, сперма, слюна или костные фрагменты. Эти объекты особенно ценны для расследования, так как содержат ДНК-информацию, что позволяет идентифицировать причастных лиц посредством генетической экспертизы. Важность этих следов трудно переоценить, особенно в случаях, когда другие доказательства отсутствуют или недостаточны.

Некодирующие участки ДНК формируют уникальный ДНК-профиль человека, представленный в виде цифробуквенного кода согласно международной номенклатуре. Этот профиль настолько индивидуален, что вероятность совпадения ДНК-профилей двух не связанных родством людей практически равна нулю. Это делает ДНК-анализ одним из самых надежных методов идентификации личности в криминалистике.

ДНК – это химическое соединение, характеризующееся постоянством на протяжении всей жизни индивида¹. Это уникальное свойство имеет огромное значение для криминалистики. Оно позволяет проводить экспертизы даже спустя длительное время после совершения преступления, что особенно важно при расследовании «холодных дел» – преступлений, которые оставались нераскрытыми в течение многих лет. Более того, возможна идентификация личности даже по сильно поврежденным образцам ДНК, таким как обгоревшие костные останки или следы пота. Это открывает новые возможности для расследования преступлений в сложных условиях, например, после пожаров или взрывов.

Метод ДНК-дактилоскопии, открытый случайно в 1984 году британским генетиком Алеком Джеффрисом в ходе исследования наследственных заболеваний, быстро доказал свою высокую эффективность в раскрытии преступлений и идентификации погибших. Это открытие произвело настоящую революцию в криминалистике. Впервые метод был применен для раскрытия преступления в 1987 году в Великобритании, когда с его помощью удалось идентифицировать убийцу двух девушек. В СССР первое применение этого метода в криминалистике датируется 1988 годом².

С тех пор технология ДНК-анализа постоянно совершенствовалась, становясь все более точной и чувствительной. Современные методы позволяют получить полный ДНК-профиль даже из очень малого количества биологического материала, что было невозможно еще несколько десятилетий назад. Это значительно расширило возможности криминалистов и повысило раскрываемость преступлений.

В связи с ростом числа тяжких преступлений против личности, всё чаще с мест происшествий изымаются биологические следы. Результаты их молекулярно-генетического анализа являются весомым доказательством причастности конкретного лица к преступлению. ДНК-анализ стал неотъемлемой частью биологических экспертиз в криминалистических центрах по всему миру. Его значимость настолько велика, что многие страны создали специализированные лаборатории, занимающиеся исключительно ДНК-анализом в криминалистических целях. Ежегодно в эксплуатацию новые ДНК-лаборато-

рии в правоохранительных органах в субъектах Российской Федерации.

Создание национальных баз данных ДНК значительно расширило возможности правоохранительных органов. Такие базы позволяют быстро сопоставлять генетические профили, полученные с мест преступлений, с профилями известных преступников. Это особенно эффективно при расследовании серийных преступлений, когда один и тот же преступник оставляет свои биологические следы на разных местах преступлений. Базы данных ДНК также помогают в идентификации неопознанных тел и в поиске пропавших без вести людей.

В России нормативной основой формирования базы ДНК-данных является Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 3 декабря 2008 года³. Согласно этому закону, геномная регистрация подразделяется на добровольную и обязательную. Обязательной геномной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Учет геномной информации осуществляет МВД РФ, которое формирует и поддерживает государственную базу данных.

Хотя метод анализа ДНК имеет явные преимущества, он не лишен рисков и проблем. Технические, биологические и человеческие факторы могут повлиять на достоверность результатов. Например, ДНК невиновного человека может случайно смешаться с ДНК преступника на месте преступления. Это может произойти, если на месте преступления находится много людей или если преступники намеренно оставляют биологический материал других людей, чтобы ввести расследование в заблуждение. Также при проведении сравнительных исследований требуется учитывать особенности строения ДНК. Например, такое явление как мозаицизм. Мозаицизм в генетике – это наличие в тканях (растения, животного, человека) генетически различающихся клеток. С хромосомным мозаицизмом связаны некоторые хромосомные болезни человека, например, синдром Дауна, синдром Клайнфельтера, синдром Шерешевского-Тёрнера, синдром Эдвардса. Кроме того, в некоторых случаях у человека после трансплантации костного мозга обнаруживают два набора ДНК, что создает неопределенность в процессе идентификации. Все сказанное подчеркивает, что нельзя полагаться исключительно на результаты анализа ДНК, а необходим комплексный подход к оценке собранных по делу доказательств.

Человеческий фактор также играет важную роль при проведении анализа ДНК и интерпретации его результатов. Небрежное обращение с генетическим

¹ Рывкин С.Ю. Криминалистическое значение генотипоскопической идентификации (ДНК) человека. С.Ю. Рывкин, М.П. Борисанова // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 4. № 7. С. 96.

² Клещенко Е. ДНК и ее человек. Краткая история ДНК-идентификации: учебное пособие. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 115.

³ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

материалом может привести к ложным обвинениям. В некоторых случаях ДНК передается от одного пациента к другому медицинским персоналом или попадает на место преступления через зараженные «стерильные» инструменты для сбора проб. Эти случаи подчеркивают важность строгого соблюдения протоколов сбора и обработки биологических образцов, а также необходимость постоянного обучения и повышения квалификации сотрудников, занимающихся сбором и анализом ДНК. Другие проблемы, связанные с использованием анализа ДНК в криминалистике, включают:

1. Возможность загрязнения пробы. Даже небольшое загрязнение может привести к ошибочным результатам или сделать образец непригодным для анализа. Это требует строгого соблюдения протоколов сбора и хранения доказательств, а также использования специального оборудования и средств для обработки образцов ДНК.

2. Сложность интерпретации результатов анализа ДНК. Хотя сам анализ очень точен, интерпретация его результатов может быть не всегда ясной – категорической. Так за период 12 месяцев 2023 года и 11 месяцев 2024 года в Экспертно-криминалистическом центре УМВД России по Кировской области всего проведено 674 судебно-генетические экспертизы, 569 из которых способствовали раскрытию преступлений, что составляет 84,4% от общего количества назначенных экспертиз данного вида. По 15,6% проведенных экспертиз выводы носили вероятный характер, в числе основных причин это смешанность представленных проб или частичность выявленных профилей.

3. Этические и юридические вопросы, связанные с хранением генетической информации. Создание и использование баз данных ДНК поднимает серьезные вопросы о конфиденциальности и потенциальном неправомерном использовании генетической информации. Геномная информация относится к биометрическим персональным данным.

В России в марте 2019 года на уровне указа Президента были сформулированы базовые положения по обеспечению безопасности в сфере генома человека в контексте общих мер обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. В апреле 2019 года постановлением Правительства Российской Федерации утверждена Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019-2027 годы, в которой биобезопасность и обеспечение технологической независимости выделены в отдельное направление реализации с определением важнейших задач указанного направления.

Законодательство в этой области должно строго соблюдаться и своевременно совершенствоваться, чтобы обеспечить баланс между эффективным обеспечением правопорядка и защитой прав граждан.

4. Исследование ДНК стоит дорого. Несмотря на

развитие технологий, анализ ДНК остается дорогостоящим процессом. Это ограничивает его использование при расследовании более серьезных преступлений и не позволяет использовать по менее серьезным, что представляет собой проблему для правоохранительных органов с ограниченными бюджетами.

5. Квалифицированные специалисты ограничены. Проведение анализа ДНК и интерпретация его результатов требует специальных знаний и навыков. Нехватка квалифицированного персонала может привести к задержкам в расследованиях и даже к судебным ошибкам. Данная проблема является частью общей проблемы некомплекта в МВД РФ. Так, согласно докладу Министра МВД РФ В.А. Колокольцева, на 1 ноября 2024 года некомплект личного состава органов внутренних дел составил 173,8 тысяч единиц или 18,8% от штатной численности. Нехватка сотрудников наблюдается и в экспертно-криминалистических подразделениях. Так в отделе биологических исследований ЭКЦ УМВД России по Кировской области, где непосредственно проводятся судебно-генетические экспертизы, некомплект составляет 12,5%.

В связи с активным развитием данного вида судебных экспертиз требуется целевая подготовка экспертов-генетиков в профильных учебных заведениях, а также формирование резерва кадров.

6. Возможность умышленной фальсификации результатов. Хотя такие случаи редки, они могут иметь серьезные судебные последствия. Это подчеркивает необходимость строгого контроля качества и независимой проверки результатов тестов ДНК.

Нельзя полагаться исключительно на генетические доказательства, игнорируя другие доказательства и обстоятельства дела. Это сделает генетическое тестирование еще более доступным и эффективным инструментом борьбы с преступностью. Чтобы максимально эффективно использовать результаты ДНК-исследований при расследовании преступлений, необходимо постоянно совершенствовать методы, обучать специалистов и разрабатывать четкие правовые нормы.

Будущее ДНК-криминалистики выглядит многообещающим. По мере развития технологий мы можем ожидать большей точности анализа, сокращения времени анализа и снижения затрат. Одним из перспективных направлений является разработка портативных устройств для проведения анализа ДНК непосредственно на месте преступления.

В заключение стоит отметить, что анализ ДНК, несмотря на свою эффективность и перспективность, не является панацеей в расследовании преступлений. Он должен использоваться в сочетании с другими криминалистическими методами и всегда рассматриваться с учетом всех обстоятельств дела. Только такой подход может обеспечить справедливое и объективное расследование преступлений и способствовать укреплению правопорядка в обществе.

Библиографический список

1. Абдулина Е.В., Зорин С.Л. Ермакова Т.Н. Использование возможностей судебно-генетической экспертизы в криминалистике: учеб. пособие. – Киров: МГЮА, ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2024. – 100 с.
2. Клещенко Е. ДНК и ее человек. Краткая история ДНК-идентификации: учебное пособие. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 320 с.
3. Рывкин С.Ю. Криминалистическое значение генотипоскопической идентификации (ДНК) человека. С.Ю. Рывкин, М.П. Борисанова // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 4. – № 7. – С. 96-101.

Рецензент: Ветошкина Е.Д., заместитель директора Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по научной работе, к.ю.н., доцент.

ПЕСТЕРЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», 125315, город Москва, Ленинградский проспект, д. 80, pestereva13@yandex.ru

ШАГЛАНОВА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», 125315, город Москва, Ленинградский проспект, д. 80, shaglanova.a@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 131 И 132
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ, И ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ КОНСТРУКЦИИ**

SHAGLANOVA ALEXANDRA NIKOLAEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of State Legal Disciplines and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», 125315, Russia, Moscow, Leningradsky prospekt, 80, shaglanova.a@yandex.ru

PESTEREVA YULIA SERGEEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of State Legal Disciplines and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», 125315, Russia, Moscow, Leningradsky prospekt, 80, pestereva13@yandex.ru

**PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFICATION OF THE CORPUS
DELICTI PROVIDED FOR BY ARTICLES 131 AND 132
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND
ISSUES OF IMPROVING THEIR CONSTRUCTION**

Аннотация. В своей научной статье авторы исследуют проблемные аспекты квалификации насильственных половых преступлений, анализируют положения действующего законодательства, касающиеся вопросов применения ст. ст. 131 и 132 УК РФ, формулируют предложения об усовершенствовании их конструкции.

Ключевые слова: *половые преступления, изнасилование, иные действия сексуального характера, развратные действия, несовершеннолетний потерпевший*

Review. In their scientific article, the authors study the problematic aspects of the qualification of violent sexual crimes, analyze the provisions of the current legislation regarding the application of Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, and formulate proposals for improving their design.

Keywords: *sexual crimes, rape, other acts of a sexual nature, depraved acts, minor victim*

Глава восемнадцатая Уголовного кодекса РФ, которая устанавливает ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, содержит всего пять статей. Однако наличие множества оценочных признаков, юридические дефекты отдельных статей (например, ст. 134 УК РФ), и содержательная неопределенность важных конструктивных признаков зачастую приво-

дит к ошибкам при квалификации данной группы преступлений правоприменителями. Большое значение для правильного толкования содержания ст. 131 и 132 УК РФ имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ. С момента введения в действие Уголовного кодекса РФ, было принято два постановления¹. Однако, даже на уровне Верховного Суда РФ толкование различных аспектов субъективных и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 29 июня; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 декабря.

объективных признаков исследуемых преступлений не отличается постоянством (например толкование признака «иные тяжкие последствия»). Необходимо отметить, что, в некоторых случаях постановление Пленума Верховного Суда РФ выполняет не предназначенную ему роль - коррекции пробелов в уголовном законодательстве.

Первоначальная редакция п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст., ст. 131, 132 УК РФ предусматривала признак заведомости, которого не знало ранее действующее законодательство. Включение признака заведомости в статью действующего уголовного кодекса должно было акцентировать невозможность объективного вменения указанных отягчающих обстоятельств. В Постановлении 2004 г., указывалось, что ответственность за квалифицированное изнасилование возможна лишь в случае, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственные половой акт с несовершеннолетней или малолетней. Однако, в 2009 году в рамках усиления борьбы с преступлениями против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, были внесены изменения как в части конструирования признаков ст.ст. 131, 132 УК РФ, так и в санкцию указанных статей. В частности, была исключена «заведомость». В связи с этим в научной среде возникла дискуссия по вопросу необходимости установления заведомости. Если рассуждать логически, то исключение конструктивного признака предполагает его юридическую нивелировку, однако принцип субъективного вменения в уголовном праве России никто не отменял. В сложившейся ситуации, в 2014 году Верховный Суд РФ, по сути, взял на себя функции законодателя, указав на то, что необходимо установление осведомленности о возрасте потерпевшего (пункт 22).

Законодатель то же не отличается стабильностью, когда речь идёт о конструировании признаков преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Достаточно вспомнить об изменении возраста потерпевших по ст. 134 и 135 УК РФ, или того же признака заведомости. Последние изменения были внесены 28 января 2022 года Федеральным законом № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым был добавлен квалифицирующий признак в ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, устанавливающий ответственность за совершение деяний, предусмотренных п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 данных статей, если они совершены в отношении двух и более несовершеннолетних.

Данное изменение положительно повлияло на правоприменительную практику, так как ранее многие юристы высказывались про проблему квалификации таких преступлений. Согласно примечанию к ст. 131 УК РФ деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3-5 ст. 134 и ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, относятся к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Однако в ч. 4 ст. 134 и ч. 3 ст.

135 УК РФ указан квалифицирующий признак в виде совершения деяния в отношении двух и более лиц. Соответственно возникала сложность в квалификации деяний, подпадающих под эти признаки, если преступление было совершено в отношении двух и более лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, так как не было такого квалифицирующего признака в соответствующих частях ст. 131 и 132 УК РФ. Теперь эта проблема устранена.

Однако, помимо этой решенной проблемы, имеются и другие.

1. Необходимо закрепить в уголовном кодексе, какие преступления следует относить к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, для толкования п. «в» ч. 5 статей 131, 132 УК РФ. Полагаем, что тот перечень, который предлагает Постановление Пленума Верховного Суда 2014 года некорректен, поскольку искусственно сужает область применения уголовного закона и снижает защиту несовершеннолетних от подобного рода преступлений, и более того не соответствует логике уголовного закона. Для установления такого перечня считаем нужным продублировать примечание к ст. 73 УК РФ, которое к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, относит статьи 131 - 135, 240, 241, 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, или добавить в указанное примечание ст. 132 и 132 УК РФ.

2. Необходимо разъяснение на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ содержания п. «в» ч. 5 ст. ст. 131, 132 УК РФ - с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» части второй статьи 105 настоящего Кодекса. Системное толкование позволяет сделать вывод о том, что здесь имеются ввиду любые преступления против личности указанной тяжести, не являющиеся конструктивными элементами изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Единственное, что вызывает вопрос, это сопряженность со ст. 317 и 299 УК РФ, они являются специальными нормами по отношению к ст. 105 УК РФ, но не относятся к преступлениям против личности. Следовательно, в случае, когда происходит изнасилование и убийство 16-летнего ребёнка, и лица, производившего расследование, из мести за такую деятельность, квалификация по указанному пункту невозможна. Полагаем, что здесь имеет место законодательный пробел, который необходимо решить, дополнив пункт указанными статьями.

3. Полагаем, что разделение ответственности за насильственные действия сексуального характера по двум статьям УК РФ (131 и 132) нарушает принцип справедливости.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняет, что в случаях, когда несколько изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального

характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ (п. 8). В тех случаях, когда виновным было совершено в любой последовательности изнасилование и насильственные действия сексуального характера (независимо от того, был ли между ними разрыв во времени) в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ.

Данное положение означает, что насильственные действия лица, совершившего в отношении одной и той же потерпевшей половое сношение и любое другое действие сексуального характера (например, оральный секс), квалифицируются и наказываются по совокупности преступлений (ст. 131 и 132 УК РФ), а насильственные действия лица, совершившего в отношении одной и той же потерпевшей несколько отличных от полового сношения действий сексуального характера (например, анальный и оральный секс), квалифицируются и наказываются только по одной статье — ст. 132 УК РФ. Во втором примере потерпевшая получает большие моральные переживания и дискомфорт, однако виновный получает меньшее наказание.

Изложенная проблема, как представляется, требует решения на законодательном уровне. В науке высказываются идеи относительно возможной реформы уголовного закона.

Так, Н. А. Исаев считает, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует объединить в единый состав преступления, что позволит устранить гендерные различия, расширить круг субъектов преступления и криминализовать все формы сексуальной активности². С. Д. Цэнгэл также полагает, что объединение насильственных действий сексуального характера и изнасилования в единый состав «Насильственные действия сексуального характера» позволит решить обозначенные проблемы³. Данную позицию с незначительными уточнениями поддерживают и другие ученые⁴.

Объединение составов преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, в один окажет положительное влияние на практику применения уголовного закона. Вместе с тем простого слияния недостаточно, так как обозначенные преступные действия сексуального характера отличаются разной степенью общественной опасности, потому как обладают раз-

ной возможностью причинения вреда потерпевшему.

Для разрешения противоречий, встречающихся на практике, и соблюдения принципа справедливости необходимо объединить данные составы, включив изнасилование в ч. 1 ст. 132 УК РФ, так как оно является частным проявлением насильственных действий сексуального характера.

В связи с этим предлагаем изложить ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» в следующей редакции:

«1. Изнасилование, или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей –

наказывается ...

Квалифицирующие обстоятельства оставить без изменения.

Правильная квалификация преступного деяния связана с необходимостью отграничения его признаков от признаков иных преступлений. Так, для квалификации преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, следует провести разграничение со смежными составами преступлений, закрепленными в гл. 18 УК РФ, то есть со статьями 132, 133, 134 и 135. То же самое касается и ст. 132 УК РФ. Так как статьи 131 и 132 мы уже анализировали по объективным и субъективным признакам, находили отличия и сходства данных составов, поэтому сейчас на них останавливаться уже не будем. В первую очередь разница между анализируемыми составами заключается в делении их на насильственные (статьи 131, 132 и 133 УК РФ) и ненасильственные (статьи 134 и 135 УК РФ) половые преступления.

4. Обратимся к вопросам разграничения со смежными составами. Отграничение изнасилования и насильственных действий сексуального характера от понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133) проходит по объективной стороне, а именно по такому ее факультативному признаку как способ совершения преступления. Так как в отличие от изнасилования и насильственных действий сексуального характера, которые совершаются с применением насилия (угрозой его применения) либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, понуждение к действиям сексуального характера совершается, например, путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо использования материальной или иной зависимости потерпевшего лица (пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16). При этом состав преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, тоже относится к формаль-

² Исаев Н. А. Системно-криминологическое исследование сексуальных преступлений: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: М., 2007. С. 8.

³ Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / Л. А. Андреева [и др.]; под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2011. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. С. 284.

⁴ Маслак С.Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 27 с.; Тьдыкова Н.В. О проблемах квалификации совокупности половых преступлений // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 34 - 43.

ным, так как считается оконченным с момента выражения самих требований независимо от наличия согласия или отказа потерпевшего лица. Еще одно отличие касается субъекта преступления: по ст. 131 и ст. 132 субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста (специальный субъект), а по ст. 133 – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (общий субъект).

Особый интерес представляют вопросы соотношения таких понятий как действия сексуального характера и развратные действия. Неопределённость и юридические дефекты ст. 135 УК РФ привели к существенной деформации правоприменительной практики.

Несмотря на, казалось бы, четкое разграничение составов, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность, можно столкнуться с ситуацией, когда действия, предусмотренные в рамках ст. 135 УК РФ, квалифицируются по ст. 132 УК РФ. Речь прежде всего идет о наличии примечания к ст. 131 УК РФ, согласно которому развратные действия, совершенные в отношении лица младше 12 лет должны квалифицироваться как насильственные действия сексуального характера. Эту позицию законодателя подтверждает и Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя в пункте 21 постановления от 04.12.2014 № 16, что «деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями 2 - 4 статьи 135 УК РФ, могут быть квалифицированы по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ лишь при доказанности умысла на совершение развратных действий в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста».

Не вносит ясности и пункт 17 указанного постановления, согласно которому к развратным действиям относятся «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, ...которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям». Подобное трактование развратных действий со стороны Верховного Суда РФ создает слишком большую свободу усмотрения для правоприменителя, по сути, приравнивая объективную сторону одного состава преступления к другому, не проводя четких границ

между ними. Указание в пункте 17 постановления на то, что разновидностью развратных действий могут быть «действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал», Верховный Суд РФ лишь еще больше усугубляет понимание ситуации, сводя физические виды развратных действий и так называемые иные действия сексуального характера в одно целое. К сожалению, продолжает оставаться актуальным прежнее понимание развратных действий, закрепленное в УК РСФСР 1960 года, как довольно своеобразного состава, куда ранее относили все возможные виды и способы половых преступлений, кроме изнасилования. Даже по прошествии нескольких десятилетий и законодатель, и Верховный Суд РФ не выработали четких определений, необходимых для разграничения одного преступления от другого, более того, практически закрепили аналогию закона в рамках примечания к ст. 131 УК РФ.

Такая же ситуация сложилась и с пониманием ст. 134 УК РФ, в названии которой содержится более широкое содержание состава преступления, нежели в самой диспозиции ч. 1, причем понятие иных действий сексуального характера тоже никак не раскрывается, очевидно, предлагая правоприменителю опираться на разъяснения Верховного Суда РФ. Кроме того, ссылка на ст. 134 тоже имеется в примечании к ст. 131 УК РФ, где предлагается квалифицировать «деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей - пятой статьи 134» к «преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи». Тем самым иные действия сексуального характера, очевидно, предлагается приравнивать уже к изнасилованию, что абсолютно выходит за рамки и адекватного трактования уголовно-правовых норм, и за рамки законодательной техники.

Таким образом, объединение двух составов, предусматривающих ответственность за совершение насильственных половых преступлений, в один, определенная корректировка его содержания, а также соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ позволят разрешить существующие проблемные вопросы и окажет положительное влияние на правоприменительную практику.

Библиографический список

1. Исаев Н.А. Системно-криминологическое исследование сексуальных преступлений: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Москва, 2007. – 57 с.
2. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / Л. А. Андреева [и др.]; под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2011. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. – 584 с.
3. Маслак С.Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – 27 с.
4. Тыдыкова Н.В. О проблемах квалификации совокупности половых преступлений // Российский юридический журнал. – 2022. – № 6. – С. 34 - 43.

Рецензент: Пошелов П.В., доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета, к.ю.н.

ПЛОТНИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, plotnikovmgu@yandex.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И УСМОТРЕНИЕ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: АНТИПОДЫ, СОТРУДНИКИ ИЛИ «БЛИЗНЕЦЫ»

PLOTNIKOV ALEXANDER IVANOVICH

Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50 plotnikovmgu@yandex.ru

QUALIFICATION OF CRIMES AND DISCRETION IN LAW ENFORCEMENT: ANTIPODES, EMPLOYEES OR «TWINS»?

Аннотация. В статье рассматривается соотношение процесса квалификации преступлений и усмотрения правоприменителя в ходе его, которые нередко признаются в науке взаимоисключающими. По мнению автора, указанные акты не только не противоречат друг другу, но и по содержанию, и по сущности совпадают, поскольку в рамках квалификации преступлений осуществляется нахождение и выбор обстоятельств, образующих преступление и его признаки. Признается необоснованным и упрощенным представление о квалификации как фактическом наложении состава преступления на акт преступного поведения, сводящее ее к простому сравнению явлений. На самом деле процесс квалификации представляет собой сложный акт сличения и оценки преступления и его состава, выходящий за рамки только рациональной деятельности, включающей реально весь комплекс компонентов психологии правоприменителя. Высказывается мнение, что главное в квалификации и правоприменении не выбор законодательных альтернатив, формально всегда являющихся законными, а раскрытие индивидуальных понятий как смыслового комплекса. Содержится утверждение, что усмотрение не только не противоречит принципу законности, а является необходимым условием его реализации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, усмотрение правоприменителя, состав преступления.

Review. The article examines the relationship between the process of crime qualification and the discretion of the law enforcement officer during it, which are often recognized in science as mutually exclusive. According to the author, these acts not only do not contradict each other, but also coincide in content and essence, since within the framework of the qualification of crimes, the circumstances forming the crime and its signs are found and selected. The notion of qualification as the actual imposition of the corpus delicti on the act of criminal behavior, reducing it to a simple comparison of phenomena, is considered unreasonable and simplified. In fact, the qualification process is a complex act of comparison and evaluation of the crime and its composition, going beyond only rational activity, which actually includes the entire complex of components of the psychology of the law enforcement officer. The opinion is expressed that the main thing in qualification and law enforcement is not the choice of legislative alternatives, which are formally always legal, but the disclosure of individual concepts as a semantic complex. It is stated that discretion not only does not contradict the principle of legality, but is a necessary condition for its implementation.

Keywords: qualification of crimes, discretion of the law enforcement officer, the composition of the crime.

В последнее время все чаще в литературе и в научных обсуждениях ставится вопрос о допустимости усмотрения правоприменителя. Изначально он противопоставляется (или соотносится) с проблемой реализации принципа законности в правоприменении. Как это можно судить, (об этом далее) в отношении к усмотрению правоприменителя в нем предполагается до какого-то предела допустимое своеволие того, кто применяет закон. Так, во вступительном слове к работе израильского юриста Аарона Ба-

рака «Судейское усмотрение»¹ известный российский правовед М.В. Баглай крайне осторожно относится к самой идее усмотрения, признавая фактически наличие проблемы, но оговаривая ее, по сути минимально допустимое осуществление, как главным образом устранение пробельности, хотя А. Барак и так рассматривает ее через ограниченную призму только лишь судебной деятельности. Но ведь судебное правоприменение (в части оценки наличия преступления) ничем не отличается по содержанию и

¹ Барак А. Судейское усмотрение. Перевод с английского. М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 8-12.

своему существу от аналогичной деятельности при расследовании преступлений.

То же самое наблюдается и в современных работах, где напрямую поднимается эта тема. Но она, опять-таки, сводится только лишь к судебному усмотрению и замыкается главным образом лишь в рамках уяснения возможности избрания тех или иных законодательных альтернатив и фактически целесообразности применения какой-то из них, хотя в силу их альтернативности они априори не могут быть не законными или проявлением законодательных дефектов².

Поэтому требуется ответить: так ли уж на самом деле порочно усмотрение, тем более чуть ли не по своей природе? Заключение следует сделать в конце предлагаемого повествования. Вначале же надо уточнить некоторые содержательные параметры квалификации как юридической деятельности. Квалификацию обычно определяют как процесс, в ходе которого устанавливается соответствие (нередко пишут – тождество) рассматриваемого деяния элементам и признакам состава преступления или нормы.

Квалификация преступления – начальный юридически значимый акт материально-правового применения уголовного закона. Она может носить предварительный характер, но пока квалификация не состоялась – процесс установления наличия преступления не начнется. В этом можно усмотреть некое противоречие: квалификация нужна как бы для квалификации. Но это противоречие формально-логическое, оно существует всегда, где разворачивается процесс движения. Вообще, как учит, например, физика двигаться – это значит быть в каком-то отрезке пространства и одновременно не быть в нем. Нельзя оценивать социальные (да и вообще все явления) только формально логически. Этот подход годится только на подступах к изучению явления как его предварительное вычленение из совокупности обстоятельств. Всякое живое явление, к которым безусловно относится преступление, требует диалектической оценки в единстве его противоположных начал.

Квалификацию преступления всегда связывали и связывают с проблемой соблюдения принципа законности в уголовном праве. Квалификация, как одна из форм применения права, должна осуществляться по закону, в соответствии с законом. А под законностью понимают обычно точное соответствие оценки закону. Мы не оспариваем это утверждение. Тем не менее, одно из слов и понятий этой формулировки вызывает, как минимум, вопросы. Эта неопределенность относится к термину «точное». Как его понимать? О какой степени точности вообще идет речь? Значит ли это, что точность должна соответствовать степени идентичности (фактическому совпадению, тождеству), когда оцениваемая ситуация фактически буквально соответствует описанной в законе. В вольной интерпретации, допускаемой как в практике, так и в науке, часто так и говорят или подразумевают, утверждая, например, что в действиях лица со-

держится состав того или иного преступления. Но это лишь словесный оборот. Ведь ясно, что состав как законодательная модель, если и где находится, то только в самом законе и может лишь соответствовать тому или иному поведению, но ни как не быть его частью. Это, во-первых. А во-вторых, соответствие тем более не может быть идентичностью и тождеством уже по самому определению, предполагающему их несовпадение. Но, кроме того, оно не может быть и смысловым, умозрительным тождеством, потому что норма представляет собой обобщенную формулировку, а оцениваемая ситуация – частный случай. Норма (состав) представляют определенную рамку, в которую можно вставить конкретный акт, но никак не совместить его предметно, фактически с законодательной. Но если мы не можем совместить преступный акт и состав преступления, а только сопоставлять и сравнивать, то никакая физическая точность в этом случае не возможна. А, следовательно, мы осуществляем фактическую аналогию двух явлений (деяния и состава), только по смыслу признавая их совпадение. Однако известно, что она не соответствует утвердившемуся в правовой науке представлению, а в настоящее время и самому уголовному закону (часть 2 статьи 3 УК РФ) о недопустимости аналогии в уголовном праве. Но здесь опять правомерно поставить вопрос: а почему же аналогия допустима в других отраслях права, например, в гражданском праве? Чем же уголовное право «хуже» их? Объяснение по линии разграничения аналогии права и аналогии закона, не принимается, поскольку это различие количественное, а не качественное. Аналогия и в том, и в другом случае по своему существу (по сути) никак не изменится. Однако и в сравнении преступления и состава преступления, мы не найдем ничего другого, кроме аналогии, как бы ее не отрицали. Более того, упование специалистов уголовного права на то, что квалификация есть логический процесс как раз и доказывает это, поскольку логические построения (логические посылки) являются сравнительными, но никак не тождественными. Если студенты МГЮА изучают уголовное право, а Иванов студент МГЮА, то мы вправе в силу логической необходимости, легализуемой эмпирически, по существующему опыту, сделать вывод, что Иванов также изучает уголовное право. Но никто не возьмется утверждать, что Иванов и студенты МГЮА – это одно и то же. Более того, и само это утверждение можно поставить под сомнение, хотя логически оно корректно. Но уголовное право изучают не на всех курсах, а потом Иванов может оказаться нерадивым (больным и т.п.) студентом, не изучающим реально уголовное право на тот или иной момент. Таким образом, стремление большинства представителей науки уголовного права свести применение его норм к некоей абсолютной точности не находит надлежащего подтверждения ни в логике, ни в психологии. Законность и применение в соответствии с законом не могут быть сведены к логической, механической, физической

² Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве / отв. Ред. Рапог А.И. М.: Проспект, 2014. С. 48.

точности. Так что же, надо отказаться от законности? Да нет, конечно. Просто надо понять, что осуществление (применение) закона – это самый сложный процесс, не сводимый ни к логическим, ни к формально психологическим, ни тем более к физическим явлениям. Процесс, не лишенный элемента субъективности, не протекающий вне личности субъекта правоприменения, его мировоззрения, его совести, правосознания и его правовой культуры. И может быть, самое спорное, не лишенный, а предполагающий творческое начало правоприменителя. Ибо без фантазии не рождаются представления, а без их комбинирования не появится и законодательная модель состава (нормы). Поэтому обычное определение квалификации преступления как установления соответствия между деянием и составом в общих чертах правильное, но очень далекое по содержанию охватываемых им явлений от реальных процессов. Его корректнее было бы называть оценкой или творческим сличением поведения и состава (или нормы в целом). Ведь так называемые оценочные понятия как раз и указывают на его сложность. Но и те, которые к оценочным обычно не относят, содержат в себе элемент оценки (то есть сличение вне логического порядка). Как известно, и сам закон (УПК РФ) указывает на необходимость в правоприменении руководствоваться правосознанием и внутренним убеждением. Но если правосознание основывается на рациональных моментах, то убеждение есть ни что иное как вера правоприменителя в их наличие при отсутствии достаточной полноты последних. То, что выводится строго логически, не требует никаких убеждений. Кроме того, логическая необходимость исключает ее различные трактовки. Если бы квалификация полностью была построена на логике, споры о принятых на такой основе решениях были бы бессмысленными (если не иметь в виду конечно чисто технические ошибки). Несомненно, давно были бы разработаны компьютерные программы квалификации, где введение соответствующих данных о преступлении мгновенно бы выдавало решение. Приходилось слышать, что подобными программами занимаются. Нам представляется, что эта работа не имеет никакой перспективы именно по причине несводимости квалификации исключительно к рациональной деятельности. В этой связи, может быть и не вполне к месту, хотелось бы заметить, что никакой искусственный интеллект в принципе не возможен. Интеллект может быть только естественным, что предполагает его самоформирование, эволюционирование, несвязанность командами и свободой.

Даже самое простое и, казалось бы, формализованное понятие требует выхода за пределы его формы (мы касаемся здесь известной проблемы соотношения формального и материального, в том числе как оно следует из части 2 ст. 14 УК РФ, но не рассматриваем ее непосредственно, а лишь подтверждаем правомерность постановки, поскольку она выходит за рамки темы). Можно написать, конечно, в законе, что крупный ущерб как последствие преступления

такой-то (как это есть в ряде уголовно-правовых норм), но завтра (и даже в течение дня) он будет содержательно экономически меняться в зависимости от рыночной конъюнктуры, а то и обратиться не едва ли в свою противоположность, как это случается при денежных реформах и манипуляциях.

Оценка правового явления всегда осложнена тем, что она осуществляется в строгих рамках закона, хотя и выражающих диалектику поиска. Так, чтобы возбудить уголовное дело надо сослаться на статью, по которой оно возбуждается, то есть усмотреть в рассматриваемом деянии признаки того или иного преступления, по сути квалифицировать его, пусть и очень приблизительно и предварительно. В процессе этот этап можно рассматривать как подозрение в совершении преступления, но это не меняет его материально-правового содержания. Оно все равно остается оценкой, квалификацией. Уже на этой первой ступени усмотрение правоприменителя выступает совершенно явственно. Преступление еще далеко от его доказывания. В сознании правоприменителя существуют различные варианты возможного развития оцениваемого события, которые в равной мере имеют право на существование, так называемые версии. Их, во-первых, надо смоделировать в своем сознании, то есть создать системную конструкцию из отдельных обстоятельств, выбрать те, которые имеют определенную логику и отношение к преступлению вообще и к тому, которому возникло подозрение. Этот отбор и есть не что иное как усмотрение правоприменителя. Таким образом, усмотрение возникает уже на базе первых представлений о возможном преступлении, на том этапе, который связывают с выдвижением версий и доказыванием. Дальше оно продолжится на уровне избрания меры пресечения, предъявления обвинения, составления обвинительного заключения (обвинительного акта или постановления) и в наиболее развернутом виде во время судебного разбирательства. В данном случае мы отмечаем только отбор и усмотрение относительно доказывания преступления. Но параллельно ему на всех указанных ступенях идет не менее, а может и более сложный, процесс уяснения материального закона в виде признаков преступления. Они формулируются в законе, как известно, в общем виде, в форме общих понятий, которые не могут быть непосредственно использованы без предварительного раскрытия их содержания, без их конкретизации, поскольку преступление индивидуальное явление. Чисто психологически этот процесс раскрытия понятия выливается в формирование и рассмотрение различных представлений, которые могут отражать признаки преступления, их внутреннюю проверку и мысленный отбор. Так, для квалификации диверсии (ст. 281 УК РФ) в ее современной трактовке необходимо раскрыть такие сложные понятия как «предприятия», «сооружения», «объекты транспортной инфраструктуры», «объекты жизнеобеспечения населения», «компоненты природы», «объекты «федерального органа исполнительной власти в области обороны», «вооружен-

ные силы», «войска национальной гвардии», «топливно-энергетический комплекс», «оборонно-промышленный комплекс», «атомная энергия», «потенциально опасные биологические объекты» и др. И это только по новым признакам одного состава преступления. Безусловно, для уяснения состава диверсии надо получить значительный объем информации как правового, так и фактического характера, проанализировать ее, отобрать то, что имеет отношение к составу. Что это есть как не усмотрение? Это усмотрение (раскрытие понятия) самое сложное и самое ответственное. К сожалению, его-то как раз не относят к усмотрению, поскольку оно не содержит формальных альтернатив для выбора. Но эти альтернативы неизбежны в ходе его раскрытия как элементы, образующие общность. Сложное потому, что оно во многом определяется внутренним интеллектом, эрудицией, правовыми знаниями и правовой культурой правоприменителя. Значительную работу проводит правоприменитель и для пополнения фактического знания, связанного с раскрытием понятия.

И, наконец, третья ступень квалификации – сопоставление фактически отобранной информации по обстоятельствам дела и отобранной информации, возникшей в ходе уяснения и раскрытия понятия. Опять-таки здесь нет механического сопоставления (сравнения) ибо берутся не два материальных предмета и даже не два психологических явления, а единичное событие и фактический материал общего по-

нятия, в котором умозрительно следует разглядеть возможно близкое представление одного из явлений, комплексно допускаемого, но не представленного в нем непосредственно явления. Здесь мы продолжаем усмотрение в виде сличения, мыслительного наложения одного на другое. Если это и тождество, как принято определять квалификацию, то только умозрительно психологическое, то есть весьма условное и зыбкое в силу субъективности психологических явлений. Таким образом, следует прийти к выводу, что усмотрение, во-первых, это не некое отступление и своеволие правоприменителя, а неизбежное условие квалификации, если понимать и видеть этот процесс во всем его многообразии. А если говорить более емко и по существу, то квалификация и есть нечто иное, как усмотрение. Несомненно, что при выборе законодательных альтернатив как в рамках санкций, так и в составе, происходит выбор одной или нескольких, их усмотрение. Но это усмотрение только лишь второго порядка, поскольку она происходит в рамках альтернатив уже обозначенных в самом законе и формально юридически (что преобладает в практике) всегда правильно. Гораздо сложнее усмотрение в рамках понятия, ибо оно там ни формально, ни визуально психологически не обозначено. Поэтому для него требуется целый комплекс умственно психологических актов для формирования этих альтернатив, а потом уже их отбор и усмотрение как таковое.

Библиографический список

1. Барак А. Судейское усмотрение. Перевод с английского. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – 376 с.
2. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве / отв. Рарог А.И. – М.: Проспект, 2014. – 103 с.

Рецензент: Жовнир С.А., доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

РУБЦОВА АЛЕКСАНДРИНА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
1259933, Садово-Кудринская ул., д.9, Москва, asrubtsova@msal.ru

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

RUBTSOVA ALEXANDRINA SERGEEVNA

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL). 1259933, Sadovo-
Kudrinskaya St., Bldg. 9, Moscow, asrubtsova@msal.ru

ISSUES OF APPLICATION OF THE REGULATION ON INVOLVING MINORS IN ACTIONS THAT PRESENT A DANGER TO THE LIFE OF A MINOR

Аннотация: Современное российское правовое государство ориентировано на эффективную защиту прав человека. Устойчивость государства в своем поступательном развитии возможна лишь на основе надлежащего осуществления государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (см. Указ Президента РФ от 22.11.2023 N 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи»). В настоящее время нет эффективных механизмов защиты молодежи от новых форм деструктивного воздействия, связанного с цифровыми технологиями и новыми формами манипулирования сознанием общества. В представленной статье проведен анализ особенностей уголовно-правовой ответственности за вовлечение несовершеннолетних действия, представляющие опасность для жизни. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшей научной разработке институтов уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в общественно-опасные действия. Статья может быть полезной сотрудникам правоохранительных органов, а также, для преподавателей, соискателей ученых степеней и студентов, изучающих дисциплину «Уголовное право».

Ключевые слова: вовлечение, склонение, несовершеннолетние, суицид, действия, представляющие опасность для жизни, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Annotation: The modern Russian legal state is focused on the effective protection of human rights. The sustainability of the state in its progressive development is possible only on the basis of the proper implementation of state policy in the field of family protection, preservation of traditional family values ??(see Decree of the President of the Russian Federation of 22.11.2023 N 875 «On holding the Year of the Family in the Russian Federation»). Currently, there are no effective mechanisms to protect young people from new forms of destructive influence associated with digital technologies and new forms of manipulation of the consciousness of society. The presented article analyzes the features of criminal liability for involving minors in actions that pose a danger to life. The results of the conducted research can be used in further scientific development of institutions of criminal liability for involving minors in socially dangerous actions. The article can be useful for law enforcement officers, as well as for teachers, applicants for academic degrees and students studying the discipline «Criminal Law».

Key words: involvement, inducement, minors, suicide, actions posing a danger to life, involvement of a minor in committing a crime.

В последние годы все более пугающей становится тенденция вовлечения несовершеннолетних в различные деструктивные деяния, в виде игр, распространяемых в различных социальных сетях и мессенджерах.

В 2016 году первой такой игрой, о которой узнала общественность, стал «Синий кит» после публикации 16 мая 2016 года в статье «Группы смерти», широко растиражирована СМИ, что вызвало панику сре-

ди большинства родителей России. В тот же период стало известно о таких играх как «Беги и умри», «Исчезни на 24 часа» и другие. Попыткой борьбы с этим явлением стало установление ответственности за подобные деяния в ст. 151.2 УК РФ. Сообщения о существовании таких игр по-прежнему будоражат общественность, обсуждаются в социальных сетях. Осенью 2024 года восьмиклассник с молотком напал на других учеников¹. Аналогичный инцидент произо-

¹ Мальчик с молотком напал на сверстников в школе Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/09/23/reg-sibfo/malchik-s-molotkom-napal-na-sverstnikov-v-shkole-irkutskoj-oblasti.html> (дата обращения: 10.09.2024).

шел в Челябинске². По одной из версий мальчики напали на одноклассников с молотком, выполняя некое задание из закрытой группы. В ноябре 2024 Дорогомиловский суд Москвы арестовал экстремала Романа Г., которого в соцсетях называют основателем движения зацеперов, его обвиняют в том, что он агитировал несовершеннолетних забираться на крыши поездов и таким опасным образом кататься на поездах³.

Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического, нравственного и морального развития несовершеннолетних. Дополнительный объект – жизнь и здоровье несовершеннолетнего. Потерпевшим является лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Если преступные действия были совершены в отношении двух или более несовершеннолетних, ответственность наступает по п. «а» ч. 2 ст. 151.1 УК. Факультативным объектом могут выступать также общественные отношения и интересы, связанные с семейным воспитанием несовершеннолетнего⁴.

Объективная сторона преступления выражается в склонении или ином вовлечении несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом. Они могут состоять в склонении к таким действиям путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом. Описывая признаки объективной стороны, законодатель использует такие термины, как «склонение» и «вовлечение». Из содержания закона следует, что склонение является разновидностью вовлечения, они соотносятся как общее и частное, нет необходимости в одновременном использовании данных терминов в диспозиции статьи 151² УК РФ.

В пояснительной записке к данной статье было указано, что к правонарушениям, к которым склоняются или в которые вовлекаются несовершеннолетние, можно отнести проезд на крыше поезда – трейсерфинг; проезд на поезде с его внешней стороны – зацепинг; проникновение на крыши высоких зданий – ружинг; опасные для жизни игры и т. п.⁵

Уголовная ответственность по ст. 151.2 УК наступает при условии, что в действиях, в которые вовлекают несовершеннолетних, опасность для жизни является реальной. О реальной опасности свидетельствует то, что при совершении таких действий содержится риск (в обычных условиях их выполнения) наступления смерти или причинения тяжкого вреда

здоровью человека. Обязательным условием является то, что данные действия являются как минимум аморальными или запрещены законом, содержат признаки административного правонарушения. Если же данная деятельность не относится к таковой, то за вовлечение в них несовершеннолетних, при несоблюдении правил безопасности ответственность должна наступать по ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, заключается в психическом (информационном) воздействии на подростка с целью вызвать у него решимость совершить такое действие. Вовлечение является родовым понятием по отношению к «склонению» и предполагает не только психическое, но и физическое воздействие на несовершеннолетнего.

Интересы несовершеннолетнего, которым угрожает виновный, могут быть самые различные, например, угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений, позорящих несовершеннолетнего или его близких, разрыва дружеских отношений и т. п.

Если проанализировать позицию Верховного Суда РФ о применении норм ст. 150, 151 УК РФ отраженную в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», преступление признается оконченным с момента, когда несовершеннолетний начал совершать действие, представляющее опасность для его жизни. Тем не менее, заслуживает внимания и поддержки позиция Левандовской М.Г., что моментом окончания склонения или иного вовлечения для целей статьи 151.2 УК РФ, можно считать момент согласия несовершеннолетнего на совершение действий, опасных для его жизни, реализованного даже частично (в случаях приискания соучастников, подготовительных действий)⁶.

Перечень способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий – открытый. Спорным вопросом является законодательное закрепление в ст. 151.2 УК РФ такой вариант способа совершения преступления. В рассматриваемой норме указаны лишь некоторые способы негативного воздействия на потерпевшего (уговоры, предложения, обещания, обман, угрозы). При этом перечень таковых оставлен открытым. Действующая редакция ст. 151.2 УК РФ степень общественной опасности способов не учитывает.

² СК показал видео из школы в Челябинске, где подросток напал на детей. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/09/16/reg-urfo/sk-pokazal-video-iz-kvartiry-podrostka-napavshego-na-shkolnikov-v-cheliabinske.html> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Предлагал детям прыгать по электричкам. [Электронный ресурс]. URL: <https://msk1.ru/text/criminal/2024/11/24/74371661/?ysclid=m3vlza77pq156446737> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ Левандовская М.Г. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни. Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 170

⁵ Палий В.В. Уголовно-правовые аспекты защиты прав несовершеннолетних от вовлечения в деструктивные группы и влияния деструктивного контента // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4 (116). 2024. С. 141-150.

⁶ Левандовская М.Г. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни. Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 171

Как уже было сказано ранее, преступление признается оконченным с момента, когда несовершеннолетний начал совершать действие, представляющее опасность для его жизни. Если у склоняемого несовершеннолетнего лица не удалось сформировать желание совершить противоправные действия, опасные для его жизни, то, возможно, при определенных условиях более правильным выходом из такой ситуации будет выступать квалификация в соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ и ст. 151.2 УК РФ. При этом следует отметить, что квалификация по ч. 3 ст. 30 УК РФ и ст. 151.2 УК РФ не дает оснований считать такой состав материальным. В отличие от склонения вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, свидетельствует, что взрослому удалось при помощи отрицательных манипуляций не просто создать у ребенка или подростка желание совершить опасный для жизни поступок, но и вовлечь последнего в его непосредственное выполнение. Из этого следует, что склонение к совершению опасных для несовершеннолетних действий всегда предшествует вовлечению, что также говорит о не тождественности рассматриваемых понятий. При этом применительно к вовлечению моментом окончания следует признавать момент совершения несовершеннолетним противоправных действий, представляющих опасность для его жизни.

Интересным является вопрос как квалифицировать, если есть признаки и вовлечение в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), но действия, которые должен совершить несовершеннолетний, в процессе совершения преступления, так же представляют опасность для его жизни. Например, совершение хулиганства в метро или на железнодорожном транспорте, где он должен находиться снаружи, на крыше вагона. Возможна ли совокупность? Думается, что в этом случае, вменение ст. 151.2 будет излишней, данные действия полностью охватываются признаками объективной стороны ст. 150 УК РФ.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление совершается с виной только в форме прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность действий по вовлечению (склонению) несовершеннолетнего в совершение указанных в законе действий, осознает, что эти действия представляют реальную опасность для жизни несовершеннолетнего и желает этого.

Субъектом рассматриваемого преступления может являться любое физическое лицо, достигшее возраста 18 лет, обладающее признаком вменяемости. Упущением является отсутствие в норме квалифицирующего признака «совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», анализ практики, при всей ее скудности, указывает, что это не является редкостью.

В настоящее время нет единого подхода к пониманию и применению ст. 151.2 УК РФ. О том, что существуют трудности в выявлении и квалификации преступлений по ст. 151.2 УК РФ, об этом свидетельствуют официальные статистические данные ГИАЦ МВД России за 2017-2023 гг.: в 2017 году по России не зарегистрировано ни одного преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ; в 2018 году зарегистрировано одно преступление в Пензенской области; в 2019 году — три преступления, За 2020 год зарегистрировано четыре преступления, из которых одно в городе Москве, два в Республике Крым и одно в Республике Татарстан⁷. В 2021 году — пять преступлений. В 2022 — шесть преступлений. В 2023 — пять преступлений.

Судебная практика по данной статье крайне скудная, думается правоприменители в полной мере не используют ее потенциал. Деяния, за которые привлекались виновные совершенно разнообразные, склонение вдыхать газ из баллонов для заправки зажигалок, обучение малолетнего и передача ему под самостоятельное управление автомобилем, имеющим технические неисправности, запрещающие эксплуатацию транспортного средства, стримы с детьми за рулем автомобиля, движущегося со скоростью 130 км/ч.

Интересным является произошедший 2021 года прецедент с коллективом Доха⁸, который записал видеоролик с призывом выходить на несогласованные акции в поддержку политика Алексея Навального. Ссылку на это видео они разместили на сайте интернет-издания. Ролик по требованию Роскомнадзора заблокировали. Как уточняла защита журналистов, речь шла о видео в поддержку уже отчисленных за участие в митингах студентов. Мировой суд Дорогомилловского района вынес приговоры четырем бывшим редакторам интернет-издания Доха за вовлечение несовершеннолетних в противоправные и опасные действия (подп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 151.2 УК).

Число зарегистрированных преступлений и число приговоров показывает, что деяния такие являются редкостью. Тем не менее анализ различных информационных сайтов указывает, что подобные деяния весьма распространены среди подростков, которые копируют опасное поведение своих кумиров.

В настоящее время наблюдается ситуация, когда, в отношении информации, обучающей опасным действиям, чаще признается информация, распространение которой в Российской Федерации запрещено, но лицо ее распространившее остается безнаказанным. Например, сеги Интернет по адресам: <адрес> выявлена информация, содержащая обучающее и пропагандирующее видео по «руфингу» (крышелазание) — хождение по самому краю крыши высотных зданий и сооружений, при этом делается фото или видеосъемка. Действующим законодательством предус-

⁷ Родин С.Г., Колесников Р.В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни: обоснованность криминализации и проблемы квалификации // Юридические науки Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3.

⁸ 25 января 2024 года объявлено Генеральной прокуратурой РФ «нежелательной организацией».

мотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего совершенное в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет». В России запрещено распространение информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Учитывая изложенное, прокурор просит признать информацию, содержащуюся в информационно-коммуникационной сети Интернет запрещенной к распространению на территории Российской Федерации информацией»⁹

Так же не редкость, что лицо, распространяющее подобную информацию известно, есть последствия, но привлечение к ответственности его так же невозможно. Например, В Москве 15-летний фанат Mellstroy умер после того, как попробовал шары с газом. Такой пример подростку подал его же кумир — о своём «увлечении» он рассказал в интервью, которое незадолго до смерти посмотрел школьник¹⁰. Как видим данные действия не сильно отличаются от приведенного первого примера обвинительного приговора, только аудитория вовлекаемых намного шире. Тем не менее привлечь его в настоящее время к ответственности по ст. 151.2 УК РФ невозможно, деструктивный контент, представляющий реальную опасность для жизни, распространяется неопределенному кругу лиц. Для устранения подобного пробела, предлагаем внести небольшое изменение, которое позволит привлекать к уголовной ответственности по ст. 151.2 УК РФ в случае распространения деструктивного контента, опасного для жизни, неопределенному кругу лиц, для этого нужно дополнить объективную сторону данного состава указанием на «организацию деятельности направленной на вовлечение в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Профилактический потенциал данной нормы не находит должного применения, так же в силу того, что статья относится к преступлениям небольшой тяжести. И в случаях угрозы жизни, можно встретить встречаются и примеры ошибочной квалификации. Так как привлечение по ст. 151.2 кажется недостаточным. Санкция части 2 ст. 251.2 УК содержит только возможность назначения штрафа в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до четырехсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо лишение свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или за-

ниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

В качестве примера можно привести следующее дело. Обвиняемый за денежное вознаграждение просил подростков присылать ему фото с опасными трюками. Н. признали виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30, пункт «а», частью 2 статьи 105 УК РФ (покушение на убийство) и назначить наказание в виде 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима»¹¹. Он склонил двух несовершеннолетних девочек 2006 и 2004 года рождения. По версии следствия, обвиняемый знакомился с несовершеннолетними в социальных сетях под вымышленными именами и, имея преступный умысел, склонял подростков за отдельную плату к совершению опасных трюков на большой высоте, осознавая, что их выполнение приведёт к смерти. Н. просил детей фиксировать опасные трюки на фото/видео, чтобы отправлять ему как доказательство выполнения. Кроме того, мужчина заставлял несовершеннолетних свешиваться головой вниз без страховки и удержания из окон и крыш домов, что угрожало жизни несовершеннолетних.

На наш взгляд в данном случае ошибочной является квалификация по ст. 105 УК РФ, так как покушение возможно только с прямым умыслом и потерпевшие, хоть и являются несовершеннолетними, не являлись малолетними, обладали свободой воли при выполнении опасных действий. Думается подобная квалификация была связана исключительно в связи с незначительным наказанием по ст. 151.2 УК РФ.

Для успешного применения ст. 151.2 УК РФ Верховному Суду РФ целесообразно провести обобщение судебной практики рассмотренных уголовных дел и представить соответствующий обзор, в целях разрешения имеющихся противоречий в конструкции диспозиции ст. 151.2 УК РФ относительно толкования понятий «склонение» и «вовлечение» необходимо получить соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в связи с чем необходимо обновить редакцию постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Профилактический потенциал данной нормы не находит должного применения, существующий механизм позволяет только блокировать и удалять данную информацию в рамках применения мер административного регулирования. Ограничение доступа к сайтам в сети Интернет в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» осуществляется на основании решения суда о признании информации, содержащейся на интернет-ресурсе, запрещенной к распространению на территории РФ. В п.

⁹ Решение № 2А-1584/2022 от 01.03.2022 Калининского районного суда г. Тюмени (Тюменская область).

¹⁰ [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1683194> (дата обращения: 10.09.2024).

¹¹ Лобненский городской суд. Приговор 22 июня 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: https://lobniamo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=654552066&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2024).

6 ст. 10 данного закона сказано, что запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Статьей 151.2 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, что является основанием, для блокировки ресурсов с подобной информацией.

На наш взгляд, если лицо не просто рассказывает о своем опыте, но и распространяет информацию, обучающую технике совершения таких действий, содержит советы о приобретении опасных предметов и веществ, как лучше совершать подобные деяния – это обладает большей степенью общественной

опасности. Предлагаем изложить ст. 151.2 УК РФ в следующей редакции:

Статья 151.2. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего

1. Склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий, а равно организация деятельности по вовлечению несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Библиографический список

1. Левандовская М.Г. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 4. – С. 170.
2. Палий В.В. Уголовно-правовые аспекты защиты прав несовершеннолетних от вовлечения в деструктивные группы и влияния деструктивного контента // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – № 4 (116). – 2024. – С. 141-150.
3. Родин С.Г. Колесников Р.В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни: обоснованность криминализации и проблемы квалификации // Вестник Воронежского института МВД России. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 274-276.

Рецензент: Воронин В.Н., доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

ТАТЬЯНИНА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Удмуртского государственного университета
426034 г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, larisa-lisa@mail.ru

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ХОДАТАЙСТВУ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

TATYANA LARISA GENNADIEVNA

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and
Criminalistics of Udmurt State University 426034 Izhevsk, Universitetskaya str., 1,
building 4, larisa-lisa@mail.ru

ASSESSMENT OF EVIDENCE AT THE REQUEST OF A SUSPECT ACCUSED IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация: В статье обоснована позиция о необходимости предоставления права потерпевшему и защитнику заявлять ходатайство о признании нарушения положений УПК РФ при получении доказательств в ходе досудебного производства. При рассмотрении указанного ходатайства следователю, дознавателю и прокурору не следует выносить постановление о признании доказательства недопустимым в целях обеспечения суду возможности оценить доказательство и принять решение по нему. Оценка доказательства следователем, дознавателем и прокурором по ходатайству потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и защитника должна найти отражение в принятии процессуального решения, при согласии с заявленным ходатайством в решении не может быть использовано доказательство для принятия решения. При несогласии с ходатайством в решении должно быть обосновано признание оспариваемого доказательства допустимым и использование его для принятия процессуального решения.

Ключевые слова: оценка доказательств, процессуальный порядок, решение, следователь, дознаватель, прокурор, подозреваемый, потерпевший, защитник.

Abstract: The article substantiates the position on the need to grant the right to the victim and the defender to file a petition for recognition of a violation of the provisions of the CPC of the Russian Federation when obtaining evidence during pre-trial proceedings. When considering the said petition, the investigator, the inquirer and the prosecutor should not make a decision on declaring the evidence inadmissible in order to provide the court with an opportunity to evaluate the evidence and make a decision on it. The assessment of evidence by the investigator, the inquirer and the prosecutor at the request of the victim, the suspect, the accused and the defender must be reflected in the adoption of a procedural decision, in agreement with the stated petition, evidence cannot be used in the decision to make a decision. In case of disagreement with the petition, the decision must justify the recognition of the disputed evidence as admissible and its use for making a procedural decision.

Keywords: evaluation of evidence, procedural procedure, decision, investigator, inquirer, prosecutor, suspect, victim, defender.

Оценка доказательств является завершающим элементом процесса доказывания, на основании которого принимается процессуальное решение. Оценка доказательств является сложным составным мыслительным процессом, который включает в себя, с одной стороны, соблюдение процессуальных правил при собирании конкретного доказательства, которые позволяют признать доказательство относимым, допустимым и достоверным, а с другой – оценка содержательной части, позволяющая признать, что сведения, его составляющие, позволяют признать установление определенного факта или обстоятельства, способствующие его возникновению. Если в отношении требований, которые предъявляются к доказательствам, законодатель установил критерии, не соблюдение которых обязывает признать доказательство

недопустимым, то в отношении оценки содержания сведений, каких-либо требований не установлено, в силу чего одно и то же доказательство может быть оценено не просто различно, но и прямо противоположно, что может привести к принятию ошибочного решения, которое, в лучшем случае, будет исправлено своевременно судом.

С учетом положений ст. 17 и ст. 88 УПК РФ оценка доказательств как элемент доказывания может быть осуществлена только судом, прокурором, следователем и дознавателем, при этом в ст. 17 УПК РФ указывают присяжных заседателей как субъектов оценки доказательств, при этом их числу не относят не только участников уголовно-правового конфликта в виде потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и их представителей и защитника, но и представителей органов расследо-

вания, принимающих процессуальные решения, в частности руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, что вызывает множество вопросов.

Руководитель следственного органа утверждает обвинительное заключение, начальник органа дознания утверждает обвинительный акт/обвинительное постановление, начальник подразделения дознания вправе отменить незаконное постановление о приостановлении производства по уголовному делу, бесспорно, указанные решения руководители могут принять только на основании изучения материалов уголовного дела и оценки имеющихся в них доказательств, в противном случае не понятна их роль в утверждении указанных документов. Учитывая, что руководитель следственного органа и подразделения, органа дознания дают указания следователю, дознавателю по направлению расследования по уголовному делу, также вправе изымать у них уголовное дело из производства, рассматривать заявленные жалобы и т.д., то могут ли они принимать указанные решения без оценки имеющихся доказательств? Любое процессуальное решение, принимаемое при производстве по уголовному делу, основано на совокупности имеющихся доказательств, при этом субъект принятия решения не основывает свое решение на сведениях, которые считает невозможными использовать в процессе доказывания.

Интересный подход законодателя и к определению участия в процессе доказывания участников уголовно-правового конфликта и их представителя и защитника. Потерпевший, его представитель, подозреваемый, обвиняемый и защитник в соответствии с положениями ч. 2, ч. 3 ст. 86 УПК РФ вправе собирать и представлять доказательства, но в соответствии со ст. 87 и ст. 88 УПК РФ они не являются субъектами проверки и оценки доказательств. Данное положение противоречит принципу состязательности и ограничивает права указанных участников, поскольку отстаивать свои интересы они могут на основе имеющихся в деле доказательств, которые собирают и представляют сами, либо которые собирают органы предварительного расследования.

Участник уголовно-правового конфликта, участвуя в производстве по уголовному делу, не зависимо от того представителем которой стороны он является, свою позицию он обосновывает совокупностью доказательств, при этом он принимает участие в собирании некоторых доказательств, другие представляет сам или через представителя, защитника, либо знакомится с доказательствами, собранными органами предварительного расследования.

Участвуя в производстве следственного действия, в процессе которого собирается (формируется) доказательство, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, его представитель или защитник влияют на конечный результат, в качестве которого будет высту-

пать протокол следственного действия, являющийся доказательством, в котором будет зафиксирована полученная информация. В процессе проведения следственного действия все его участники вправе делать заявления, замечания, задавать вопросы, то есть они оценивают получаемую информацию, пытаются ее уточнить, скорректировать, чтобы она отражала то событие, в отношении которого проводится расследование. Следует отметить, что в зависимости от того, какое следственное или процессуальное действие будет проводиться, возможна определенная погрешность в его результатах, поскольку в зависимости от условий его проведения информация может корректироваться следователем, дознавателем, полагающими, что фиксация информации в том виде, в котором он ее отразил, соответствует действительности и отражает полностью результат следственного действия.

Подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший вправе делать замечания по ходу проведения следственного действия, а также по результатам его фиксации в протоколе, но несмотря на это, протокол следственного действия, если он соответствует требованиям относимости и допустимости, будет выступать в качестве допустимого доказательства, его содержательная часть будет оцениваться лицом, принимающим процессуальные решения на основании внутреннего убеждения. Таким образом, оценка содержательной части доказательства имеет сугубо индивидуальный характер и не зависит от мнения и позиции других участников, которые могут попытаться на основе совокупности иных доказательств убедить в необходимости пересмотра сделанной оценки, но результат не зависит от их позиции. В связи с чем при заявлении ходатайства о признании доказательства недопустимым подозреваемый и обвиняемый могут ссылаться только на наличие тех оснований, которые предусмотрены ст. 75 УПК РФ. Следует отметить, что законодатель изначально проявил непоследовательность при формировании ч. 3 ст. 88 УПК РФ, предоставив право только подозреваемому и обвиняемому заявлять ходатайство о признании доказательства недопустимым. Потерпевший и защитник оказались лишены указанного права. Возникает вопрос о равенстве прав сторон при реализации принципа состязательности и обеспечении права на защиту. В досудебном производстве представителями сторон объективно выступают участники уголовно-правового конфликта: потерпевший, его представитель, подозреваемый, обвиняемый, его защитник, именно между ними идет спор об установлении факта и оценки произошедшего события, поэтому в процессе доказывания они должны обладать равными возможностями, в том числе при заявлении ходатайств о признании доказательства недопустимым. О расширении состава участников, обладающих правом подачи ходатайства о признании доказательства недопустимым, указывали и другие авторы¹.

¹ Суценко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 196; Каац М.Э. Проблемные моменты процедуры признания доказательств недопустимыми в процессе предварительного расследования // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 102.

Следователь, дознаватель, прокурор изначально осуществляют правозащитную деятельность, которая заключается в обязанности обеспечить качественное производство предварительного расследования, не допускающее нарушения прав представителей конфликтующих сторон. Для следователя и дознавателя осуществление уголовного преследования и выдвижение обвинения связано с защитой прав как потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого, при этом нарушение защиты прав потерпевшего, выразившееся в неустановлении виновного лица, либо невозможности его привлечения к уголовной ответственности в связи с некачественным расследованием, обусловившим утрату доказательств либо приведения их в состояние недопустимости, не влечет за собой никаких негативных последствий в отношении правоприменителя, но ставит в незащищенное состояние потерпевшего, которому причиняется еще и психологическая травма, вызванная проведением предварительного расследования.

Потерпевший не защищен деятельностью следователя и дознавателя, у которого свое видение произошедшего, способность к осуществлению процесса доказывания, он не выступает представителем потерпевшего и правовую защиту последнего осуществляет наравне с обеспечением прав подозреваемого, обвиняемого. В связи с чем необходимо предоставить право потерпевшему заявлять ходатайство о признании доказательства недопустимым в процессе предварительного расследования и в суде.

Защитник осуществляет право на защиту, в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ он обладает большими правами при собирании доказательств по сравнению с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим. Именно защитник вместе с подзащитным определяет направление защиты, способы ее осуществления. Практически все жалобы и ходатайства защитник согласовывает со своим клиентом, особое значение заключается в участии защитника в процессе доказывания, от которого зависит результат по уголовному делу. В связи с чем вызывает недоумение лишения права защитника обращаться с ходатайством о признании доказательства недопустимым. Указанное право защитника должно быть безусловным, поскольку связано с обеспечением права на защиту.

Законодателем не урегулирован вопрос о порядке признания недопустимым доказательства по ходатай-

ству подозреваемого, обвиняемого в ходе предварительного расследования, а также последствий принятия указанного решения².

Приказом Генпрокуратуры России № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» установлено, что при выявлении доказательств в ходе изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, полученных с нарушением УПК РФ, «прокурор должен вынести мотивированное постановление о признании доказательств недопустимым и исключении их из обвинительного заключения»³.

По мнению ряда авторов, целесообразно вынесение постановления о признании доказательств недопустимыми⁴. Однако данное предложение вызывает возражение. В случае, если в уголовном деле будет решение следователя, дознавателя или прокурора, то суд не вправе будет рассматривать и оценивать данное доказательство, что лишит его возможности оценить все доказательства, которые представляют стороны.

Вызывает вопросы и возможность принятия решения судом о признании доказательства недопустимым на предварительном слушании⁵. Их положений ст. 235 и ст. 236 УПК РФ следует, что суд, рассматривая ходатайство о признании доказательства недопустимым на предварительном слушании не имеет права выносить самостоятельное решение по данному вопросу, а результат его рассмотрения отражается согласно ч. 4 ст. 236 УПК РФ в решении о назначении судебного разбирательства. Указанное постановление не подлежит обжалованию, однако согласно ч. 7 ст. 235 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела по существу по ходатайству стороны суд вправе рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым. Данное положение вызывает сомнение, поскольку один и тот же судья пересматривает свое решение в течение нескольких дней, можно ли говорить о непредвзятости его решения в указанной ситуации? Было бы понятно, если суд рассматривал ходатайство стороны о нарушении закона при производстве следственного действия, на основании которого суд в последующем решает вопрос о признании доказательства недопустимым, что было бы логично, поскольку могут иметь место нарушения, связанные с процедурой оформления документов, которые могут рассматриваться как допустимые

² Татьяна Л.Г. Признание следователем недопустимым доказательства при производстве предварительного следствия // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск, 2023. С. 251-254.

³ Приказ Генпрокуратуры России: «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 17.09.2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Титовец И.В. Понятие и система механизма исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы. 2017. С. 529-533; Каац М.Э. Проблемные моменты процедуры признания доказательств недопустимыми в процессе предварительного расследования // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 104; Мальдгизов С.Р., Долгополов К.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: материалы 6 Национальной заочной научно-практической конференции. Ставрополь, 2024. С.263-264 и др.

⁵ Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: дис.... д-ра юрид. наук. Ижевск. 2004. С. 560.

в связи с обстоятельствами получения конкретного доказательства.

При рассмотрении ходатайства о признании доказательства недопустимым следователь, дознаватель, прокурор оставляют его без внимания, либо подходят к нему формально в целях обеспечения суду возможности оценить и оспариваемое доказательство в совокупности с другими. Поскольку законодатель в полномочиях указанных лиц не указал обязанность вынесения постановления о признании доказательств недопустимым, то они его не выносят. Подобный подход к разрешению рассматриваемого ходатайства обусловлен обеспечением права сторон предоставлять в суд доказательства, на которые ссылается каждая из них. При вынесении решения о признании доказательства недопустимым должен существовать механизм оспаривая принятого решения на всех этапах его принятия в ходе досудебного производства, в том числе в судебном порядке. Вряд ли подобный подход обеспечит качество принятия решения и эффективность правосудия, суды вынуждены будут рассматривать вопросы для решения которых нужно будет исследовать иногда большой объем материала, что только увеличит сроки досудебного производства. Следует учитывать, что очень часто дается разная оценка допустимости доказательств, в том числе в ходе судебного разбирательства.

В ходе досудебного производства должны быть заявлены ходатайства о нарушении положений УПК РФ при получении конкретного доказательства, что должно быть отражено в постановлении, принимаемом по данному вопросу. Исходя из наличия данного решения следователь, дознаватель, прокурор будут принимать решение о возможности использовать доказательство, полученное с допущенными нарушениями, а суд, оценив в совокупности все представ-

ленные доказательства, должен будет принять решения о конечной оценке их с позиций допустимости.

Необходимо отметить, что сторона защиты очень часто заявляет ходатайства при окончании предварительного расследования или в суде, ссылаясь на то, что это ее тактика, она не доверяет органам расследования и т.п. Данная позиция стороны защиты приводит к волоките производства по делу и не защищает подозреваемого, обвиняемого, поскольку вызывает сомнение то, что защитник месяцами ждет возможности заявления ходатайства в судебном заседании, особенно когда его подзащитный содержится под стражей. Следует установить, что защитник должен заявлять ходатайства, связанные с нарушением положений УПК РФ в процессе предварительного расследования в момент их обнаружения, не ожидая направления уголовного дела в суд. В противном случае он должен представить обоснованные доказательства подачи несвоевременного ходатайства, что затрудняет возможность рассмотрения уголовного дела по существу в связи с необходимостью проверки представленного материала.

Полагаю, что следует предоставить возможность заявления ходатайства о признании нарушения положений УПК РФ при получении доказательств в ходе досудебного производства кроме подозреваемого и обвиняемого потерпевшему, его представителю, защитнику. Указанное ходатайство может быть заявлено следователю, дознавателю, прокурору, руководителю следственного органа, суду, которые при принятии решений должны будут дать оценку указанным доказательствам, признав их допустимыми или недопустимыми. Указанный порядок обеспечит возможность оценки доказательств всеми субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу, не зависимо от позиции одного из них, принявшего решение.

Библиографический список

1. Брякина А.В, Хузина Н.А. Недопустимые доказательства в судебных стадиях уголовного процесса // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2016. – № 2. – С. 25-28.
2. Каац М.Э. Проблемные моменты процедуры признания доказательств недопустимыми в процессе предварительного расследования // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 100-106.
3. Максимова Т.Ю. Некоторые вопросы признания доказательства недопустимыми на предварительном слушании // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1 (4). – С. 599-605.
4. Мальдгизов С.Р., Долгополов К.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: материалы 6 Национальной заочной научно-практической конференции. – Ставрополь. – 2024. – С. 262-265.
5. Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 262 с.
6. Татьяна Л.Г. Признание следователем недопустимым доказательства при производстве предварительного следствия // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Томск, 2023. – С. 251-254.
7. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: дис.... д-ра юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 560 с.
8. Титовец И.В. Понятие и система механизма исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы. 2017. – С. 529-533.

Рецензент: Великий Д.П., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ХУНАР АМЕЕН ХАСАН

кандидат юридических наук, ассистент профессора, декан Бизнес-колледжа
Университета Чармо, г. Сулеймани, Республика Ирак, Тел.: +964 770 158 6465,
эл. почта: hunar.ameen@charmouniversity.org

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ФИНАНСОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ ИРАК

HUNAR AMEEN HASAN

Associate Professor, Lecturer specializing in International Criminal law Sub-Faculty,
Researcher at the Research Center for Crimes of Anfal and Genocide, Dean of
Business College Charmo University, Iraq, Cand. Sci (Law), Peshawa Street,
Chamchamal / Sulaymani, Kurdistan Region, F. R. Iraq, Phone: +964 770 158 6465; e-
mail: hunar.ameen@charmouniversity.org

ISSUES OF ORGANIZING THE FIGHT AGAINST ECONOMIC AND FINANCIAL CRIMES IN THE REPUBLIC OF IRAQ

Аннотация. Республика Ирак входит в первую пятерку по запасам нефти и десятку по запасам газа государствам мира. Однако, имея такое богатство, Ирак не может похвастаться тем высоким уровнем жизни, который характерен для других государств Персидского залива. Одной из главных причин сложившегося положения является коррупция в высших эшелонах власти, сопровождающаяся хищениями и другими экономическими (финансовыми) преступлениями.

Ирак, переживший за последние десятилетия несколько войн, международные санкции и оккупацию коалицией, возглавляемой США, самостоятельно не в состоянии организовать борьбу против сложных экономических (финансовых) преступлений. Деятельность, включающая учебу иракских правоохранителей и судей, специализирующихся в борьбе против указанных групп преступлений, ведет одно из агентств ООН – Программа развития Организации Объединенных Наций. Статья посвящена деятельности этого агентства.

Ключевые слова. Республика Ирак, экономические преступления, финансовые преступления, Программа развития ООН, Руководство по финансовым расследованиям.

Annotation. The Republic of Iraq is among the top five countries in terms of oil reserves and the top ten in terms of gas reserves. However, with such wealth, Iraq cannot boast of the high standard of living that is typical for other Gulf States. One of the main reasons for the current situation is corruption in the highest echelons of power, accompanied by embezzlement and other economic (financial) crimes.

Iraq, which has experienced several wars, international sanctions and occupation by the US-led coalition over the past decades, is not able to organize the fight against complex economic (financial) crimes on its own. The activities, including the training of Iraqi law enforcement officers and judges specializing in the fight against these groups of crimes, are conducted by one of the UN agencies, the United Nations Development Program. The article is devoted to the activities of this agency.

Keywords: Republic of Iraq, economic crimes, financial crimes, United Nations Development Program, Financial Investigation Manual.

Экономическое богатство Ирака основано на нефтяных запасах, по объему которых страна занимает 5 место в мире. Еще одно богатство Ирака – это газ, по запасам которого он находится на 10 месте в мире. Однако именно доходы от экспорта нефти составляют основной источник пополнения бюджета (более двух третей ВВП Ирака)¹. В годы экономических санкций ООН против режима Саддама Хусейна, а затем и войны, нефтяной сектор Ирака сильно пострадал. По различным оценкам, для его полного вос-

становления потребуется более 100 млрд. долларов США².

Как утверждается в литературе, «долгие годы Республика Ирак находилась в экономической блокаде, в таких условиях экономические преступления практически не совершались», однако экономическая открытость страны, наступившая после свержения режима Саддама Хусейна, «потребовала особого внимания к преступлениям, затрагивающим экономическую безопасность»³.

¹ Российские компании (Лукойл и Газпром) активно участвуют в разработке месторождений и добыче нефти в Ираке.

² Iraq's Petroleum Industry: Unsettled Issues // <https://www.mei.edu/publications/iraqs-petroleum-industry-unsettled-issues> (дата обращения: 31.08.2024).

³ Алсаег Биалал Амджад, Рафи Назар Джамиль, Зыл?ва Н. В. Судебная экономическая экспертиза в Ираке: состояние и перспективы развития / Судебная экономическая экспертиза в Ираке: состояние и перспективы развития. (Forensic economic expertise in Iraq: State and development prospects). TY-JOUR AU PY-2023/07/19 P-T1-// https://www.researchgate.net/publication/372447104_Sudebnaa_ekonomiceskaa_ekspertiza_v_Irake_sostaoanie_i_perspektivy_razvitia_Forensic_economic_expertise_in_Iraq_State_and_development_prospects (дата обращения: 31.08.2024).

Между тем, это не совсем так. В годы правления Саддама Хусейна (1979-2003) экономические преступления также совершались, причем виновные в их совершении часто приговаривались к высшей мере наказания (в годы правления Саддама Хусейна, а также после окончания оккупации США, основным правовым источником, на основании которого выносились приговоры за экономические преступления, был УК Ирака 1969 года⁴). Так, в 1992 г., в разгар санкций ООН, в Ираке к смертной казни были приговорены десятки торговцев, «валютчиков» и спекулянтов⁵.

Однако, с открытием Ирака для остального мира, действительно, масштабы хищений резко выросли. Так, по заявлению президента Ирака, после 2003 г. примерно 150 млрд долларов украденных денег были вывезены из страны⁶. В 2022 г. аудиторская проверка выявила в Ираке злоупотребления, которые позволили преступникам присвоить примерно 2,8% государственного бюджета страны. Всего, по мнению экспертов, им удалось похитить не менее \$2,5 миллиарда государственных средств⁷. Как отмечают эксперты, совершению экономических преступлений во многом способствует коррупция в высших эшелонах власти⁸, по уровню которой Ирак в 2022 г. находился на 153 месте (из 180 государств мира)⁹.

К экономическим и коррупционным преступлениям следует добавить нерешенные проблемы политического характера, среди которых последствия вторжения террористической организации «Исламское государство»¹⁰, создавшей на части захваченных территорий Ирака (а также Сирии) т.н. «халифат»¹¹. В таких условиях Ирак, переживший за последние десятилетия несколько войн с соседями (Ираном и Кувейтом), гражданскую войну (между двумя основными этническими группами населения – курдами и арабами), а также оккупацию (со стороны коалиции во главе США), самостоятельно организовать и успешно проводить политику противодействия экономической (финансовой) преступности, конечно же, не в состоянии. В выстраивании современной политики борьбы против экономических (финансовых) преступлений в Ираке ведущая роль принадлежит ООН и ее структурам, в первую очередь, Программе

развития Организации Объединенных Наций (далее – ПРООН).

Как ведущее агентство ООН по международному развитию ПРООН работает в 170 странах и территориях, чтобы искоренить нищету и сократить неравенство. ПРООН помогает разрабатывать политику, навыки лидерства, партнерские способности, институциональные возможности, а также повышать устойчивость для достижения целей развития. Деятельность Программы сосредоточена в трех основных областях: устойчивое развитие, демократическое управление и построение мира, а также устойчивость к климату и стихийным бедствиям¹².

В 2021 году ПРООН, при финансовой поддержке Государственного департамента США, Бюро по международным наркотическим и правоохранительным вопросам (INL), запустил проект под названием «Укрепление потенциала сектора правосудия для поддержания верховенства закона в Ираке». Целью этого проекта является укрепление компетенций следственных судей для руководства и проведения сложных расследований организованной преступности и финансовых (экономических) преступлений, включая отмывание денег, коррупцию и незаконное финансирование, а также совершенствование политики и процедур для расследований и судебных преследований за указанные группы преступлений¹³.

Для укрепления и улучшения расследования финансовых (экономических) преступлений, ПРООН, в партнерстве с правительством Соединенных Штатов Америки и Высшим судебным советом Ирака¹⁴, инициировал рассчитанный на несколько лет образовательный проект, включающий учебную программу под названием «Расследования организованных и финансовых преступлений: комплексный подход». Указанная программа фокусируется на навыках, опыте, методах и процедурах, необходимых иракским судьям и другим специалистам для эффективного расследования сложных дел о финансовых (экономических) преступлениях. Она также дает рекомендации по улучшению политики и процедур расследования и судебного преследования сложных организованных и финансовых (экономических) преступлений и устанавливает дорожную карту для реа-

⁴ См. об этом: Хасан Х.А.Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика Общей части // Актуальные проблемы российского права. 2014. №6 (43). С. 1185-1188.

⁵ New Executions for Economic Crimes Reported in Iraq / By Paul Lewis Sept. 21, 1992 // <https://www.nytimes.com/1992/09/21/world/new-executions-for-economic-crimes-reported-in-iraq.html>. См. также: В Ираке украдены миллиарды долларов // <https://econbez.ru/news/cat/5949> (дата обращения: 31.08.2024).

⁶ Президент Ирака заявил о краже 150 миллиардов долларов / <https://www.nur.kz/world/1914011-prezident-iraka-zayavil-okrazhe-150-milliardov-dollarov/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁷ В Ираке выявили гигантское расхищение бюджетных средств. Схема по присвоению казенных денег обогатила коррупционеров на миллиарды долларов / <https://www.kp.ru/daily/27478/4685172/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁸ О причинах и характеристике коррупции в Ираке см.: *Омар Хусхияр Мохаммед Али*. Особенности административной коррупции в Республике Ирак // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 71-76.

⁹ В 2024 году Ирак опустился еще ниже, оказавшись на 157 месте // <https://take-profit.org/statistics/corruption-index/iraq/> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁰ Организация признана террористической и запрещена на территории России.

¹¹ См. об этом: Кочои Р.С. Транснациональная преступность террористических организаций: понятие, характеристика, противодействие. Монография. М.: Проспект, 2024. 184 с.

¹² UN Development Programme // <https://www.undp.org/> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³ Policy Paper on Financial Crime Investigations: An Integrated Approach/ <https://www.undp.org/iraq/publications/policy-paper-financial-crime-investigations-integrated-approach> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁴ Является высшим административным органом, ответственным за дела судебной власти в Ираке.

лизации этой политики.

В рамках данной инициативы ПРООН планирует работать с судьями, прокурорами и следователями в рамках семинаров для различных иракских правительственных учреждений по вопросам борьбы с организованными и финансовыми (экономическими) преступлениями, а также для надзора за разработкой руководства по организации и проведению сложных расследований указанных преступлений. Цель программы, по словам Главного судьи Высшего судебного совета Ирака Фаика Зайдана, — «укрепить процедуры и тактику следственных судей по подходу и руководству сложными расследованиями финансовых преступлений в тесном сотрудничестве с коллегами из следственных органов» Комиссии по добросовестности¹⁵, Совета по высшему аудиту, Управления по борьбе с отмыванием денег и противодействию финансированию терроризма Центрального банка и специализированных следственных управлений Министерства внутренних дел.

По словам представителей США, Ираку требуются эффективные инструменты и политика для расследования и судебного преследования финансовых (экономических) преступлений, поскольку мотивом большинства таких преступлений является личное обогащение, которое наносит ущерб иракскому государству и народу. Государственный департамент США согласился профинансировать оценку ПРООН возможностей расследования финансовых преступлений в Ираке; эта оценка помогла заложить основу для обучения и сыграла важную роль в разработке руководящих принципов финансовых расследований для судей и следователей. В этой связи Зена Али-Ахмад, постоянный представитель ПРООН, заявила: «Эта программа и сопроводительный документ признают, как сложные организованные финансовые преступления, такие как коррупция, отмывание денег и незаконное накопление богатства, способствуют созданию атмосферы привилегий и несправедливости. Эти преступления являются серьезным препятствием для экономического восстановления, стабильности и развития Ирака. ПРООН готова работать вместе с Высшим судебным советом Ирака и другими учреждениями, чтобы помочь положить конец этим преступлениям, и чрезвычайно благодарна Государственному департаменту США за финансирование этой важной инициативы»¹⁶.

В ноябре 2023 г. Ирак сделал значительный шаг в борьбе с корыстными преступлениями, выпустил Руководство по финансовым расследованиям. Целью руководства является повышение эффективности

финансовых расследований по всей стране. Руководство призвано стать важнейшим активом в стремлении правоохранительных и судебных органов страны к подотчетности и созданию надежной финансовой системы. Это всеобъемлющее руководство, написанное простым и доступным языком, с целью снабдить иракские власти необходимыми знаниями и методами для эффективного расследования финансовых (экономических) правонарушений и незаконной деятельности. Предоставляя четкие инструкции и практические советы, документ дает правоохранительным органам, аудиторам и следователям возможность выявлять скрытые следы финансовых (экономических) преступлений, разоблачать коррупционные практики и обеспечивать торжество правосудия.

Руководство по финансовым расследованиям, по признанию властей, служит маяком надежды, позволяя Ираку защищать свою финансовую и экономическую целостность, привлекать иностранные инвестиции и способствовать экономическому росту. Документ, названный «Справочник по процедурам финансовых расследований», представляет собой практическое руководство по проведению параллельных, комплексных финансовых расследований для использования следственными судьями и учреждениями, которые отвечают за проведение уголовных расследований. Кроме того, он призван обеспечить последовательную следственную процедуру для получения, анализа, обобщения и представления информации и доказательств, полученных в ходе уголовного расследования. Его основное применение будет происходить на уровнях расследования и управления следственными действиями, и он представляет собой универсальное справочное руководство, которое: разъясняет роли и обязанности всех учреждений, участвующих в процессе расследования и судебного преследования, а также учреждений, поддерживающих эти расследования;

предоставляет пошаговые процедуры, которые следует использовать в ходе следственного процесса; предоставляет правовые требования и технические рекомендации, связанные с международными запросами на доказательства и помощь по названным группам преступлений.

Разработка Руководства стало результатом совместных усилий рабочей группы, состоящей из представителей одиннадцати иракских учреждений из федерального (иракского) и автономного (курдского) регионов, включая федеральную судебную систему Ирака, Федеральную комиссию по добросовестности, министерства внутренних дел (федерально-

¹⁵ Комиссия по добросовестности (полное название Федеральная комиссия по вопросам честности и неподкупности) – это независимый государственный орган, ответственный за борьбу с коррупцией в Ираке. Она осуществляет расследование дел о коррупции, предлагает изменения в законодательство для борьбы с коррупцией и развития культуры добросовестности, честности, прозрачности, истребует у иракских чиновников сведения о доходах и расходах, обнаруживает кодекс поведения для служащих государственного сектора. Также готовит соответствующие исследования и учебные материалы, массовые мероприятия и материалы для СМИ // В Генпрокуратуре России впервые состоялась встреча Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова с Руководителем Федеральной комиссии по вопросам честности и неподкупности Республики Ирак Хейдаром Хануном // <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=90760055> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁶ Iraq Unveils Groundbreaking Handbook for Enhancing Financial Investigations and Upholding the Rule of Law [EN/AR] // <https://reliefweb.int/report/iraq/iraq-unveils-groundbreaking-handbook-enhancing-financial-investigations-and-upholding-rule-law-enar> (дата обращения: 31.08.2024).

го иракского и автономного курдского региона), Асаиш¹⁷, Федеральный высший аудиторский совет, Высший аудиторский совет Ирака и Управление по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Для достижения стабильности и экономического прогресса любой стране необходимо решать проблемы коррупции, организованной и экономической преступности. Это Руководство по финансовым расследованиям является инструментом, который может помочь Ираку в его усилиях по борьбе с этими видами преступной деятельности. Создание рабочей группы по подготовке Руководства представляло собой уникальный опыт в Ираке — впервые совместная группа федеральных чиновников из числа следователей и аудиторов судебной системы, прокуратуры и правоохранительных органов объединилась для подготовки документа, который теперь является стандартным руководством по финансовым расследованиям в Ираке. Процесс разработки Руководства улучшил институциональные связи и углубил сотрудничество между 11 учреждениями, которые участвовали в его разработке. Это сотрудничество привело к более широкому применению совместных следственных усилий, обмену информацией, успешному судебному преследованию преступлений и возврату незаконных доходов. Это дало отличные результаты в

недавних уголовных делах, ставших предметом разбирательства. Так, Федеральная комиссия по добросовестности вернула государству 100 миллиардов иракских динаров и значительное количество объектов недвижимости и дорогостоящих транспортных средств, ставших предметом различных экономических и коррупционных преступлений. Запуск Руководства по финансовым расследованиям направлен на активизацию этих усилий, что должно привести к сдерживанию экономических (финансовых) преступлений, одновременно поощряя возврат государству незаконных доходов для содействия его устойчивому развитию. Руководство является динамичным рабочим документом, который, по замыслу его авторов и спонсоров, будет регулярно пересматриваться, и изменяться в ходе его практического использования¹⁸.

В заключение отметим, что ПРООН в Ираке поддерживает усилия правительства страны по примирению, реформам и стабильности. Поддержка в разработке Руководства по финансовым расследованиям является частью ее работы в рамках Программы реформирования сектора безопасности и верховенства закона. Цель программы — поддержать усилия правительства Ирака по достижению долгосрочного мира и стабильности посредством улучшения сектора безопасности и правосудия.

Библиографический список

1. Кочои Р.С. Транснациональная преступность террористических организаций: понятие, характеристика, противодействие. – Монография. – М.: Проспект, 2024. – 184 с.
2. Омар Хусхийр Мохаммед Али. Особенности административной коррупции в Республике Ирак // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 71-76.
3. Хасан Х.А.Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика Общей части // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №6 (43). – С. 1185-1188.

Рецензент: Шнитенков А.В., профессор кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

¹⁷ Спецслужба Курдского автономного региона Ирака.

¹⁸ Iraq Unveils Groundbreaking Handbook for Enhancing Financial Investigations and Upholding the Rule of Law [EN/AR] // <https://reliefweb.int/report/iraq/iraq-unveils-groundbreaking-handbook-enhancing-financial-investigations-and-upholding-rule-law-enar> (дата обращения: 31.08.2024).

ШМЕЛЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8(3532)72-22-77, shmelevaes@mail.ru

ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ (ИЗМЕНЕНИЯ) СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УПК РФ

SHMELEVA ELENA SERGEEVNA

PhD, Associate Professor of criminal procedure law and criminology Orenburg Institute (branch) of the University. O. E. Kutafin (MSAL), 460000, Orenburg, St. Komsomolskaya, 50, tel: 8(3532)72-22-77, shmelevaes@mail.ru

GROUND S FOR CANCELLATION (AMENDMENT) OF A COURT DECISION IN A SUPERVISORY INSTANCE UNDER THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: статья посвящена исследованию вопросов, касающихся оснований отмены (изменения) судебных решений в порядке надзора по УПК РФ. Автор поднимает вопрос о том, что следует понимать под существенными нарушениями норм уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела, которые являются основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора.

Ключевые слова: надзорная инстанция; основания отмены (изменения) судебного решения в надзорной инстанции; уголовно-процессуальное законодательство; существенные нарушения норм уголовного закона; существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона.

Annotation: The article is devoted to the study of issues concerning the grounds for the cancellation (amendment) of court decisions in the order of supervision under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author raises the question of what should be understood by significant violations of the norms of the criminal and (or) criminal procedure law that influenced the outcome of the case, which are the grounds for revoking or changing the verdict, ruling or court order by way of supervision.

Keywords: supervisory authority; grounds for cancellation (amendment) of a court decision in a supervisory authority; criminal procedure legislation; significant violations of the norms of the criminal law; significant violations of the norms of the criminal procedure law.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает основания для отмены или изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке (ст. 389.15-389.18, ст. 401.15, ст. 412.9 УПК РФ). Предусмотренные законом основания являются условиями, при которых вышестоящие судебные инстанции имеют право отменить или изменить состоявшиеся судебные решения ввиду их незаконности или необоснованности.

Согласно ст. 412.9. УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора являются существенные нарушения норм действующего законодательства (уголовного и (или) уголовно-процессуального законов), которые повлияли на исход дела или выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Данные основания являются безусловными основаниями к отмене судебного реше-

ния. Однако анализируемая нами норма не раскрывает, что понимается под существенными нарушениями уголовного и/или уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, ст. 412.9 УПК РФ не содержит конкретного перечня оснований для отмены и/или пересмотра судебных решений в надзорном порядке. Если мы обратимся к другим нормам действующего уголовно-процессуального законодательства и, в частности, к ст. 401.15 УПК РФ, то и там не представлено данных конкретных оснований. Положения ст. 401.15 УПК РФ и ст. 412.9 УПК РФ являются нормами, идентичными по своему содержанию. Продолжая анализировать положения уголовно-процессуального законодательства, в ст. 389.15 УПК РФ мы находим конкретные основания для отмены решений нижестоящих судов в апелляционном порядке. Среди таких оснований законодатель предусматривает:

- несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

- существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- неправильное применение уголовного закона;
- несправедливость приговора;
- выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ;
- выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

В соответствии со ст. 389.17 УПК РФ основания отмены или изменения судебного решения являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения (ч. 1). Это основание является наиболее общим, компиляционным, выражением общего подхода законодателя к решению вопроса об основаниях отмены состоявшихся решений суда нижестоящей инстанции.

В соответствии с ч. 2 анализируемой нами нормы, законодатель предусмотрел конкретизированные основания отмены или изменения судебного решения. Эти основания относятся к так называемым безусловным основаниям отмены любого судебного решения:

- прекращение уголовного дела судом при наличии предусмотренных в законе оснований;
- вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей;
- рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого (не включая случаи, предусмотренные в ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ);
- рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является обязательным, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника;
- нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика;
- непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон;
- непредоставление подсудимому последнего слова;
- нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора;
- обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми;
- отсутствие в судебном решении подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально;
- отсутствие протокола судебного заседания.

Положения, содержащиеся в ст. 389.18 УПК РФ определяют основания для отмены судебного решения ввиду неправильного применения норм уголов-

ного права и несправедливости приговора. Этих оснований несколько:

- нарушение требований Общей части УК РФ;
- применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению;
- назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Часть 2 рассматриваемой нормы содержит указание на несправедливость приговора так, как она понимается законодателем. В таком приговоре назначенное наказание не соответствует тяжести преступления, личности осужденного. Назначенное наказание может и не выходить за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру являться несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Сформулированные законодателем основания для пересмотра и отмены судебных решений в апелляционном порядке, исходя из подхода, который предлагает законодатель, думается, вполне логично могут быть использованы и при рассмотрении оснований и для принятия решений о пересмотре в кассационном или надзорном порядке уголовных дел.

Однако такой подход законодателя, в соответствии с которым нет четкого разграничения оснований для отмены судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, как нам представляется, вносит определенный диссонанс в саму сущность этих оснований и целесообразность сохранения самостоятельных вышестоящих стадий уголовного судопроизводства, что требует определенных пояснений.

Как видится, законодателем были проигнорированы неоднократные рекомендации Конституционного Суда РФ о необходимости предусмотреть в процессуальном законодательстве безусловные основания для пересмотра окончательных судебных решений. В.Д. Потапов в своем исследовании отметил, что «в Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П он (Конституционный Суд РФ) указал, что «...из статей 17 (часть 3), 46, 49, 50 (части 1 и 3), 52, 55 (часть 3), 118 и 126 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что федеральный законодатель, предусматривая – с соблюдением закрепленных в них критериев и условий – процессуальные механизмы и процедуры пересмотра и отмены вступившего в законную силу приговора, обязан сформулировать их безусловные основания, с тем чтобы исключить произвольное применение закона и с учетом того, что речь идет о пересмотре такого решения судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания» (п. 3.2)»¹.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Кон-

¹ Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дисс. ...докт. юрид. наук. Москва, 2013. С. 113.

венции о защите прав человека и основных свобод, «никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства». В то же самое время в соответствии с п. 2 данного протокола, «это не является препятствием к повторному рассмотрению дела в соответствии с действующим на территории государства процессуальным законодательством, если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела». «Согласно правоприменительной практике Европейского суда по правам человека, право на судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, должно толковаться в контексте принципа господства права, одним из основополагающих аспектов которого является начало правовой определенности, которое среди прочего требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено»². Данный принцип предполагает, что ни одна из сторон не вправе добиваться пересмотра вступившего в законную силу и подлежащего неукоснительному исполнению судебного решения лишь в целях повторного рассмотрения дела и вынесения нового решения. Полномочия вышестоящих судов по пересмотру судебных решений должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок и несправедливости при отправлении правосудия, а не ради повторного рассмотрения дела.

«Пересмотр дела судами вышестоящих инстанций не должен рассматриваться как «скрытое обжалование», и сама лишь возможность существования двух точек зрения по вопросу не может служить основанием для пересмотра. Отклонение от этого принципа оправдано лишь наличием существенных и бесспорных обстоятельств»³.

Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал: «Суд надзорной инстанции не вправе отменить вступивший в законную силу оправдательный приговор со ссылкой на его необоснованность, если в ходе предыдущего разбирательства не было допущено нарушение, отвечающее критерию,

указанному в пункте 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Соответственно, и прокурор или потерпевший не вправе ставить перед судом надзорной инстанции вопрос о пересмотре приговора со ссылкой на необоснованность, не подпадающую под этот критерий. Иное противоречило бы статьям 15 (часть 4), 46, 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»⁴.

Требование пересмотра в порядке надзора судебного решения ввиду иной оценки доказательств стороной защиты является требованием «повторного рассмотрения дела» или «скрытым обжалованием». Подобные требования основаны на иной точке зрения относительно вопроса виновности, поэтому для надзорной формы пересмотра, как видится, неприемлемы. «Пересмотр вступившего в законную силу судебного решения по мотивам несогласия с его фактической обоснованностью, например, ввиду недоказанности виновности обвиняемого, в надзорном порядке невозможен, если только по делу не было выявлено существенного (фундаментального) нарушения закона, которое реально повлияло бы на разрешение этого дела по существу»⁵.

И российские исследователи⁶, и Конституционный Суд РФ⁷, и Европейский суд по правам человека⁸ неоднократно указывали на то обстоятельство, что основания для отмены/изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке не могут быть идентичными.

Однако законодатель и в ч. 1 ст. 401.15, и в ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ такими основаниями признал существенные нарушения уголовного и/или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Такой подход законодателя, как нам представляется, вызывает множество вопросов, главным среди которых является возможность применения к производству в суде кассационной и надзорной инстанций оснований отмены или изменения приговора, предусмотренных в ст. ст. 389.17 и 389.18 УПК РФ и используемых для апелляционного порядка рассмотрения уголовного дела.

В качестве оснований для отмены приговора в апелляционной инстанции предусмотрены существенные нарушения уголовно-процессуального зако-

² Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. М., 2005. С. 67-77.

³ Обухов И.И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалоб или представления требованиям УПК РФ: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2010. С. 13.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Москва, 2014.

⁶ См., например: Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 49-52; и др.

⁷ См.: По делу о проверке конституционности положений ст. ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: [постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

⁸ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 24.07.2003 по делу «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (п. 52) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 4.

на, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ). Положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ, предусматривают основания для отмены приговора в кассационном и надзорном порядке, которыми являются существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Законодатель использует самостоятельные термины для определения оснований для отмены судебных решений в различных инстанциях. В первом случае речь идет об основаниях, которые «повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения», во втором случае «повлиявшие на исход дела». Терминологическая путаница является значительным препятствием к пониманию оснований для отмены судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Представляется, что «существенные (фундаментальные) нарушения материального уголовного закона, если они, как было сказано выше, искажают саму суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия (например, осуждение за деяние, не запрещенное уголовным законом; назначение наказания в виде смертной казни при действии запрета или моратория на осуждение к ней и т.п.), всегда влияют на исход дела, ибо сами они и есть исход дела»⁹.

В частности, в одном из своих решений Президиум Верховного Суда РФ отметил, что «в соответствии с положениями ст. 412.9 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела».

Согласно ч. 3 ст. 35 УПК РФ, вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела разрешается судьей вышестоящего суда в порядке, установленном ч.ч. 3, 4, 6 ст. 125 УПК РФ, в соответствии с которыми указанный вопрос рассматривается в судебном заседании с участием сторон, неявка которых в случае их своевременного извещения и не настаивающих на рассмотрении дела с их участием, не является препятствием для рассмотрения.

При вынесении постановления об изменении территориальной подсудности уголовного дела в отношении П. указанные нормы уголовно-процессуального закона не соблюдены»¹⁰. Данные обстоятельства были положены Президиумом Верховного Суда РФ в основу отмены состоявшихся судебных решений и были признаны им в качестве существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства, влекущих отмену приговора суда нижестоящей ин-

станции. Кроме того, как следует из данного постановления, нарушений уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела, признаваемых судебной практикой в качестве существенных, гораздо больше. Безусловно, включить их все в действующее процессуальное законодательство очень сложно, да и нецелесообразно. Однако выделить какие-то наиболее общие и существенные черты, которые могли бы быть критерием определения степени существенности нарушений процессуального законодательства, было бы, думается, целесообразно.

Конституционным Судом РФ ранее была сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой «до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство пересмотр в порядке надзора по жалобе потерпевшего, его представителя и по представлению прокурора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, допускается лишь в течение года по вступлении их в законную силу»¹¹. Данная позиция по существу запрещала суду надзорной инстанции как изменять в сторону ухудшения, так и отменять приговор с последующим направлением дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд.

Эта позиция органа конституционного контроля, основанная на требованиях Основного закона, состоит в распространении на надзорное производство, так же как и на кассационное производство, положения о возможности поворота к худшему для осужденного или оправданного. Такая возможность возникнет при наличии двух условий. Первое из них – наличие существенных (фундаментальных) нарушений закона, повлиявших на результат рассмотрения дела по существу. Вторым основанием является позиция стороны обвинения, которая настаивает на слишком мягком приговоре. В частности, Конституционный Суд РФ указал в п. 4.2.: «ст. 405 УПК РФ в той мере, в какой в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, ведущие к неправоначальному разрешению дела... не соответствует Кон-

⁹ Смирнов В.А. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор. [Электронный ресурс]: URL: <http://buisky.kst.sudrf.ru/>. (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 43-П16. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vsrif.ru/second.php>. (дата обращения: 18.11.2024).

¹¹ Подделу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

ституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19, 21, 46 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 123 (часть 3)»¹².

Такая позиция Конституционного Суда РФ объясняется вполне рационально. В соответствии с принципом судебной защиты, право на свободу обжалования приговоров имеет целью предоставить обвиняемому возможность не опасаться ухудшения своего положения ввиду подачи жалобы в свою защиту в вышестоящий суд, который имеет полномочие к пересмотру состоявшихся судебных решений.

Нельзя не принять во внимание и правовую позицию Конституционного Суда РФ, который говорит о повороте к худшему при пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда именно по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора¹³.

УПК РФ не предусматривает возможность поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора. Из этого правила законодатель установил исключения, которые предусмотрены ст. 401.6 УПК РФ. Данная норма расположена в главе, предусматривающей рассмотрение уголовного дела в суде кассационной инстанции. В соответствии с данной нормой пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Это же правило распространяется и на рассмотрение уголовного дела в суде надзорной инстанции. Исходя из данной законодательной нормы, такой пересмотр допустим также в течение одного года со дня вступления судебного решения в законную силу.

Правило, согласно которому вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда могут быть отменены по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, только при условии, что на эти основания прямо ссылались в своих жалобах и представлениях участники уголовного процесса со стороны обвинения, сопряжено с ограничением ревизионного начала. «Изложенные в кассационных и надзорных ходатайствах потерпевшего, его представителя и прокурора требования задают пределы рассмотрения судом уголовного

дела, ограничивают полномочия суда по принятию решений, связанных с ухудшением положения стороны защиты»¹⁴.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом любое ухудшение положения стороны защиты, связанное с пересмотром вступившего в законную силу судебного решения, допустимо лишь в течение одного года с момента его вступления в законную силу (ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ). Следовательно, все вышеизложенные правила, ограничивающие поворот к худшему определенными условиями, применяются только в течение годичного срока с момента вступления приговора в законную силу. По истечении данного срока запрет поворота к худшему приобретает абсолютный характер.

Основным отличительным признаком правила о недопустимости поворота к худшему, содержащегося в ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ, является не обеспечение свободы обжалования. Этот признак следует рассматривать в качестве гарантии другого принципа - правовой определенности. Принцип правовой определенности позволяет исключить продолжительный, растягивающийся на годы период пересмотра судебных актов, что фактически делает их неисполнимыми, судебную практику не стабильной, а достижение целей правосудия весьма призрачными. Установление законом срока эти проблемы исключает. В этом заключается разница между различными условиями обжалования, которые предусмотрены для апелляционного, кассационного и надзорного порядков обжалования.

Действующее законодательство предоставляет право судам кассационной и надзорной инстанций отменять обжалуемые судебные решения с направлением уголовных дел прокурору и в нижестоящие суды на новое рассмотрение. В таких условиях свободу обжалования стороне защиты обеспечивает правило о том, что усиление наказания или применение закона о более тяжком преступлении при рассмотрении дела судом первой (апелляционной) инстанции допускается лишь при условии, что первоначальный приговор был отменен по жалобе потерпевшего, его представителя или представлению прокурора.

Итак, при рассмотрении оснований отмены (изменения) судебного решения в надзорной инстанции мы пришли к следующему выводу. В настоящее время в положениях действующего законодательства содержатся неопределенность относительно оснований такой отмены или изменения судебного решения. Положения действующего законодательства, отсылочный элемент которых превалирует в положениях главы 48.1 УПК РФ, не восполняет существенных пробелов процессуального регулирования. Это позволяет слишком широко применять судеб-

¹² По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Там же.

¹⁴ Дикарев И.С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 19.

кое усмотрение при разрешении жалоб и представлений в суде надзорной инстанции. Думается, уточнение оснований для отмены судебных решений требует своего незамедлительного решения.

Библиографический список

1. Дикарев И.С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 60-62.
2. Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 49-52.
3. Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. – М., 2005. – 947 с.
4. Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 33 с.
5. Обухов И.И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалобы или представления требованиям УПК РФ: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Сыктывкар, 2010. – 26 с.
6. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дисс. ...докт. юрид. наук. – Москва, 2013. – 67 с.

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АЛИТУРЛИЕВ АСЛАН САНДЫБАЙУЛЫ

аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», 460018 г. Оренбург, проспект Победы, 13, asik_aas@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ КАК СУБЪЕКТОВ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ALITURLIEV ASLAN SANDUBAYULU

postgraduate student of the Department of Civil Law and Process Orenburg State University, 460018 Orenburg, Pobedy Avenue, 13, asik_aas@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF MULTINATIONAL CORPORATIONS AS SUBJECTS OF FOREIGN TRADE ACTIVITY

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового положения транснациональных корпораций, касающихся в первую очередь их понятия, значения и правосубъектности.

Ключевые слова: глобализация, либерализация, государство, режим, транснациональный капитал, юридическое лицо, транснациональная корпорация, структура, правосубъектность, национализация.

Annotation. The article is devoted to highlighting some issues of the legal status of transnational corporations, primarily concerning the concept, meaning and legal personality of such companies.

Keywords: globalization, liberalization, state, regime, transnational capital, legal entity, transnational corporation, structure, legal personality, nationalization.

Рассматривая современное правовое положение транснациональных корпораций (ТНК), прежде всего, важно отметить, что они оказывают значительное влияние на мировую экономику¹. В частности, в начале 2000-х годов транснациональные компании контролировали свыше 50% мирового промышленного производства, более 60% международной торговли и почти 90% прямых зарубежных инвестиций², а на данный момент их влияние возросло ещё на 10 процентов. При этом можно смело утверждать, что практически вся торговля сырьем (нефтью, газом, золотом, ураном, титаном, алмазами, зерном) на мировых рынках осуществляется под контролем ТНК.

Global 2000 составляет ежегодные рейтинги крупнейших компаний мира по четырем следующим показателям: объемам продаж, прибыли, активам и рыночной стоимости. Три первых места в списке 2023

года принадлежали Citigroup, General Electric и American International Group. В десятку самых крупных компаний входят банк США JPMorgan, три государственных китайских банка, а также такие технологические гиганты, как Apple и Alphabet. В совокупности на транснациональные корпорации в 2023 году приходилось 50,8 трлн долларов продаж, 4,4 трлн долларов прибыли, 231 трлн долларов активов и 74 трлн долларов рыночной стоимости³.

Профессор В.Ю. Катасонов объясняет сложившуюся ситуацию следующим образом: «В конце XX века процессы глобализации начали стремительно развиваться. На первый взгляд, глобализация кажется объективным явлением, возникающим в результате прогресса науки, техники и производительных сил. Однако при более глубоком анализе становится очевидным, что её движущими силами являются субъек-

¹ Якименко К.С. Правовая природа транснациональных корпораций как субъектов международного частного права // Тенденции развития науки и образования. 2021. 80-4. С. 144.

² Парфёнов Д.А. Современные формы неокOLONиальной экономической эксплуатации // POLITPROS.COM. --2014. - № 1 (78). [Электронный ресурс] <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3028> (дата обращения: 01.12.2024).

³ [Электронный ресурс] <https://www.forbes.com/lists/global2000/?sh=1f0b3ca35ac0> (дата обращения: 01.12.2024).

тивные интересы транснационального капитала, стремящегося к разделу и перераспределению мировых ресурсов, а также к установлению своего влияния на глобальном уровне. Основным препятствием на этом пути выступают национальные государства. В то же время «глобализация» имеет свою обратную сторону — «либерализацию». Под предлогом либерализации скрывается намерение ослабить или уничтожить национальные государства, которые всё еще отражают интересы общества. На смену этим государствам приходит транснациональный капитал, который может объявить о завершении либерализации и установить тоталитарный режим или диктатуру»⁴.

Вышеизложенное мнение профессора В.Ю. Катасонова подтверждается данными, приведенными в статье независимого исследователя С. Смирнова, который утверждает, что все страны мира, включая Россию и другие постсоветские государства, находятся под контролем транснациональных корпораций (ТНК). Транснациональный капитал обратил внимание и на Казахстан, обладающий значительными ресурсами. После обретения независимости республика одной из первых на постсоветском пространстве начала привлекать иностранные инвестиции, передавая крупные предприятия ключевых отраслей в трастовое управление, что впоследствии привело к их приватизации и созданию новых производств с полным участием иностранных инвесторов. Интенсивная эксплуатация природных ресурсов стала основной экономической политикой⁵.

Категория «транснациональная корпорация» широко используется в экономической и юридической науке и практике, а также в методологических целях. Как доктринальное и прикладное правовое определение оно применяется в национальном и международном публичном праве для обозначения субъекта деятельности, воздействующего на лиц, входящих в его организационную структуру.

Транснациональные корпорации по своей сути являются социально-экономическим субъектом хозяйственных отношений и одновременно договорной формой реализации права коммерческих (корпоративных) организаций на осуществление предпринимательской деятельности. Они не являются самостоятельным видом юридических лиц по российскому гражданскому законодательству и не обладают качествами субъекта частного права (правосубъектностью).

Транснациональная корпорация (ТНК) — компания, которая имеет производственные мощности и операции в нескольких странах, управляемые из единого центра. Это позволяет ей эффективно распределять ресурсы, оптимизировать производственные процессы и адаптироваться к различным рынкам. В некоторых источниках ТНК определяется как кор-

порация, для которой международный бизнес является значительной частью её деятельности, что подчеркивает её глобальную природу и влияние на экономику стран, в которых она работает. ТНК играют важную роль в процессе глобализации, способствуя обмену технологиями, инвестициями и рабочей силой между различными регионами мира⁶.

Участие в транснациональных корпорациях выступает в качестве опосредованного юридического механизма реализации права на занятие предпринимательской деятельностью корпоративными коммерческими организациями. Право на участие в ТНК является производным результатом осуществления хозяйственной компетенции, которая проявляется в интеллектуальном и волевом патернализме группы корпоративных организаций в экономическом промысле другого (основного, материнского) юридического лица.

Следовательно, транснациональную корпорацию составляют коммерческие организации, имеющие юрисдикцию в разных государствах, которые объединились для ведения совместной хозяйственной деятельности на основе и по правилам договора простого товарищества.

Классифицировать различные транснациональные корпорации и организации, входящие в их структуру, следует с учетом видового разнообразия заключаемых ими договоров простого товарищества (о совместной деятельности). Именно такие договоры определяют правовые формы общей деятельности и устанавливают иерархию взаимных отношений организаций. Этого критерия, на наш взгляд, вполне достаточно для достижения социально-экономических целей и осуществления деятельности транснациональной корпорации любого вида, поскольку их видовые различия не меняют единой основополагающей юридической первоосновы — договора простого товарищества (о совместной деятельности). При этом не ставится под сомнение природа ТНК как механизма осуществления хозяйственной деятельности юридическими лицами, составляющими ее организационную структуру.

Согласно действующей концепции российского законодательства, отношения между государствами и компаниями имеют гражданско-правовой характер. Вопрос правосубъектности транснациональных корпораций (ТНК) является предметом дискуссий в научной среде. Существует две основные позиции по этому вопросу:

1. Признание за ТНК правосубъектности, что позволяет им действовать как самостоятельным субъектам права⁷.

2. Непризнание правосубъектности ТНК, поскольку все её члены уже обладают правосубъектностью. В

⁴ Катасонов В.Ю. Государства нагибает международная юридическая мафия // Свободная пресса. 08.05.2018. [Электронный ресурс] <https://www.business-gazeta.ru/article/381770> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ Смирнов С. ТНК в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 4 (46). С. 66.

⁶ Экономика транснациональной компании: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям 087502 Экономика и упр. на предприятии (по отраслям) / А.И. Михайлушкин, П.Д. Шимко. Москва: Высшая школа, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). С. 24.

⁷ Нигматов К.И. Транснациональные корпорации как субъекты современного международного права и обеспечение прав человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19 № 6. С. 77-86.

этом случае наделение ТНК правосубъектностью может привести к излишнему расширению её полномочий и приближению к статусу государства, несмотря на отсутствие у ТНК многих признаков, характерных для государственных структур⁸.

Иногда при обсуждении правосубъектности ТНК акцентируется внимание на концепции групповой правосубъектности, что подразумевает, что ТНК может действовать как единое целое, объединяя права и обязанности своих членов⁹.

Достигая своих целей и отстаивая собственные интересы, транснациональные корпорации часто действуют наперекор потребностям международного экономического правопорядка публичным интересам, которые должны отстаивать государства. ТНК создают собственный автономный правопорядок путем заключения договоров друг с другом и с государствами-реципиентами инвестиций. Таким образом, они сами вырабатывают нормы поведения, которые находятся за рамками и внутреннего права, и международного права, не охватываясь ни тем, ни другим¹⁰. В связи с этим сегодня уже на международный уровень вышла серьезная проблема эффективности правового регулирования и контроля деятельности транснациональных корпораций¹¹.

Кроме того, недопустимо также признание некой «договорной правосубъектности» или каких-то элементов (части) правоспособности за некими структурными образованиями, которые по гражданскому законодательству РФ не являются субъектами частного права, включая и различные группы сопряженных юридических лиц, связанных между собой обязательственными (договорными) или властно-административными юридическими отношениями¹².

Документы, являющиеся источниками международного публичного права, не могут наделять правоспособностью и, тем более, какой-то ее частью, структурные образования, действующие на территории России и не являющиеся субъектами частного права по российскому законодательству. Вместе с тем такие акты могут влиять на содержание правоспособности указанных лиц и устанавливая ее пределы, не превышая возможных границ осуществления прав, допускаемых российским законодательством.

На юридические лица, подпадающие под определение транснациональных корпораций, действующих на территории РФ, распространяются национальные нормы об их участии в частноправовых отношениях, а также принципы осуществления ими субъективных гражданских прав. Кроме того, в соответствии с требованиями международного публичного права такие организации должны руководствоваться следующими концептуальными идеями: принципом друже-

ственности политическому режиму страны пребывания и принципу межгосударственного синергизма.

Содержание принципа дружественности политическому режиму страны пребывания проявляется в следующем. Целевая деятельность ТНК в целом, и акты, совершаемые юридическими лицами, организационно входящими в ее структуру, должны соответствовать общественным установкам и социальному характеру политики государства, принимающего инвестиции. Транснациональные корпорации не должны вмешиваться во внутренние дела государства и не могут совершать действий, а также применять такие формы и механизмы осуществления субъективных прав, которые ухудшают условия, установленные национальным правопорядком и обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека и гражданина.

Содержание принципа межгосударственного синергизма выражается в том, что государства, на территории которых действуют ТНК, должны сотрудничать по вопросам, имеющим значение для самой возможности существования таких юридических лиц и, прежде всего, по проблемам юридической судьбы имущества, принадлежащего им на праве собственности в том случае, если организация на основании акта органа государственной власти лишается права собственности на имущество, в том числе и путем передачи этого имущества другому лицу. Реализация принципа межгосударственного синергизма обеспечивается возможностью соответствующего юридического лица требовать возмещения стоимости такого имущества и понесенных им убытков, а также возможностью судебного обжалования действий государственных органов. По своему содержанию законодательство Российской Федерации соответствует указанному принципу деятельности ТНК, закреплённому в международных актах.

Наряду с принципами осуществления гражданских прав указанные концептуальные идеи следует относить к характеристике правоспособности юридических лиц, организационно входящих в транснациональные корпорации, наравне с иными их особенностями.

Итак, на основании изложенного следует заключить, что деятельность транснациональных корпораций приносит не только какие-то блага людям, но и направлена на систематическое получение высокой прибыльности любыми способами, на выкачивание ресурсов с данной территории, на разрушение национальных государств и всего, что с ними связано. Противостоять этим глобальным структурам в сложившихся в мире условиях достаточно сложно, а, может быть, и вообще невозможно. Един-

⁸ Колмыков В.В. Правовая природа транснациональных корпораций как субъектов права // Вестник науки. 2024. № 12 (81) Том 2. С. 545-552.

⁹ Карлович О.Г. Роль и место транснациональных корпораций в системе негосударственных участников международных отношений // Международные отношения. 2017. № 1. С. 144-122.

¹⁰ Международное экономическое право в эпоху глобализации / В.М. Шумилов; Всероссийская акад. внеш. торговли. Москва: Международные отношения, 2003. С. 78.

¹¹ Антонова П.А., Макаревич М.Л. Вопросы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 1 (19). С. 13-14.

¹² Гигинейшвили М.Т. Правосубъектность транснациональных корпораций // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6.

ственный вариант ослабить давление транснационального капитала, который к тому же можно реализовать только на международном уровне, - внести изменение в текст Хартии экономических прав и обязанностей государств¹³. Так, первое предложение подпункта «с» пункта 2 статьи 2 указанного акта нужно изложить в следующей редакции: «Нацио-

нализовать или иным образом распоряжаться имуществом, принадлежащим на праве собственности частым иностранным лицам и находящимся на территории принимающего инвестиции государства». И было бы совсем замечательно, если бы указанный пункт состоял бы только из одного этого предложения¹⁴.

Библиографический список

1. Антонова П.А., Макаревич М.Л. Вопросы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2017. - № 1 (19). – С. 12-18.
2. Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности // Russian Journal of Economics and Law. - 2022. - Том 16. - № 3. - С. 598-609.
3. Колмыков В.В. Правовая природа транснациональных корпораций как субъектов права // Вестник науки. – 2024. - № 12 (81) Том 2. - С. 545-552.
4. Карпович О.Г. Роль и место транснациональных корпораций в системе негосударственных участников международных отношений // Международные отношения. – 2017. - № 1. – С. 144-122.
5. Катаонов В.Ю. Государства нагибает международная юридическая мафия // Свободная пресса. - 08.05.2018.
6. Международное экономическое право в эпоху глобализации [Текст] / В.М. Шумилов; Всероссийская акад. внеш. торговли. - Москва: Международные отношения, 2003. - 271 с.
7. Нигматов К.И. Транснациональные корпорации как субъекты современного международного права и обеспечение прав человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. - Т. 19 № 6. - С. 77-86.
8. Смирнов С. ТНК в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. - № 4 (46). – С. 66-73.
9. Экономика транснациональной компании: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям 087502 Экономика и упр. на предприятии (по отраслям) / А.И. Михайлушкин, П.Д. Шимко. - Москва: Высшая школа, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 334 с.
10. Якименко К.С. Правовая природа транснациональных корпораций как субъектов международного частного права // Тенденции развития науки и образования. – 2021. - 80-4. - С. 142-145.

Рецензент: Ефимцева Т.В., заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3281 (XXIX) от 12.12.1974 «Хартия экономических прав и обязанностей государств» [Электронный ресурс] <https://docs.cntd.ru/document/1900694> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁴ Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Том 16, № 3. С. 598-609.

ЛАПОЧКИНА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОПУСКА ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

LAPOCHKINA ELENA PETROVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of constitutional and international law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

INTERNATIONAL LEGAL AND DOMESTIC ASPECTS OF ADMISSION OF FOREIGN LABOR

Аннотация: В статье на основе анализа действующих норм международного права, норм права Российской Федерации, отечественной доктрины, практики исследуются актуальные вопросы, связанные с допуском иностранной рабочей силы на территорию Российской Федерации.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование трудовой миграции, трудящийся-мигрант, иностранная рабочая сила, допуск иностранной рабочей силы, миграционное законодательство

Summary: Based on the analysis of the current norms of international law, the norms of the law of the Russian Federation, domestic doctrine, and practice, the article examines topical issues related to the admission of foreign labor to the territory of the Russian Federation.

Keywords: international legal regulation of labor migration, migrant worker, foreign labor, admission of foreign labor, migration legislation

На современном этапе экономического развития миграция является естественным процессом, характерным для всего международного сообщества, наиболее интенсивно миграция развивается в рамках отдельных интеграционных объединений. В Российской Федерации в общем объеме иммиграционных потоков большой удельный вес занимает миграция иностранной рабочей силы. При этом следует отметить, что Российская Федерация по-прежнему остается в основном импортером, а не экспортером рабочей силы. В таких условиях особую актуальность продолжают сохранять проблемы, связанные с законодательным регулированием процессов привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы. В нашей стране отсутствует специальный федеральный закон в отношении трудящихся-мигрантов. К тому же Российская Федерация до сих пор не является участницей конвенций о трудящихся-мигрантах, принятых под эгидой ООН и МОТ.

Вместе с тем в Российской Федерации к настоящему времени создана определенная правовая база в области использования труда иностранных граждан, установлены порядок и условия привлечения иностранной рабочей силы. К числу основополагающих источников, в которых содержатся нормы, регулирующие отдельные вопросы внешней трудовой миграции, в первую очередь, необходимо отнести подписанный 29.05.2014 г. в Астане Договор о Евразийском

экономическом союзе и Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Однако практика привлечения и использования иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации свидетельствует о наличии проблем в правовом регулировании указанной сферы. Данные проблемы носят комплексный характер и затрагивают такие вопросы как: соблюдение прав самих трудящихся-мигрантов, борьба с нелегальной трудовой миграцией, допуск иностранной рабочей силы на территорию Российской Федерации и миграционный контроль. Самостоятельной проблемой, хотя и не относящейся непосредственно к вопросам привлечения и использования иностранной рабочей силы, но тесно с ними связанной, является отсутствие должного внимания со стороны российского законодателя к вопросу правового регулирования внутренней трудовой миграции. Вместе с тем развитие внутренней трудовой миграции должно стать одной из приоритетных задач нашего государства, поскольку позволит в значительной степени обеспечить права российских граждан в области занятости. Как отмечает И. В. Ивахнюк, основная цель в области трудовой миграции – создание работающей (не игнорируемой российскими работодателями и мигрантами) модели привлечения иностранной рабочей силы, которая вытекала бы из реальных потребностей российского рынка труда, не ущемляя прав российских работни-

ков, и при этом гарантировала права трудовых мигрантов¹. В этой связи актуальной задачей является определение реального дефицита кадров на рынке труда Российской Федерации, оценка возможностей перераспределения имеющихся национальных трудовых ресурсов и, исходя из этого – потребности в привлечении иностранной рабочей силы.

На универсальном международном уровне создана достаточная правовая база в области регулирования вопросов внешней трудовой миграции. Первым наиболее значимым документом является Конвенция МОТ о трудящихся-мигрантах 1949 г. (пересмотренная)². Российская Федерация не участвует. Основная цель Конвенции – регламентация условий, обеспечивающих законную миграцию трудящихся, и равенство обращения в определенных сферах наравне с гражданами того или иного государства. Конвенция также содержит ряд важных положений, устанавливающих обязанность для ратифицировавших ее государств, предоставлять соответствующую информацию. Так, в соответствии со ст. 1 Конвенции государства обязуются по требованию Международного Бюро Труда (МБТ) или любого другого члена МОТ (по смыслу Конвенции запросить информацию может даже тот член МОТ, который не является участником данной Конвенции) предоставить в их распоряжение:

«а) сведения о политике и законодательстве его страны в области эмиграции и иммиграции;

в) сведения об особых положениях, касающихся миграции в целях трудоустройства, а также об условиях труда и жизненных условиях трудящихся-мигрантов;

с) сведения об общих соглашениях в области мероприятий, принятых данным членом Организации по этим вопросам».

Важность данных положений очевидна, поскольку позволяет иметь представление о состоянии дел в области трудовой миграции в соответствующих странах.

Второй по значимости и по времени принятия является Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975г.³. Российская Федерация не участвует в данной Конвенции, однако значимость данного соглашения состоит в том, что многие ее положения в той или иной мере отражаются во внутреннем законодательстве ряда государств, в том числе и Российской Федерации. Раздел I Конвенции касается злоупотреблений в области миграции, основное его значение состоит в том, что он содержит обязательство государств-участников соблюдать в отношении трудя-

щихся-мигрантов основные права человека. Одновременно в этом Разделе содержится ряд положений, направленных на пресечение нелегальной миграции. В частности, в нем говорится о необходимости принятия соответствующих мер как на международном, так и на национальном уровнях, направленных на пресечение нелегальной миграции и нелегального найма мигрантов, а также на установление ответственных лиц, нанимающих незаконно иммигрирующих трудящихся, и лиц, которые организуют нелегальное движение мигрантов.

Что касается мер, направленных на пресечение тайного миграционного движения и выявления незаконной занятости, то их принятие Конвенция № 143 относит, в основном, к юрисдикции самих государств. Согласно ст. 3 Конвенции каждый член МОТ должен принять все необходимые меры, как в рамках своей юрисдикции, так и в сотрудничестве с другими государствами-членами:

«а) для пресечения тайного миграционного движения и незаконного найма мигрантов;

в) против организаторов незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу, начинается ли это движение с его территории, проходит ли через его территорию или прибывает на нее, а также против тех, кто нанимает трудящихся, иммигрирующих в незаконных условиях».

Примечательным здесь является то, что обязанность принятия указанных мер адресуется не только участвующим в Конвенции государствам, а каждому члену МОТ.

Еще одной важной Конвенцией в области трудовой миграции является Международная Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990г., принятая под эгидой ООН⁴. Российская Федерация не участвует. На настоящий момент данная Конвенция является наиболее полным и всеобъемлющим документом, который мог бы иметь универсальное применение. В ней не только говорится о правах человека вообще и всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, но и содержатся положения, применяемые к конкретным категориям трудящихся-мигрантов и членам их семей. Государство, которое ратифицирует данную Конвенцию или присоединится к ней, не может исключить применение любой ее части, или исключить ее применение в отношении какой-либо отдельной категории трудящихся-мигрантов. В связи с этим, в правах трудящихся-мигрантов и членов их семей, предусмотренных данным документом, не может быть отказано. Ограничение в силу какого-либо контракта прав, признанных в Конвенции, не допускается. Однако, необходимо отметить, что данный документ

¹ Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/1dc/1dcc72a85ade745d88e727db92284966.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

²Конвенция № 97 о трудящихся-мигрантах 1949 г. (пересмотренная): Международная Организация Труда. Конвенции и рекомендации (1919-1990). Женева, 1991. Т.1. С. 965-981.

³Конвенция № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975г.: Международная Организация Труда. Конвенции и Рекомендации (1919-1990). Т.2. С. 1779-1786.

⁴ Международная Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на 45-ой сессии. Нью-Йорк: ООН. Т.1.ст. 355-372.

не затрагивает права каждого государства-участника устанавливать критерии, регулирующие допуск трудящихся-мигрантов и членов их семей на свою территорию.

Таким образом, можно констатировать, что правовое регулирование вопросов допуска иностранной рабочей силы на свою территорию находится в компетенции каждого принимающего государства. Такое регулирование осуществляется внутренним законодательством с учетом принятых государством международно-правовых обязательств в соответствии с заключенными, в том числе в рамках интеграционных объединений, международными договорами, и напрямую зависит от проводимой государством миграционной политики на определенном этапе.

В соответствии со ст. 18.1. Федерального закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» Правительство Российской Федерации ежегодно определяет потребность в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, с учетом политической, экономической, социальной и демографической ситуации. Правительство Российской Федерации также устанавливает квоту на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности и квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу⁵. Правила подготовки предложений по определению потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, и утверждения соответствующих квот регулируются Постановлением Правительства РФ от 12.09.2013 N 800 (ред. от 17.04.2024) «Об утверждении Правил подготовки предложений по определению потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, и утверждению квоты на выдачи иностранным гражданам приглашений на въезд в Российской Федерации в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим на территорию Российской Федерации на основании визы, разрешений на работу». В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.11.2023 N 1980 на 2024 г. была установлена потребность в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в количестве 155929 человек и в таком же количестве утверждены квоты на выдачу приглашений на въезд и разрешений на работу.

Следует отметить, что положения данного федерального законодательства применяются с учетом принятых международно-правовых обязательств. Так, в соответствии со ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе работодатели государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Государства-члены (государствами-членами ЕАЭС являются: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация) не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных настоящим Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания⁶. Граждане государства-члена при въезде на территорию другого государства-члена в случаях, предусмотренных законодательством государства въезда, используют миграционные карты, если иное не предусмотрено отдельными международными договорами государств-членов. Граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда. Срок временного пребывания трудящегося государства-члена и членов семьи на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. В отношении граждан государств-членов, законно находящиеся на территории другого государства-члена, установлено право изменения цели въезда без выезда за пределы государства трудоустройства, если для осуществления трудовой деятельности необходимо изменить цель пребывания в государстве трудоустройства.

Согласно статистическим данным Евразийской экономической комиссии, Российская Федерация является лидером как принимающее государство («государство въезда»). Так, численность граждан государств-членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну за I полугодие 2024 г. составляет: из Республики Армения – 116756; из Республики Беларусь – 52745; из Республики Казахстан – 86081; из Кыргызской Республики – 584431. Общая численность въехавших граждан государств-членов за I полугодие 2024 г. составляет 840013 чело-

⁵ Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс.

⁶ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29.05.2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения: 18.11.2024).

век⁷. Для сравнения за I полугодие 2023 г. число въехавших в Российскую Федерацию составляет: из Республики Армения – 48104; из Республики Беларусь – 18120; из Республики Казахстан – 25515; из Кыргызской Республики – 206405. Общая численность въехавших граждан государств-членов за I полугодие 2023 г. составляет 298144 человек. Таким образом, динамика показывает увеличение числа въехавших почти в три раза.

В то же время, по разным подсчетам количество нелегальных мигрантов в Российской Федерации составляет 3-4 млн. человек, что несопоставимо с приведенными выше цифрами⁸. Вопросы внешней трудовой миграции и проблемы нелегальной миграции всегда были предметом пристального внимания. Наличие большого количества нелегальных иммигрантов, продолжение их проникновения на территорию Российской Федерации порождают организационные, правоохранные и финансовые трудности, создают угрозу национальной безопасности страны с криминогенной и санитарно-эпидемиологической точек зрения и в определенной степени закладывают «демографические мины». Совершенно очевидно, что миграционная политика в сфере противодействия нелегальной миграции должна быть направлена на максимальное ужесточение санкций в отношении лиц, организующих нелегальную миграцию и лиц, использующих труд нелегальных мигрантов, а сами нелегальные мигранты должны лишаться права въезда на территорию Российской Федерации.

Если рассматривать положения российского законодательства относительно сроков временного пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, въезжающих без цели осуществления трудовой деятельности, то в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 5 Федерального закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных данным Федеральным законом. Безвизовый режим устанавливается на основании заключенных многосторонних и двусторонних соглашений. Такие соглашения заключены, например, с государствами-участниками СНГ. Представляется, что положения абз. 2 п. 1 ст. 5 Федераль-

ного закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» нуждаются в пересмотре, поскольку установленный в нем порядок может использоваться при организации нелегальной челночной трудовой миграции.

Как уже было указано выше регулирование вопросов допуска иностранной рабочей силы напрямую зависят от миграционной политики принимающего государства. Положения действующей Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы утверждены Указами Президента РФ от 31.10.2018 № 622⁹ и от 12.05.2023 № 342¹⁰. Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России. Одним из основных принципов миграционной политики является приоритет интересов Российской Федерации и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории. Одним из направлений миграционной политики является повышение эффективности мер регулирования численности привлекаемых иностранных работников, в том числе исходя из реальной ситуации на российском рынке труда и тенденций ее изменения с учетом потребностей экономики Российской Федерации и интересов ее граждан, а также развитие механизмов организованного привлечения иностранных работников. В развитие положений Концепции был разработан и утвержден План мероприятий по ее реализации в 2024-2025 годах¹¹. В п. 37 и 38 предусмотрено проведение Федеральной службой охраны Российской Федерации и Федеральным агентством по делам национальностей исследований общественного мнения о миграционных процессах в РФ и исследований по оценке состояния межнациональных отношений, по итогам которого должны быть представлены Правительству РФ доклады, содержащие показатели, которые характеризуют уровень защищенности граждан РФ от внутренних и внешних угроз, с учетом миграционной ситуации и состояния межнациональных отно-

⁷ Сведения о численности граждан государств-членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/migration/statistical_data.php?ysclid=m3mрхс7r9320494 (дата обращения: 18.11.2024).

⁸ Глава института РАН назвала оценки числа нелегальных мигрантов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c5dfca9a794768ad46dd4d?ysclid=m3mзdk2aw1939374026> (дата обращения: 18.11.2024).

⁹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // СЗ РФ. 2018. N 45. Ст. 6917.

¹⁰ Указ Президента РФ от 12.05.2023 N 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. N 622» // СЗ РФ. 2023. N 20. Ст. 3534.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 16.01.2024 № 30-р «О плане мероприятий по реализации в 2024-2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

шений в российском обществе. С целью принятия дополнительных мер в миграционной сфере структурами Министерства внутренних дел РФ разработаны нововведения в миграционное законодательство, которые предполагают введение единого документа для мигрантов, регулируют правила визового и безвизового въезда иностранных граждан, а также вопросы оказания медицинской и иных видов социальной помощи (в частности, возможность подключения трудовых мигрантов к системе обязательного медицинского страхования (ОМС) с 1 января 2023 г.)¹². Согласно плану, входящему в Концепцию миграционной политики с 2024 по 2025 г., в Российской Федерации начался процесс внедрения цифровых профилей мигрантов, которые будут аккумулировать данные, содержащиеся в различных ведомственных системах учета. Исследование тенденций миграционной политики Российской Федерации за период с 1989 по 2023 г., по мнению ряда российских ученых, показало ее гибкость и способность к модификации под влиянием внешних и внутренних факторов с учетом двух приоритетных направлений, касающихся национальной безопасности России и экономического развития страны в условиях дефицита трудовых ресурсов и демографического кризиса¹³. Однако оценка ситуации в области трудовой миграции не столь однозначна. По мнению В.С. Пацевича, отсутствует должная ориентация на баланс интересов таких субъектов, как непосредственно мигранты, работодатели, общество и государство, недостаточно проработаны правовые, институциональные механизмы существующей проблемы¹⁴.

В настоящее время в области правового регулирования процессов, связанных с миграцией, выдвигается достаточно большое количество инициатив¹⁵. Инициативы касаются и запрета на вступление в брак

иностранцев, находящихся в России и не имеющих законных оснований для пребывания в стране (внесенные в реестр контролируемых лиц)¹⁶. Согласно вносимым Федеральным законом от 08.08.2024 N 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» нововведениям в законодательство Российской Федерации оператором реестра контролируемых лиц является федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел. Правительство Российской Федерации устанавливает порядок, сроки и особенности создания, ввода в эксплуатацию, порядок и особенности эксплуатации, функционирования и ведения реестра контролируемых лиц, в том числе порядок включения сведений об иностранном гражданине в реестр контролируемых лиц и исключения сведений о нем из реестра контролируемых лиц, порядок предоставления доступа государственным органам и другим пользователям к информации, содержащейся в реестре контролируемых лиц, а также содержание и сроки реализации этапов мероприятий по созданию, вводу в эксплуатацию и эксплуатации реестра контролируемых лиц¹⁷. Также вносятся законодательные инициативы по регулированию вопросов образования и адаптации мигрантов¹⁸.

Реализация данных инициатив и нововведений является своевременным и необходимым шагом в области миграционной политики, однако следует отметить, что они в большей степени направлены на сглаживание существующих негативных последствий. Вместе с тем, представляется целесообразным уделять особое внимание регулированию вопросов допуска иностранной рабочей силы на территорию Российской Федерации и созданию механизма внутренней трудовой миграции с целью максимального обеспечения национальных интересов.

Библиографический список

1. Пацевич В.С. О некоторых проблемах реализации полномочий по контролю в сфере миграции // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С.149-152.
2. Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023) // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 24-49.

Рецензент: Жукова С.М., доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

¹² Федеральный закон от 08.08.2024 N 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023) // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 42.

¹⁴ Пацевич В.С. О некоторых проблемах реализации полномочий по контролю в сфере миграции // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С.150.

¹⁵ В Думе предложили Правительству 10 «незамедлительных» мер по мигрантам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2024/673b2be69a79475634584381?ysclid=m3qut5u79q303924844> (дата обращения: 21.11.2024).

¹⁶ Свадьбы не будет: нелегальные мигранты не смогут вступать в брак в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/11/13/sostoiashchim-v-reestre-kontroliruemyh-lic-migrantam-zapretiat-braki-v-rossii.html?ysclid=m3qvfrcubn293371635> (дата обращения: 21.11.2024).

¹⁷ Федеральный закон от 08.08.2024 N 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Ирина Яровая: комиссия ГД готовит изменения в законодательство, связанные с вопросами образования и адаптации мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/59990/>. (дата обращения: 21.11.2024).

ХАБИБУЛЛИНА АННА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, neverova_oren@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА

HABIBULLINA ANNA SERGEEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of administrative and financial law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, neverova_oren@mail.ru

INFLUENCE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE LEGAL REGULATION OF THE LABOR ACTIVITIES OF A TEACHING WORKER

Аннотация: Указанная статья посвящена вопросам влияния решений Конституционного суда РФ на формирование законодательства о труде педагогических работников. В частности, особое внимание уделено Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2022 № 32-П, в соответствии с которым рассматривался вопрос соответствия ст. 332 ТК РФ, закрепляющей порядок заключения трудового договора с научно-педагогическим работником по результатам конкурса, Конституции РФ.

Ключевые слова: трудовой договор, срочный трудовой договор, научно-педагогический работник, избрание по конкурсу, увольнение в связи с истечением срока, Конституционный суд РФ.

Annotation: This article is devoted to the issues of the influence of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the formation of legislation on the labor of teaching staff. In particular, special attention is paid to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 15, 2022 No. 32-P, in accordance with which the issue of compliance with Art. 332 of the Labor Code of the Russian Federation, which establishes the procedure for concluding an employment contract with a scientific and pedagogical worker based on the results of a competition, was considered, Constitution of the Russian Federation.

Keywords: employment contract, fixed-term employment contract, scientific and pedagogical worker, election by competition, dismissal due to expiration of the term, Constitutional Court of the Russian Federation.

Любая педагогическая деятельность, в том числе научно-педагогическая, характеризуется особой общественной значимостью, проявляющейся как в воспитательном воздействии на обучающихся, так и в обеспечении возможности реализации ими конституционного права на образование, именно поэтому к правовому регулированию такого вида деятельности должно быть обращено повышенное внимание, в том числе, с точки зрения обоснованности, определенности и справедливости такого регулирования.

2022-2024 годы ознаменованы достаточно частыми обращениями Конституционного суда РФ к определению конституционности ряда положений Трудового кодекса РФ, толкованию его смысла в соответствии с основополагающими принципами права. Указанные события повлекли за собой и существенные изменения в кодифицированном акте.

Так, несколько Постановлений Конституционного суда РФ были посвящены важным вопросам тру-

довой деятельности педагогических работников и даже повлияли в дальнейшем на формирование трудового законодательства, например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2022 № 32-П по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова¹; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 № 49-П по делу о проверке конституционности частей третьей и четвертой статьи 58, части второй статьи 67 и частей первой, второй и девятой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.А. Алебастровой²; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2024 № 40-П по делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133-1 Трудового кодекса Рос-

¹ СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692.

² СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8131.

сийской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.Н. Харюшевой³.

Рассмотрим некоторые из указанных дел и их влияние на формирование нового законодательства о труде.

Гражданин А.А. Подаков с 4 сентября 2006 года по 31 января 2020 года работал в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный университет управления» в должности доцента на основании последовательно заключаемых срочных трудовых договоров со сроком действия с 4 сентября 2006 года по 31 января 2007 года, с 1 февраля 2007 года по 30 июня 2011 года и с 1 июля 2011 года по 30 июня 2013 года. При этом к последнему трудовому договору, заключенному 30 июня 2011 года, сторонами неоднократно заключались дополнительные соглашения о продлении срока его действия. Последнее из таких соглашений заключено 22 августа 2019 года на срок 5 месяцев (с 1 сентября 2019 года до 31 января 2020 года).

31 января 2020 года был уволен по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (в связи с истечением срока трудового договора).

Подаков А.А. пытался оспорить увольнение по указанному основанию, но все суды, включая Верховный Суд РФ, отказали ему в удовлетворении требований со ссылкой на то, что он выразил согласие с условием о срочном характере трудовых отношений. Само же по себе неоднократное заключение срочных трудовых договоров с педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования, по мнению судов, обусловлено особенностями работы данной категории работников и положениям Трудового кодекса Российской Федерации, в частности его статьи 59, не противоречит.

Действительно, редакция статьи 332 ТК РФ (до принятия Федерального закона от 04.08.2023 № 471-ФЗ) содержала следующее положение: «трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора».

Таким образом, по мнению заявителя, указанные формулировки не соответствовали положениям Конституции РФ, так как:

- допускали заключение (продление) трудовых договоров с лицами, избранными по конкурсу на замещение должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, на срок менее одного года, а также на срок, произвольно устанавливаемый работодателем;

- лишали таких лиц стабильной занятости как необходимого условия, обеспечивающего достойную

жизнь и свободное развитие человека;

- нарушали право работника на свободное распоряжение своими способностями к труду;

- не позволяли работникам реализовать право на ежегодный оплачиваемый отпуск и предоставленное педагогическим работникам право на длительный отпуск сроком до одного года;

- не обеспечивали защиту работника как слабой стороны трудового договора;

- предполагали возможность применения данных норм без учета положений отраслевого соглашения.

Действительно, заключение срочного трудового договора в силу ст. 59 ТК РФ возможно лишь в установленных в законе случаях, в частности, если это предусмотрено Кодексом или иными федеральными законами. Также законодатель, преследуя цель защиты трудовых прав работников от злоупотреблений со стороны работодателя, ограничивает максимальную продолжительность срочного трудового договора – до 5 лет, которая распространяется на все случаи заключения срочного трудового договора (за исключением отдельных ситуаций, например, срочного трудового договора с работником, направляемым на работу в представительство Российской Федерации за границей – до 3 лет). Вместе с тем, минимальная продолжительность срока для заключения трудового договора в законодательстве не установлена, что было использовано работодателем в деле с А.А. Подаковым при заключении договоров на семестр или даже месяц.

Интересно то, что суды не считали неоднократное и непродолжительное продление и перезаключение срочных трудовых договоров незаконным, т.к. законодательно закреплен срочный характер взаимоотношений между работником профессорско-преподавательского состава и организацией, а также возможность продления таких отношений. Указанная позиция была еще одним подтверждением того, насколько неоднородна судебная практика в указанном вопросе, которая зависела от нескольких факторов:

- наличие или отсутствие объективных причин заключения именно срочного трудового договора (Определения Свердловского областного суда от 25.12.2019 № 33-21514/2019 и от 03.09.2019 № 33-14774/2019, Вологодского облсуда от 06.05.2016 № 33-2449/2016);

- наличие или отсутствие добровольного согласия работника и работодателя на заключение срочного трудового договора (Определение Архангельского областного суда от 01.10.2018 № 33-6378/2018);

- соблюдение работодателем процедуры увольнения работника по срочным трудовым договорам (Определение Свердловского областного суда от 03.09.2019 № 33-14774/2019).

По итогам проведенного исследования, а также анализа исторических этапов формирования трудового законодательства о конкурсном отборе научно-педагогических работников Конституционный суд РФ постановил выполнить следующее: в кратчайшие

³ СЗ РФ. 2024. № 40. Ст. 6054.

сроки внести в действующее правовое регулирование трудовых отношений с педагогическими работниками, относящимися к профессорско-преподавательскому составу в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, надлежащие изменения, которые – исходя из необходимости обеспечения баланса конституционных прав и свобод сторон трудового договора, а также справедливого согласования их законных интересов – были бы направлены на предоставление указанной категории работников защиты от необоснованного заключения с ними краткосрочных трудовых договоров и произвольного определения работодателем сроков их действия, а также срока, на которые продлевается действие срочного трудового договора при избрании работника по конкурсу на замещение той же должности, в том числе:

установить минимальный срок избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности;

предусмотреть обязанность работодателя заключить с лицом, избранным по конкурсу, трудовой договор (продлить ранее заключенный трудовой договор при избрании по конкурсу на замещение той же должности), срок которого должен быть не менее срока избрания, определяемого в соответствии с локальными актами образовательной организации коллегиальным органом управления, который непосредственно проводит конкурс.

По итогам данных указаний был принят Федеральный закон от 04.08.2023 № 471-ФЗ «О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации»⁴, который закрепил следующие существенные изменения в порядке конкурсного отбора научно-педагогических работников образовательных организаций:

1. При избрании по конкурсу указывается срок избрания.

2. Срок избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности определяется коллегиальным органом управления организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, в соответствии с локальными нормативными актами данной организации.

3. Срок избрания может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет.

4. Если определенная работа носит заведомо срочный (временный) характер, допускается избрание по конкурсу на замещение соответствующей

должности на срок менее трех лет, но не менее чем на один год.

Правовые последствия принятого Конституционным судом РФ Постановления от 15.07.2022 № 32-П для заявителя Подакова А.А. закреплены в гражданском процессуальном законодательстве – это возможность пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи признанием постановлением Конституционного Суда Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации или применение в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, примененного судом в судебном акте нормативного акта либо его отдельного положения в связи с обращением заявителя (подп. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ).

На основании вышеприведенных положений законодательства дело Подакова А.А. было пересмотрено Перовским районным судом г. Москвы, которым был признан незаконным приказ об увольнении, истец был восстановлен в прежней должности, в его пользу также была взыскана компенсация за вынужденный прогул в размере 1 862 070,60 рублей (решение Перовского районного суда города Москвы от 29 марта 2023 года по делу № 2-914/2023, Апелляционное определение Московского городского суда от 25 сентября 2023 года по делу № 33-35210/2023).

Таким образом, Конституционным судом РФ были сформулированы важные выводы, касающиеся специальных норм в сфере труда, которые могут быть применены и для иных оснований отраслевой и профессиональной дифференциации. Так, само по себе установление в федеральном законе особых условий замещения определенных должностей не противоречит конституционным требованиям, если оно предопределено специфическим характером выполняемой работы. Данный вывод следует из положений ч. 3 ст. 3 ТК РФ, которая закрепляет условия дифференциации в сфере труда и проводит разграничение между дифференциацией и дискриминацией. Специальные правовые нормы должны отвечать общеправовому критерию формальной определенности, ясности и недвусмысленности, без чего невозможно их единообразное понимание и применение всеми правоприменителями, поскольку неопределенность правовой нормы ведет к ее неоднозначному пониманию и, следовательно, к возможности ее произвольного применения. Вводимые федеральным законодателем различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по характеру и условиям осуществляемой деятельности категориям, должны быть объективно оправданными, обоснованными и соответствовать конституционно значимым целям.

Рецензент: Черепанцева Ю.С., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

⁴ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6203.

Раздел пятый

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

ПИБАЕВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 610000, Кировская обл., г. Киров, ул. Московская, д. 30, eamerzlyakova@msalkirov.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

PIBAEVA EKATERINA ANDREEVNA

assistant at the Department of State and Legal Disciplines Volga-Vyatka Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 610000, Russia, Kirov, Moskovskaya Street, 30, eamerzlyakova@msalkirov.ru

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF EDUCATION IN RUSSIA: STAGES

Аннотация. Становление и системное развитие цифровых технологий стали вектором происшедших существенных изменений в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе в сфере образования. Ретроспективный анализ отечественного законодательства в области цифровой трансформации образования позволил выявить динамику развития процесса цифровизации образования, начиная с момента появления предцифровых технологий и заканчивая современным состоянием данного процесса. Делается вывод, что цифровизация сферы образования представляет собой концепцию внедрения цифровых технологий если не во все аспекты образовательного процесса, то в большую часть из них, требуя при этом создание гарантированных государством условий для полноценного формирования цифровой компетентности. Согласно авторской интерпретации выделяется шесть этапов развития правового регулирования процесса цифровизации отечественного образования: 1. Признание предцифровых образовательных технологий в советском законодательстве (1890-1974 гг.); 2. Нормативное закрепление «компьютеризации» в учебных заведениях: на пути к цифровизации образования (1974-1991 гг.); 3. Начало цифровизации образования: цифровые и телекоммуникационные технологии (1991-2000 гг.); 4. Правовое реформирование системы образования в начале второго тысячелетия: цифровой вектор перемен (2000-2016 гг.); 5. Новые тенденции государственной образовательной политики - к цифровой образовательной среде (2016-2020 гг.); 6. Цифровая научно-образовательная среда и цифровые права субъектов образовательного процесса в «ковидную» и «постковидную» эпохи (2020-2024 гг.).

Ключевые слова: правовое регулирование; образование; цифровизация; цифровые технологии; цифровая научно-образовательная среда; информационный ресурс; периоды развития.

Review. The formation and systemic development of digital technologies have become the vector of significant changes in various spheres of society including in the field of education. A retrospective analysis of domestic legislation in the field of digital transformation of education made it possible to identify the dynamics of the development of the process of digitalization of education, starting from the emergence of pre-digital technologies and ending with the current state of this process. It is concluded that digitalization of the education sector is the concept of introducing digital technologies, if not into all aspects of the educational process, then into most of them, while requiring the creation of state-guaranteed conditions for the full formation of digital competence. According to the author's interpretation there are six stages in the development of legal regulation of the process of digitalization of domestic education: 1. Recognition of pre-digital educational technologies in Soviet legislation (1890-1974); 2. Regulatory consolidation of «computerization» in educational institutions: on the way to the digitalization of education (1974-1991); 3. The beginning of digitalization of education: digital and telecommunication technologies (1991-2000); 4. Legal reform of the education

system at the beginning of the second millennium: digital vector of change (2000-2016); 5. New trends in state educational policy - towards a digital educational environment (2016-2020); 6. Digital scientific and educational environment and digital rights of subjects of the educational process in the «Covid» and «post-Covid» eras (2020-2024).

Keywords: legal regulation; education; digitalization; digital technologies; digital scientific and educational environment; information resource; periods of development.

Введение.

Постиндустриальная эпоха в свете вызовов цифровой экономики характеризуется увеличением доли применения современных цифровых технологий и платформенных решений в каждой сфере общественной жизни, в том числе и в сфере образования.

Главной целью внедрения в систему российского образования цифровых технологий является создание равных условий для получения качественного образования на всей территории России. Обеспечение данной цели предполагается за счет оснащения образовательных организаций нужной материально-технической базой и информационно-телекоммуникационной инфраструктурой, предоставления им доступа к высокоскоростной сети «Интернет», разработки образовательного контента, развития технологий и решений, позволяющих улучшить образовательный процесс. Педагоги и учащиеся получают доступ к платформе цифровой образовательной среды, включающей информационные системы, цифровые сервисы и ресурсы для обучения, оценки успеваемости, автоматизации процессов, что, в том числе, позволит проводить занятия с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, диагностику образовательных достижений учащихся¹. Такая интеграция цифровых технологий в деятельность образовательных организаций свидетельствует о расширяющихся возможностях образования в России, о трансформации отношений субъектов образовательного процесса. Однако процесс цифровизации образования не получил нормативного закрепления. Учитывая тот факт, что указанные процессы сопряжены с внедрением новейших технологий в информационную сферу (информатизация)², включая сферу образования, под цифровизацией образования считаем справедливо понимать последующий этап информатизации, основанный «на замещении аналоговых технологий работы с данными инновационными технологиями»³.

Вместе с тем генезис содержания термина «цифровизация образования», динамика процесса цифровизации современной системы отечественного образования – все эти вопросы до сегодняшнего дня не нашли должного и всестороннего осмысления в конституционно-правовой доктрине.

Настоящая работа преследует цель рассмотреть в исторической перспективе развитие процесса цифровизации образования, охарактеризовав трансформацию нормативного регулирования и выработав авторскую классификацию периодов (основных этапов) внедрения цифровых технологий в образовательную деятельность. Предметом исследования выступают советские и российские нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере цифровизации образования. Автор использует диалектический метод, позволяющий выявить закономерность развития процесса формирования цифровой образовательной среды, а также определить современное состояние цифровизации образовательных организаций в соответствии с передовым уровнем развития информационно-коммуникационных технологий. Исторический метод применялся в целях создания периодизации развития правового регулирования процесса цифровизации отечественного образования. Для выделения особенностей правового регулирования и выявления принятых государством ключевых правовых актов по исследуемому вопросу в работе использовались такие подходы к их изучению, как системный, функциональный, а также формально-юридический.

1. Признание предцифровых образовательных технологий в советском законодательстве (1890-1974 гг.).

В научной литературе справедливо указывается на существование доцифровых технологий, предшественников инновационных технологий в сфере образования, к которым относятся кино, радио (появившиеся в преподавательской деятельности в конце 1890-х и 1920-х годах), телевидение (внедрилось в образование несколько позже в 1950-х годах)⁴.

Однако такие новшества в домашних условиях были доступны не всем, особенно в сельских, региональных и отдаленных районах, а также не были специально адаптированы для целей обучения. Вместе с тем в данный период времени в государстве произошло осмысление указанных трех технологий, их аудиовизуальных возможностей в процессе обучения.

Так, 24 декабря 1958 года был издан Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»⁵, который в сфере перестройки системы про-

¹ Цифровая образовательная среда получила государственную гарантию качества // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/3233/cifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-poluchila-gosudarstvennuyu-garantiyu-kachestva/> (дата обращения: 08.07.2024).

² Постников А.Е. Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 203.

³ Постников А.Е. Указ. соч. С. 91.

⁴ Пронь К.С., Абусупьянова А.А., Анцыфорова Л.Ю. История развития цифровых технологий в системе образования // Молодой исследователь Дона. 2022. № 3 (36). С. 102.

⁵ Закон СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5.

фессионально-технического образования, вечернего и заочного высшего и среднего специального образования впервые закреплял необходимость расширения производства учебно-технических и научно-популярных кинофильмов и широкого использования радио, телевидения и других современных научно-технических средств. В сфере высшего образования Совету Министров СССР и советам министров союзных республик постановлено осуществить мероприятия по оснащению лабораторий университетов и технических вузов электронными машинами, ускорителями и другим новейшим оборудованием⁶.

Такие мероприятия послужили началу повсеместной интеграции наглядных образовательных материалов и средств визуализации в образовательный процесс наряду с традиционными учебниками и письменными заданиями.

Таким образом, конец 1958 года – период начала развития правового регулирования государственной политики в области образования по предоставлению государственных гарантий обучающимся для успешного проведения учебного процесса, используя новейшие достижения науки и техники.

2. Нормативное закрепление «компьютеризации» в учебных заведениях: на пути к цифровизации образования (1974-1991 гг.).

С 1 января 1974 года в действие введен Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании»⁷, который в статье 22 закрепил главные задачи, стоящие перед средней общеобразовательной школой на данном этапе ее развития. Одной из задач стало обеспечение детей и молодежи компьютерной грамотностью и привитие им навыков пользования электронно-вычислительной техникой.

Так, например, в Свердловском педагогическом институте была поставлена «ЭВМ Урал-4», выпускались первые учителя по специальности «математика и использование ЭВМ в учебном процессе», преподаватели института обучались «компьютерной грамотности»⁸. В школах Москвы, Ленинграда и Ново-

сибирска осуществлялась комплексная подготовка учащихся по специальностям, связанных с ЭВМ⁹. В это время также развивалась и система межшкольных учебно-производственных комбинатов, часть специализаций которых относились к профессиональной подготовке учащихся старших классов в области применения вычислительной техники¹⁰, а после внедрения в процесс обучения многотерминальных комплексов на базе малых ЭВМ, диалоговых вычислительных систем и персональных компьютеров для учащихся стали появляться новые специальности в сфере обработки информации на компьютере¹¹.

Таким образом, в данный период времени компьютерные технологии стали более широко использоваться для изучения различных научных областей, на основании чего, серьезным шагом на пути к цифровизации образования Союза ССР стал вопрос об обязательном изучении «информатики»¹² в образовательных учреждениях. Данный вопрос был поставлен в апреле 1984 года на Пленуме ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, по результатам которого принято Постановление ВС СССР от 12 апреля 1984 года № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Одной из задач совершенствования содержания образования, указанной в постановлении, было вооружение учащихся знаниями и навыками использования современной вычислительной техники, обеспечение широким применением компьютеров в учебном процессе, создание для этого специальных школьных и межшкольных кабинетов¹³.

В этот же день было издано совместное Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 313 «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы», где впервые установлена задача «организовать в старших классах общеобразовательных школ, профессионально-технических училищах, средних специальных учебных заведениях изучение основ электронно-вычислительной тех-

⁶ Разработка вычислительной техники в СССР приходится на начало 1940-х годов под руководством С.А. Лебедева. Галагузова М.А., Штинова Г.Н., Волгина И.В. Понятийный генезис цифровизации образования // Понятийный аппарат педагогики и образования. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет. 2023. С. 37. Уже в 1945 году была создана и работала первая электронная аналоговая вычислительная машина (далее – ЭВМ). В 1948 году начались работы по созданию Малой электронной счетной машины, которая вошла в эксплуатацию в 1951 году; 1950 году – начало разработки Большой электронной счетной машины, принята в эксплуатацию в 1953 году. Хотя еще до военного времени началось исследование и разработка быстродействующих триггеров – основных элементов цифровых ЭВМ. Кочегаров И.И., Полтавский А.В., Юрков Н.К. Эволюция вычислительных систем: учеб. пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 32.

⁷ Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30 Ст. 392.

⁸ Галагузова М.А., Штинова Г.Н., Волгина И.В. Указ. соч. С. 37.

⁹ Лебедева Т. Н. Становление курса информатики в школьном образовании в период с 1950 г. до 1990 г. // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках. 2014. № 1. С. 298.

¹⁰ Оператор ЭВМ, оператор устройств подготовки данных для ЭВМ, электромеханик по ремонту и обслуживанию внешних устройств ЭВМ, регулировщик электронной аппаратуры, программист-лаборант, оператор вычислительных работ. Лебедева Т.Н. Указ. соч. С. 298.

¹¹ Лебедева Т.Н. Указ. соч. С. 298.

¹² В 1979 году для рассмотрения содержания и методов обучения А.П. Ершовым, Г.А. Звенигородским, Ю.А. Первиным предлагалась первая пробная школьная программа по информатике, где главной задачей курса информатики и вычислительной техники являлось формирование у всех учащихся операционного стиля мышления, навыков планирования структуры действий для достижения заданной цели при помощи фиксированного набора средств. Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепции, состояние, перспективы). Новосибирск: Препринт, 1979. С. 52.

¹³ Постановление ВС СССР от 12 апреля 1984 г. № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Ведомости ВС СССР. 1984. № 16. Ст. 237.

ники, с тем чтобы привить учащимся навыки пользования компьютерами и вооружить их знаниями о широком применении этой техники в народном хозяйстве. Для этого предусмотреть разработку специального курса для учащихся, создание необходимых учебников, учебных пособий, школьных и межшкольных кабинетов, а также использование компьютерной техники базовых предприятий и других учреждений в учебных целях»¹⁴.

На основании указанных апрельских реформ в сфере образования 1984 года был создан первый отечественный учебник по информатике, носивший название «Основы информатики и вычислительной техники» (ОИВТ)¹⁵, и с 1 сентября 1985 года в старших школах СССР информатика была введена в качестве нового обязательного учебного предмета¹⁶. В это же время во всех школах страны в кабинетах вычислительной техники стали появляться первые компьютеры, педагогические вузы начали осуществлять подготовку учителей и преподавателей по специальности «Информатика и вычислительная техника» – такие меры были направлены на реализацию первой в СССР государственной программы по обеспечению образовательных организаций компьютерами и введению обязательных программ обучения информатике учащихся на всех уровнях образования¹⁷.

В целом, советские образовательные реформы были направлены на развитие конкуренции с западными странами в информационном образовании, поэтому в 1988 г. в стране «была разработана первая концепция информатизации образования, которая была направлена на формирование компьютерной грамотности как одного из элементов общего образования»¹⁸.

Таким образом, советский период 70-х – 80-х годов – время реализации отдельных мер по информатизации и компьютеризации образования, поскольку именно в данный период школы обеспечивались компьютерами, и началось обучение информационным технологиям.

3. Начало цифровизации образования: цифровые и телекоммуникационные технологии (1991-2000 гг.).

Несмотря на распад СССР в 1991 году, отток квалифицированных специалистов за рубеж и начавшаяся трансформация образовательной системы «процессы либерализации этой сферы шли медленнее и не привели к полному вытеснению плановых основ»¹⁹, в частности, по дальнейшему развитию цифровых технологий в отечественном образовании. Однако в целом без оказания поддержки со стороны государства и происходившей в начале 90-х годов XX века сменой государственной политики и социально-экономического устройства ситуация в сфере образования серьезно осложнилась, что привело к необходимости ее реформирования.

Была принята Программа информатизации образования в Российской Федерации на 1994-1995 годы²⁰. Главной целью такой программы стало обеспечение реализации Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании» (далее – Закон об образовании) и государственной политики в области образования за счет расширения применений средств и методов новых информационных технологий.

Так, к концу 1990-х годов в сфере образования наблюдалось широкое распространение и использование компьютеров. В школы поставлялись более усовершенствованные персональные компьютеры и другие технические устройства, которые значительно по своему функционалу превосходили такие технологии 80-х годов прошлого столетия²¹. Стали использоваться качественно новые возможности технических устройств, связанные с доступом к сети «Интернет» в той или иной форме²², «появились новые средства обучения на базе цифровых технологий (цифровые естественно-научные лаборатории, удобные мультимедийные проекторы и т.п.)»²³, «создавались первые интегрированные курсы»²⁴.

Кроме того, важно отметить, что существенное

¹⁴ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12 апреля 1984 г. № 313 «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 254-2.

¹⁵ Основы информатики и вычислительной техники: проб. учеб. пособие для сред. учеб. заведения. В 2-х ч. / под ред. А.П. Ершова, В.М. Монахова. М.: Просвещение. Ч. 1, 1985. Ч. 2, 1986. 143 с.

¹⁶ «Линия алгоритмизации и программирования, отражающая логику построения первого курса ОИВТ для старшей школы» в период 1985-1990 годы стала одной из ведущих линий в содержании курсов информатики для младших школьников. Босова Л.Л. Развитие методической системы обучения информатике и информационным технологиям младших школьников : Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2010. С. 35.

¹⁷ См. Постановление от 28 марта 1985 г. № 271 «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся средних учебных заведений и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс (не для печати)» // Вопросы образования. № 3. 2005. С. 341-346.

¹⁸ Аветисян В.Р. Отечественный опыт в становлении цифровой образовательной среды в 1980-1990 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 91. С. 110.

¹⁹ Яковлева Н.Г. Трансформации образования в экономике постсоветской России: взаимосвязь цифровизации и маркетинга // Вопросы политической экономики. 2021. № 2. С. 146.

²⁰ Программа информатизации образования в Российской Федерации на 1994-1995 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://bspu.uni-altai.ru/Friends/aio/program/regprog/prog.html> (дата обращения: 08.07.2024).

²¹ Аветисян В.Р. Указ. соч. С. 110.

²² Deja, M. Digital transformation readiness: perspectives on academia and library outcomes in information literacy / M. Deja, D. Rak, V. Bell // The Journal of Academic Librarianship. 2021. № 47 (5). P. 3. <https://doi.org/10.1016/j.jacalib.2021.102403>

²³ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под. ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 62.

²⁴ Аветисян В.Р. Указ. соч. С. 111.

значение в процессе интеграции российского государства в мировое образовательное пространство оказал практический опыт информатизации образования в России и других странах с использованием информационных технологий²⁵. Такой опыт был положен в основу разработки первой Концепции создания и развития системы дистанционного образования в России, утвержденной Постановлением Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 31 мая 1995 года № 6 «О состоянии и перспективах создания единой системы дистанционного образования в России»²⁶ (далее – Концепция о единой СДО) и сохранившей ценность основных положений до настоящего времени²⁷.

Именно данный нормативный акт положил начало становления российской системы дистанционного образования на основе внедряющихся инновационных технологий.

Такое насыщение образовательных организаций вело к смене ориентиров: эффективная учебная деятельность стала первостепенной задачей по отношению к компьютерной грамотности обучающихся²⁸. В частности, произошла смена школьного курса «информатики», который получил название «информатика и ИКТ», где изучение ИКТ – информационных и коммуникационных технологий стало доминировать, а вместе с тем появилась необходимость формирования «цифровой компетентности учащихся образовательных организаций»²⁹.

4. Правовое реформирование системы образования в начале второго тысячелетия: цифровой вектор перемен (2000-2016 г.).

Исследуя динамику развития правового регулирования процесса цифровизации в сфере отечественного образования начала XXI века, следует справедливо заметить, что государство нацелено на создание ряда условий по становлению современного информационного общества путем реализации федеральных целевых программ. Такие программы направлены на реформирование системы образования.

Так, 10 апреля 2000 года принят Федеральный закон № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования»³⁰ (далее – ФПРО). Реализация такой программы была нацелена главным

образом на развитие системы образования в 2000-2005 годы в качестве одного из факторов экономического и социального прогресса общества за счет внедрения информационных образовательных технологий и методов обучения, в том числе дистанционных.

Для достижения указанной цели в рамках ФПРО был выполнен «первый широкомасштабный образовательный проект в области ИКТ в России новейшего времени»³¹ по компьютеризации сельских школ, утвержденный приказом Министерства образования Российской Федерации от 17 октября 2000 года № 2976 «О компьютеризации сельских школ и создании единой информационной среды»³². Компьютерной техникой были оснащены 30 715 (97%) сельских образовательных учреждений³³, 3% - ранее компьютеризированные школы³⁴. Одновременно с поставкой техники школы также оснащались учебными и методическими материалами, происходило обучение педагогических работников.

Следующим шагом в развитии образовательной среды со стороны государства стала разработка и принятие Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды (2001-2005 годы)», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 630 от 28 августа 2001 года «О федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001-2005 годы)»» (далее – программа РЕОИС)³⁵. Целью программы стало создание и развитие в Российской Федерации единой образовательной информационной среды, обеспечивающей, в частности, создание условий для поэтапного перехода к новому уровню образования на основе информационных технологий.

В рамках такой программы продолжалось оснащение компьютерной техникой общеобразовательных учреждений в целях повышения показателя обеспеченности обучающихся компьютерами. В сельских школах реализовывался проект «Телекоммуникационная система удаленного доступа школ к информационным образовательным ресурсам», по которому в школы осуществлялась поставка станций спутникового доступа, позволяющих школе принимать элек-

²⁵ Резер Т.М., Владыко А.В. Социально-педагогический аспект развития цифровой образовательной среды // Среднее профессиональное образование. 2021. № 4 (308). С. 26.

²⁶ Постановление Госкомвуза России от 31 мая 1995 г. № 6 «О состоянии и перспективах создания единой системы дистанционного образования в России» // СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Лапчик М. П. О развитии нормативно-правовых основ дистанционного образования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2014. № 4. С. 100.

²⁸ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под. ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. С. 61.

²⁹ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под. ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. С. 62.

³⁰ Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // СЗ РФ. 2000. № 16. Ст. 1639.

³¹ Калина И.И. О мерах, направленных на внедрение современных образовательных технологий // Вопросы образования. 2005. № 3. С. 9.

³² Приказ Минобразования России от 17 октября 2000 г. № 2976 «О компьютеризации сельских школ и создании единой информационной среды». Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901776178> (дата обращения: 08.07.2024).

³³ Калина И.И. Указ. соч. С. 9.

³⁴ Владимир Филиппов: Доступ к знаниям в ближайшем будущем связан с информационными технологиями. Электронный ресурс]. URL: <https://ug.ru/vladimir-filippov-dostup-k-znaniyam-v-blizhajshem-budushhem-svyazan-s-informacionnymi-tehnologiyami/> (дата обращения: 08.07.2024).

³⁵ Постановление Правительства РФ от 28 августа 2001 г. № 630 «О Федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001 - 2005 годы)» // СЗ РФ. 2001. № 36. Ст. 3578.

тронные учебные материалы по запрашиваемым темам и получать выход в сеть «Интернет».

Помимо прочего, при реализации программы РЕ-ОИС произошло открытие 10 образовательных порталов для всех уровней образования, разработаны современные электронные учебные материалы, а доступ к сети «Интернет» получили более 20% образовательных учреждений³⁶.

Кроме того, в 2005 году в связи с внесением изменений в Закон об образовании у образовательных организаций расширились компетенции, в частности, по использованию дистанционных образовательных технологий при всех формах получения образования. Министерством образования и науки Российской Федерации (далее – Минобрнауки) был разработан «Порядок использования дистанционных образовательных технологий», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 137 от 6 мая 2005 года «Об использовании дистанционных образовательных технологий»³⁷. Однако активнее всего данные технологии в образовательной практике применялись образовательными учреждениями высшего профессионального образования.

Государственная политика цифровизации образования как одна из ключевых задач была обозначена в 2006 году, когда был принят первый приоритетный национальный проект «Образование», в рамках которого проводилась программа по подключению общеобразовательных школ к сети «Интернет», а также осуществлялась поддержка школ, реализующих инновационные образовательные программы: производилась закупка комплектов компьютерного оборудования, электронных образовательных ресурсов³⁸. «Прирост оснащенности цифровыми устройствами образовательных организаций в России в период 2003–2012 гг. оказался одним из самых высоких в мире»³⁹. Это создало основу для дальнейшего широкого распространения цифровых технологий во всей системе образования и становлении их неотъемлемой частью образовательного процесса.

Наряду с этим принятый 29 декабря 2012 года

новый Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴⁰ устанавливал правовое поле, соответствующее современным стратегиям развития национальной системы образования. Законодательно было подтверждено право граждан на дистанционное и электронное обучение и впервые закреплено право осуществления образовательной деятельности посредством сетевых форм.

Таким образом, отличительной особенностью развития отечественного образования начала второго тысячелетия, очевидно, является происходящее усиление внимания на государственном уровне к нормативной регламентации процессов модернизации традиционных средств обучения и повсеместной информатизации образовательного пространства. Принятые федеральные целевые программы, проекты, а также вышеуказанный Федеральный закон об образовании создали предпосылки для выведения государства на новый уровень цифрового развития российских школ.

5. Новые тенденции государственной образовательной политики - к цифровой образовательной среде (2016-2020 гг.).

Системный подход к внедрению цифровых технологий в образовательные учреждения начинается с 2016 года, когда наблюдается принятие принципиально новых государственных инициатив.

В целях исполнения подпункта «б» пункта 1 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 года № Пр-15ГС⁴¹, а также реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы⁴² 9 июня 2016 года утверждена ведомственная целевая программа «Российская электронная школа» на 2016 - 2018 годы⁴³. Главным направлением программы стало создание интерактивных уроков по всей совокупности общеобразовательных учебных предметов и размещение их в открытом доступе⁴⁴.

Также была запущена реализация приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»⁴⁵, предоставляющая всем категориям граждан из любой точки страны воз-

³⁶ Развитие единой образовательной информационной среды. Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/1163613/1095375.html> (дата обращения: 08.07.2024).

³⁷ Приказ Минобрнауки РФ от 06 мая 2005 г. № 137 «Об использовании дистанционных образовательных технологий» // Российская газета. 2005. № 179.

³⁸ К 2007 году в школы было направлено 5 113 комплектов учебного оборудования, а к сети «Интернет» были подключены более 18 тыс. школ. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект «Образование»: понятие, содержание и цели // Science Time. 2014. № 11 (11). С. 352.

³⁹ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под. ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. С. 14.

⁴⁰ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

⁴¹ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Государственного совета от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС // Официальный сайт Президента России. Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143> (дата обращения: 08.07.2024).

⁴² Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 17. Ст. 2058.

⁴³ Приказ Минобрнауки России от 09 июня 2016 г. № 698 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Российская электронная школа» на 2016 - 2018 годы» // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁴ О проекте // Государственная образовательная платформа «Российская электронная школа». Электронный ресурс]. URL: <https://resh.edu.ru/about> (дата обращения: 08.07.2024).

⁴⁵ Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9) // СПС КонсультантПлюс.

возможность использования онлайн-курсов и онлайн-ресурсов для освоения общеобразовательных предметов на различных платформах онлайн-обучения, интегрированных в один информационный ресурс (федеральный портал «Мое образование» - online.edu.ru). Доступ к таким платформам осуществляется по принципу «одного окна».

Отличительной особенностью данного проекта от программы «Российской электронной школы» стал ориентир его на каждого онлайн-пользователя, а не только на участников общеобразовательного процесса – учащихся и педагогов. Иными словами, произошло расширение аудитории пользователей новым информационным ресурсом⁴⁶, для чего на федеральном уровне принимались меры в основном по созданию цифрового образовательного контента. Вопросы материально-технического обеспечения и подключения школ к сети «Интернет» фактически начали подниматься лишь после 2018 года⁴⁷.

Так, на основании задач, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴⁸, принят федеральный проект «Цифровая образовательная среда»⁴⁹ (далее – ФП «Цифровая образовательная среда»). Основная часть запланированных мероприятий сфокусирована на внедрении в сферу образования цифровых технологий, обеспечении образовательных организаций Интернет-соединением со скоростью соединения не менее 100 Мб/с - для образовательных организаций, расположенных в городах, 50 Мб/с - для образовательных организаций сельской местности.

Однако к 2020 году лишь 20,5% школ в среднем по России имели скорость доступа к сети «Интернет» более 100 Мб/с⁵⁰. Почти 40% российских школ (в сельской местности – 49%) имели такой доступ со скоростью менее 30 Мб/с, что затрудняло соответ-

ствие образовательных учреждений современным федеральным государственным требованиям цифровой образовательной среды⁵¹.

Помимо ФП «Цифровая образовательная среда» в России также реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁵², в структуре которого осуществляется федеральный проект «Информационная инфраструктура». Указанный проект обеспечивает регулирование процесса по подключению общеобразовательных учреждений к сети «Интернет», за выполнением которого следит Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры). В целом же за период с 2016 по 2020 год только 85,4 % (57 109 зданий) из общего количества зданий общеобразовательных организаций были подключены к сети «Интернет»⁵³, что не позволяло эффективно работать в условиях цифрового обновления и создавало серьезные риски для обучающихся, особенно при вынужденном переходе на дистанционное обучение в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Вместе с тем рассматриваемый временной период, с 2016 года по 2020 год, все же справедливо следует определить периодом постепенного расширения подзаконного регулирования, направленного на широкую масштабную цифровизацию всей системы образования за счет создания нового электронного информационного ресурса, а также продолжавшейся положительной динамики материально-технического оснащения и обеспечения доступом к сети «Интернет» образовательных организаций⁵⁴.

6. Цифровая научно-образовательная среда и цифровые права субъектов образовательного процесса в «ковидную» и «постковидную» эпохи (2020–2024 гг.).

Беспрецедентное влияние на стремительное ускорение процесса цифровизации образовательной сре-

⁴⁶ Объем федерального финансирования указанных мероприятий за 2016–2018 годы составил 5 062,7 млн рублей – это 0,5 % всех расходов федерального бюджета на образование за указанный период. См. Цифровизация образования. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 10 (299). С. 20.

⁴⁷ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Цифровизация образования. 2022. № 10 (299). С. 61.

⁴⁸ Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁴⁹ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16) // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁰ Кассовое исполнение данного проекта за 2019–2021 годы составило 34 128,6 млн. рублей – это 95 % от утвержденных бюджетных ассигнований (35 941,7 млн. рублей), из которых 29 923,3 млн. рублей - объем финансирования мероприятий по развитию материально-технической базы общеобразовательных организаций. См. Цифровизация образования. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 10 (299). С. 20.

⁵¹ Цифровое обновление российской школы: информационный бюллетень / А. Р. Горайнова, И. В. Дворецкая и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 17.

⁵² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС КонсультантПлюс.

⁵³ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Цифровизация образования. 2022. № 10 (299). С. 38.

⁵⁴ С 2016 года доля персональных компьютеров в образовательных учреждениях увеличилась на 27,9%, в том числе ноутбуков и других портативных персональных компьютеров – на 46,3%, планшетных компьютеров – на 154%⁵⁴, а рост показателя подключения школ к высокоскоростному интернету (100 Мбит/сек и выше) пришелся на 2019 год, когда 5845 школ были обеспечены «Интернетом» - это в 6 раз больше по сравнению с 2018 годом (881 школ). См. Цифровизация образования. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 10 (299). С. 37-38.

К 2019 году в сфере высшего образования также появлялись цифровые новшества, например, по использованию электронных зачетных книжек. См. Минобрнауки рассказало о вузах, которые уже используют электронные зачетки // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Электронный ресурс]. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/23655/> (дата обращения: 08.07.2024).

ды оказала пандемия COVID-19 в начале 2020 года. Все субъекты образовательных отношений были вынуждены перейти на дистанционные образовательные технологии, которые наряду с другими формами образования занимали меньшую долю. Именно в данный период рынок образовательных онлайн-услуг начал расширяться с помощью цифровых инструментов. Появились интерактивные цифровые учебники, для проведения онлайн-встреч использовались различные сервисы, программы и платформы⁵⁵, выполнение заданий, разработка проектов осуществлялись с помощью офисных пакетов⁵⁶, в высших учебных заведениях активно внедрялась система LMS (learning management system - система управления обучения). Кроме того, в бесплатный открытый доступ многие платформы выкладывали часть курсов для дистанционного обучения⁵⁷.

С целью объединения информации обо всех онлайн-курсах в стране принято Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 года № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» (вместе с «Положением о государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»». Данный нормативно правовой акт обеспечил создание автоматизированного сервиса психометрической аналитики, интегрированного в качестве подсистемы портала online.edu.ru (информационный ресурс «одного окна»), который обеспечивает всем зарегистрированным пользователям доступ к сотням российских онлайн-курсов⁵⁸.

Также в июне 2020 года в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» запущен цифровой сервис «Поступление в ВУЗ онлайн», позволяющий выпускникам дистанционно подать документы во все государственные и муниципальные вузы и их филиалы на территории России и отслеживать все этапы поступления в ре-

жиме реального времени⁵⁹. В 2020 году к данному сервису подключили около 54 вузов, в 2021 году еще 137 учебных заведений, а с 2022-го система распространилась уже на всю страну⁶⁰.

С 01 февраля 2022 года в России впервые введен в действие «ГОСТ Р 59871-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровая научно-образовательная среда. Общие положения» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 24 ноября 2021 года № 1560-ст), устанавливающий общие положения применительно к цифровой научно-образовательной среде и определяющий основные понятия, концептуальную модель и общие принципы разработки развития среды⁶¹.

В этом же году в России Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки совместно с Минцифры, Минобрнауки, Министерством просвещения РФ, Министерством культуры РФ и Министерством здравоохранения РФ был запущен эксперимент по формированию цифровых документов об образовании в рамках создания суперсервиса «Цифровые документы об образовании онлайн»⁶². Данный сервис должен обеспечить онлайн-доступ к юридически значимым электронным документам об образовании (аттестатам и дипломам). В 2023 году к данному пилотному проекту, помимо школ, присоединились колледжи и ВУЗы, а в 2024 году - учреждения дополнительного образования. Кроме того, в настоящее время прогнозируется, что в 2024 году эксперимент охватит федеральные, региональные и частные образовательные организации, в том числе 277 школ, 260 колледжей, 61 вуз⁶³ и 225 учреждений дополнительного образования⁶⁴.

Таким образом, период пандемии COVID-19 оказал существенное влияние на нормативное наполнение для сферы цифровой отечественной системы образования как социально значимой отрасли в пуб-

⁵⁵ Например, Zoom, Google Meet, Discord.

⁵⁶ Например, «Google Таблицы», «Презентации», «Документы» и др.

⁵⁷ Например, «онлайн-университет «Нетология» открыл весной 2020 г. доступ к библиотеке с более чем 80 краткими курсами по маркетингу и менеджменту и снизил стоимость основных платных курсов на 40%. Цит. по Гарипова З.Ф. Цифровизация образования в условиях пандемии: тенденции, проблемы, направления развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 113.

⁵⁸ Цифровое обучение становится заложником экосистем // Электронное периодическое издание «Парламентская газета». Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/cifrovoe-obuchenie-standovitsya-zalozhnikom-ekosistem.html> (дата обращения: 08.07.2024).

⁵⁹ Прием заявлений от абитуриентов через суперсервис «Поступление в вуз онлайн» начнется 20 июня // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50667/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶⁰ Цифровое обучение становится заложником экосистем // Электронное периодическое издание «Парламентская газета». Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/cifrovoe-obuchenie-standovitsya-zalozhnikom-ekosistem.html> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶¹ ГОСТ Р 59871-2021 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровая научно-образовательная среда. Общие положения» // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Электронный ресурс]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=242066> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶² Рособнадзор апробирует механизм формирования цифровых документов об образовании // Официальный сайт Федерального службы по надзору в сфере образования и науки. Электронный ресурс]. URL: <https://obnadzor.gov.ru/news/rosobnadzor-aprobiruet-mehanizm-formirovaniya-cifrovyh-dokumentov-ob-obrazovanii/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶³ Среди них крупнейшие — МГУ, МГТУ им. Баумана, МПГУ // Документы об образовании переведут в новый формат. Когда это произойдет. Их можно будет использовать при поступлении в вуз и трудоустройстве. Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/65d459209a7947c230b6395f> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶⁴ Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2024 г. № 173 «О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» в 2024 году» // СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1137.

лично-правовом регулировании и тем самым создал предпосылки для развития цифровых инноваций и онлайн-образования.

Очевидно, что с течением времени комплекс правового регулирования процесса цифровизации системы образования будет только увеличиваться, трансформируя при этом подход к пониманию значимости и определению содержания цифровой системы образования.

Заключение.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что в генезисе правового регулирования процесса цифровизации отечественного образования можно выделить несколько этапов:

1) Признание предцифровых образовательных технологий в советском законодательстве (1890-1974 гг.). Согласно авторской концепции он охватывает начало появления доцифровых технологий (кино, радио и телевидения), предшественников инновационных технологий в сфере образования, и заканчивается в 1974 году, когда утратил силу первый Закон СССР от 24 декабря 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», закреплявший учебно-технические и научно-популярные кинофильмы, радио, телевидение наряду с электронными машинами, ускорителями и другим оборудованием в качестве государственных гарантий обучающимся для успешного проведения учебного процесса;

2) Нормативное закрепление «компьютеризации» в учебных заведениях: на пути к цифровизации образования (1974-1991 гг.). В данный период происходит постепенное внедрение в учебный процесс советских ЭВМ и персональных компьютеров на основании введенного в действие с 1 января 1974 года Закона СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании». Кроме того, в школах начинается обучение информационным технологиям и формирование у обучающихся компьютерной грамотности. Основанием для введения таких новшеств стали принятые 12 апреля 1984 года постановления: Постановление ВС СССР № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» и совместное Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 313 «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы»;

3) Начало цифровизации образования: цифровые и телекоммуникационные технологии (1991-2000 гг.). Указанный период характеризуется сохранением действия союзного законодательства, несмотря на распад СССР⁶⁵, принятием нового Закона об образовании 1992 года, а также утверждением Концепции о единой СДО – все это послужило основанием расширения применения информационных систем и се-

тей в процессе обучения (появление доступа к сети «Интернет») и становления российской системы дистанционного образования;

4) Правовое реформирование системы образования в начале второго тысячелетия: цифровой вектор перемен (2000-2016 гг.). В течение данного периода в государстве совершается повсеместная компьютеризация образовательных учреждений, прирост оснащенности цифровыми устройствами, а также подключение к сети «Интернет». Правовой основой указанных процессов стали первые федеральные целевые программы (ФПРО и программа РЕОИС) и первый приоритетный национальный проект «Образование». Кроме того, был принят новый Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которым подтверждено право граждан на дистанционное и электронное обучение и впервые закреплено право осуществления образовательной деятельности посредством сетевых форм;

5) Новые тенденции государственной образовательной политики - к цифровой образовательной среде (2016-2020 гг.). Отличительной особенностью данного периода является расширение подзаконного регулирования, обеспечивающего возможность получения онлайн-образования, создания цифрового образовательного контента и появления в открытом доступе интерактивных уроков по всем учебным предметам за счет материально-технического оснащения и постепенного обеспечения доступом к высокоскоростному Интернет-соединению (100 Мб/с) образовательных организаций;

6) Цифровая научно-образовательная среда и цифровые права субъектов образовательного процесса в «ковидную» и «постковидную» эпохи (2020-2024 гг.). В течение указанного временного интервала в государстве наблюдается нормативное закрепление процесса осуществления электронного обучения и применения дистанционных образовательных технологий, расширение рынка образовательных онлайн-услуг, массовый переход образовательных учреждений на дистанционное образование, запуск цифровых сервисов в образовательной среде.

Таким образом, появление и развитие цифровых технологий оказывают влияние на формирование правового регулирования возникающих при их использовании общественных отношений. В сфере образования такая правовая регламентация процесса цифровизации имеет особое значение, поскольку позволяет определить в целом содержание права на образование в определенный период времени.

Вместе с тем опережающее нормативное закрепление в свою очередь также может стимулировать повышение уровня цифровизации образования в целях обеспечения конкурентоспособности отечественного образования на мировом образовательном рынке.

Подчеркнем, что система правового регулирования общественных отношений в исследуемой сфере

⁶⁵ Так, например, Закон СССР от 19 июля 1973 года № 4536-8 «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» официально утратил силу только с принятием Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст.109).

находится в стадии формирования и, несомненно, будет только развиваться.

Суть цифровизации сферы образования сводится к тому, что она представляет собой концепцию внедрения цифровых технологий если не во все аспекты образовательного процесса, то в большую часть из них, требуя при этом создание гарантированных государством условий для полноценного формирования цифровой компетентности.

В настоящее время процесс цифровизации отече-

ственного образования все более набирает обороты. Применение цифровых технологий в обучении является одним из способов обеспечения национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, достижения целей и решения задач государственной политики в области образования. Государство стремится создавать условия для оперативности решения вопросов по обеспечению конкурентоспособности всей системы образования на мировой арене в условиях цифровой среды.

Библиографический список

1. Аветисян В.Р. Отечественный опыт в становлении цифровой образовательной среды в 1980-1990 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25. – № 91. – С. 108-113.
2. Босова Л.Л. Развитие методической системы обучения информатике и информационным технологиям младших школьников: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Москва, 2010. – 47 с.
3. Галагузова М.А., Штинова Г.Н., Волгина И.В. Понятийный генезис цифровизации образования // Понятийный аппарат педагогики и образования. – 2023. – С. 34-42.
4. Гарипова З.Ф. Цифровизация образования в условиях пандемии: тенденции, проблемы, направления развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. – № 3 (36). – С. 111-114.
5. Гиль А.В., Морозов А.В. От информатизации к цифровизации образовательного процесса // Образование и право. – 2019. – № 12. – С. 129–135.
6. Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепции, состояние, перспективы). Новосибирск: Препринт, 1979. – 52 с.
7. Звенигородский Г.А. Первые уроки программирования. М.: Наука, 1985. – 208 с.
8. Зверева Л.Г., Ткачева А.Г. Этапы и пути становления цифрового образования в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 1-1. – С. 43–46.
9. Калина И.И. О мерах, направленных на внедрение современных образовательных технологий // Вопросы образования. – 2005. – № 3. – С. 5-32.
10. Кочегаров И.И., Полтавский А.В., Юрков Н.К. Эволюция вычислительных систем: учеб. пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – 124 с.
11. Лапчик М.П. О развитии нормативно-правовых основ дистанционного образования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2014. – № 4. – С. 100-113.
12. Лебедева Т.Н. Становление курса информатики в школьном образовании в период с 1950 г. до 1990 г. // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках. – 2014. – № 1. – С. 296-306.
13. Луцкая И.С. Компьютеризация, информатизация, цифровизация в современном образовании: характеристика, перспективы и значение // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – № 36. – С. 66-75.
14. Основы информатики и вычислительной техники: проб. учеб. пособие для сред. учеб. заведения. В 2-х ч. / под ред. А.П. Ершова, В.М. Монахова. М.: Просвещение. Ч. 1, 1985. Ч. 2, 1986. – 143 с.
15. Постников А.Е. Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 248 с. DOI 10.12737/1911600.
16. Пронь К.С., Абусупьянова А.А., Анцыфорова Л.Ю. История развития цифровых технологий в системе образования // Молодой исследователь Дона. – 2022. – № 3 (36). – С. 101-105.
17. Резер Т.М., Владыко А. В. Социально-педагогический аспект развития цифровой образовательной среды // Среднее профессиональное образование. – 2021. – № 4 (308). – С. 25-28.
18. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект «Образование»: понятие, содержание и цели // Science Time. – 2014. – № 11 (11). – С. 350-355.
19. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под. ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 341 с.
20. Цифровизация образования. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. – 2022. – № 10 (299). – 100 с.
21. Цифровое обновление российской школы: информационный бюллетень / А.Р. Горяйнова, И.В. Дворецкая и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 48 с.
22. Яковлева Н.Г. Трансформации образования в экономике постсоветской России: взаимосвязь цифровизации и маркетинга // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 2. – С. 146-157.
23. Deja M. Digital transformation readiness: perspectives on academia and library outcomes in information literacy / M. Deja, D. Rak, B. Bell // The Journal of Academic Librarianship. 2021. № 47 (5). P. 1-15. <https://doi.org/10.1016/j.acalib.2021.102403>.

Рецензент: Ветошкина Е.Д., заместитель директора Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по научной работе, к.ю.н., доцент.

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА
№ 4 (62) / 2024

Подписано в печать 17.12.2024 г. Дата выхода в свет 26.12.2024 г.
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Свободная цена.
Усл. печ. листов 16,75. Тираж 25. Заказ 51.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».
Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.